

ISSN (print) 2686-9764 Том 17, № 2 (62),
ISSN (online) 2782-1986 2023

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

science and practice journal

of Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service

Volume 17, No. 2 (62),
2023

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2023, том 17, № 2 (62)

научно - практический журнал

Вологодского института права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический
журнал
«Пенитенциарная
наука»

издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под назва-
нием «Вестник институ-
та: преступление, нака-
зание, исправление»

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019

Журнал размещается
в следующих
реферативных и
полнотекстовых
базах данных:
DOAJ, EBSCOhost,
WorldCat, East View
Information Services,
Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КиберЛенинка»,
электронный
периодический
справочник «Система
ГАРАНТ»

Все права защищены.
Перепечатка
материалов только
с разрешения редакции
журнала

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Каравалева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аветисян С. С. – профессор кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права института права и политики Российско-Армянского университета, судья уголовной палаты Кассационного суда Республики Армении, председатель армянского представительства региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армения;

Антонян Ю. М. – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского государственного гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мацкевич И. М. – ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Панченко В. Ю. – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского университета им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, доцент;

Пастушеня А. Н. – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО», доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;

Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминологии Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
426035, г. Ижевск,
ул. Тимирязева, д. 5,
оф. 5

Телефоны:
(8172) 51-82-50,
51-46-12,
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru,
pennauka@vipe.fsin.gov.ru

Сайт:
<https://jurnauka-vipe.ru>

Подписной индекс
41253 по электронному
каталогу «Урал-Пресс»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
30.06.2023

Тираж 1000 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерева Л. А. – проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, главный научный сотрудник лаборатории сравнительного правоведения юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминологии Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – профессор кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, доктор педагогических наук, доцент;

Козаев Н. Ш. – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Шмонин А. В. – профессор кафедры уголовного процесса и криминологии Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические науки (юридические науки); 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки); 5.3.9. Юридическая психология и психологическая безопасность (психологические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	118
ЕПИФАНОВ А. Е. Организация и деятельность советской конвойной охраны в начале 1950-х гг.	118
САМУСЕВИЧ А. Г. Понятие и реализация персональной ответственности: теоретико-процессуальный аспект (на примере ст. 113 Конституции Российской Федерации)	127
ЯКОВЕЦ Е. Н. О содержании российского пенитенциарного законодательства дореволюционного и советского периодов	134
БУКАЛЕРОВА Л. А., КОЛПАКОВА Л. А. Реализация целей уголовного наказания в отношении осужденных к лишению свободы за экстримизм	144
ДВОРЯНСКОВ И. В. Административная преюдиция в уголовном праве.	153
САМОХВАЛОВ И. Ю., САНТАШОВ А. Л. Проблемы правовой регламентации процесса ресоциализации несовершеннолетних осужденных	163
ШУРУХНОВ Н. Г., ДЕЧКИН О. М. Данные, составляющие криминалистическую характеристику умышленного причинения осужденными вреда жизни и здоровью, и их корреляции	175
БАЛАСАНОВ М. Р. Условный характер применения замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания как путь совершенствования данного института уголовного права	186
СТАРОСТИН С. А. Административное усмотрение в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний: теоретико-доктринальное осмысление	196
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	203
ЛАПШИН В. Е., ШАМАНИН Н. В. Профилактика профессиональных деструкций сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний как фактор успешности их профессиональной деятельности	203
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	212
КОВАЛЕВА М. Л., ШИБАЕВ Д. В. Разработка онлайн-курсов как средство совершенствования отечественной системы непрерывного образования.	212
ПОГОДИН В. А., ЗАУТОРОВА Э. В. Структура мезо- и микроциклов подготовительного периода в программе технической подготовки стрелков	222

Научная статья

УДК 343.101

doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.001

Организация и деятельность советской конвойной охраны в начале 1950-х гг.

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ

Академия управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Реферат

Введение: статья посвящена анализу проблем, связанных с организацией и деятельностью конвойной стражи МВД СССР в начале 1950-х гг. Хронологические рамки исследования определяются датами реорганизации конвойных войск в конвойную охрану, а также объединением внутренней и конвойной охраны в единое войсковое формирование – внутреннюю и конвойную охрану МВД СССР. *Цель:* на основе обобщения опыта деятельности конвойной охраны в изучаемый период дополнить и скорректировать представления, сложившиеся в истории отечественных органов внутренних дел, в частности пенитенциарной системы. *Методы:* статья подготовлена с использованием общенаучных и исторических методов исследования, широко применялись методы материалистической диалектики, хронологический, сравнительный, системного анализа, статистический и др. При проведении исследования были привлечены архивные материалы Управления конвойной охраны МВД СССР по обобщению опыта конвоирования, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. *Результаты:* анализ регламентации и практики деятельности конвойной охраны МВД СССР показал, что в изучаемый период произошло дальнейшее совершенствование организации и функционирования ее подразделений. Это обеспечило реализацию важнейших задач, связанных с осуществлением деятельности органов внутренних дел, государственной безопасности и юстиции. Важное значение имели мероприятия руководства конвойной охраны, направленные на укрепление дисциплины, служебной и политической подготовки личного состава. *Выводы:* имея своим назначением конвоирование заключенных, конвойная охрана в изучаемый период сосредоточилась на обслуживании органов МВД, МГБ, Министерства юстиции и Прокуратуры СССР. Тем самым она обеспечивала их работу в части государственной безопасности Советского Союза, борьбы с преступностью, а также изоляции от общества нарушивших советские законы лиц. Основной задачей конвойной охраны в изучаемый период являлось недопущение побегов конвоируемых и обеспечение при этом установленного для них режима содержания.

Ключевые слова: конвойная охрана; Министерство внутренних дел; заключенные; побег.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Епифанов А. Е. Организация и деятельность советской конвойной охраны в начале 1950-х гг. // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 118–126. doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.001.

Original article

Organization and Activity of the Soviet Convoy Guard in the Early 1950s

ALEKSANDR E. EPIFANOVManagement Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>**Abstract**

Introduction: the article is devoted to the analysis of problems related to the organization and activities of the convoy guards of the Ministry of Internal Affairs of the USSR in the early 1950s. The chronological framework of the study is determined by the dates of the reorganization of convoy troops into convoy guards, as well as the unification of internal guards and convoy guards into a single military formation – internal and convoy guards of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. *Purpose:* summarizing the experience of the convoy guard in the period under study, to supplement and correct the ideas developed in the history of domestic internal affairs bodies and the penitentiary system in particular. *Methods:* the article is prepared with the help of general scientific and historical research methods. The methods of materialistic dialectics, chronological, comparative, system analysis, statistical, etc. are also used. Archival materials of the Convoy Guard Department of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, most of which are first introduced into scientific circulation, help generalize the escorting experience. *Results:* the analysis of the regulation and practice of convoy guards of the Ministry of Internal Affairs of the USSR shows that the period under consideration was characterized by further improvement of the organization and activities of its units. In turn, this ensured implementation of crucial tasks to ensure activities of internal affairs bodies, state security and justice. Activities of the convoy guard leadership aimed at strengthening discipline, service and political training of personnel were of great importance. *Conclusion:* having the purpose of escorting prisoners, the convoy guard focused on servicing the bodies of the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of State Security, the Ministry of Justice and the Prosecutor's Office of the USSR. Thus, it ensured their work in matters of state security of the Soviet Union, fight against crime, as well as isolation of persons who violated Soviet laws. The main task of the convoy guard during the study period was to prevent escapes of the escorted contingents and at the same time to ensure the maintenance regime established for them.

Key words: convoy guards; Ministry of Internal Affairs; prisoners; escapes.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

For citation: Epifanov A.E. Organization and activity of the Soviet convoy guard in the early 1950s. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 118–126. doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.001.

Введение

Несмотря на все многообразие связанной с историей и правовым положением отечественных внутренних войск литературы, проблематика, заявленная в теме исследования, затрагивалась в ней лишь фрагментарно. В работах З. А. Астемирова [1], Ф. Х. Ахмадеева [2], Г. С. Белобородова [3], М. Г. Деткова [4], А. И. Зубкова [5], В. В. Князева [6], И. И. Кизилова [7], А. Я. Малыгина [8], В. Ф. Некрасова [9–11], П. П. Рассказова [12], А. С. Смыкалина [13], В. П. Тонконогова [14], В. Г. Тимофеева [15], П. А. Федорова [16] и других вопросы, связанные с историей и правовым положением конвойной охраны, рассматриваются в ракурсе организации органов внутренних дел, внутренних войск и пенитенциарных учреждений на различных исторических этапах.

Деятельность конвойных войск в дореволюционный период, годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы стала объектом исследования А. Е. Епифанова [17–19], Е. Е. Красноженовой [19, 20], С. В. Кулика [20], М. М. Степанова [19] и др. В их работах организационные и правовые основы деятельности конвойной охраны в изучаемый период

нашли отражение лишь частично, систематического и комплексного освещения они не получили.

Результаты

Для обеспечения следствия, судопроизводства, а также исполнения наказаний в советском государственном аппарате традиционно действовали тюремные, лагерные и иные органы, связанные с лишением или ограничением свободы. При этом конвоирование преступного элемента правительством было возложено на конвойную охрану.

В ходе Октябрьской революции 1917 г. действовавшая прежде конвойная стража в ходе слома старого дореволюционного государственного аппарата была упразднена как институт, потому что использовалась в интересах царского самодержавия и эксплуататорских классов. Однако вскоре для охраны мест изоляции преступного элемента, конвоирования арестованных и осужденных преступников потребовалась специальная вооруженная организация.

20 апреля 1918 г. приказом наркома по военным делам в составе РККА были образованы войска конвойной стражи. Общее руководство ими возлагалось на Главную инспекцию конвойной стражи Народного

комиссариата по военным делам (Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 103об.).

Последующая реорганизация конвойных войск осуществлялась вслед за преобразованиями в системе органов ВЧК, ОГПУ, НКВД, НКГБ, МВД и МГБ, с которыми они были тесно связаны. Охраняя тюрьмы и конвоируя заключенных, конвойные войска обеспечивали исполнение задач, возложенных государством на органы внутренних дел, государственной безопасности и юстиции. 2 февраля 1939 г. СНК СССР принял постановление «О реорганизации управления пограничными и внутренними войсками», согласно которому из состава Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД СССР было выделено Главное управление конвойных войск НКВД СССР. Последнее находилось в подчинении заместителя наркома внутренних дел СССР по войскам, а затем непосредственно министра внутренних дел СССР (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 104).

В первый период своего существования конвойная стража состояла из губернских и уездных команд, которые подчинялись соответствующим военным комиссариатам. Укомплектование названных команд происходило на добровольных началах, а командный состав был выборным. В последующем конвойные войска стали комплектоваться наравне с частями Красной Армии из числа граждан очередных призывных возрастов.

С течением времени организационная структура войск становилась все более совершенной и стройной. В конечном счете конвойные войска были организованы по типу формирований Красной Армии. Их подразделения сводились в части (полки, батальоны), части – в соединения (дивизии, бригады). По мере реорганизации войск улучшалось качество их службы, боевой и политической подготовки, а также дисциплины (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 104).

29 сентября 1939 г. приказом НКВД СССР в действие был введен Устав службы конвойных войск НКВД, который заменил собой Временный устав конвойной стражи СССР 1928 г. Из него следовало, что войска эти входят в состав Вооруженных сил СССР и в качестве специальных имеют своим назначением конвоирование содержащихся под стражей за нарушение законов Советского государства лиц, а также осуществление наружной охраны тюрем. Названные положения были закреплены 20 ноября 1939 г. в приказе НКВД СССР, которым было утверждено Положение о конвойных войсках [6, с. 21].

С началом Великой Отечественной войны задачи конвойных войск намного расширились и стали разнообразнее, причем на фоне заметного усложнения условий их выполнения, особенно в прифронтовой полосе. Помимо существовавших прежде они включали конвоирование военнопленных с фронтов в тыловые лагеря, их охрану как в лагерях, так и на производстве. Кроме того, конвойные войска привлекались для охраны исправительно-трудовых лагерей, конвоирования и охраны по месту их работы, сопровождения переселяемых контингентов, специальных грузов по железной дороге и охраны спецобъектов. Также

конвойные войска выполняли задачи по оказанию помощи пограничным и внутренним войскам в операциях по борьбе с парашютными десантами врага, нахождению дезертиров и иных видах службы по охране тыла фронтов.

Ряд частей конвойных войск в силу своих служебных обязанностей принимали непосредственное участие в боевых действиях против гитлеровцев. В частности, это имело место при обороне Ленинграда, Одессы, Ростова-на-Дону, Воронежа, Сталинграда и т. д. (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 105).

6 мая 1951 г. конвойные войска были реорганизованы в конвойную охрану МВД СССР. Этому событию было посвящено постановление Совета министров СССР «Вопросы МВД СССР». От охраны тюрем МВД и МГБ, лагерей для особо опасных государственных преступников, а также военных преступников из числа военнопленных они были освобождены. Приказом министра внутренних дел СССР эти функции были переданы ГУЛАГу МВД СССР. Конвойная охрана стала выполнять задачи только по конвоированию заключенных (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 106, 107).

Названным постановлением на конвойную охрану были возложены задачи по конвоированию заключенных по требованиям прокуратуры, судебных, следственных и медицинских органов; из тюрем в лагеря и колонии МВД; охране и конвоированию заключенных на заседаниях различных судебных инстанций, в том числе военных трибуналов, линейных транспортных судов, а также на их выездных сессиях; конвоированию заключенных из мест заключения на специальные пункты для обмена с плановыми конвоями и доставки принятых от них контингентов в места заключения.

Указанные нововведения повлекли изменения в организационной структуре конвойной охраны. Общее руководство служебной деятельностью, обучением, воспитанием и укомплектованием, а также обеспечением личного состава осуществлялось Главным управлением конвойной охраны МВД СССР. Возглавлял его начальник с заместителями по общим вопросам, политической части и кадрам (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 107). Для непосредственного выполнения задач по управлению частями охраны в его составе действовали отделы: политический, службы, обучения, кадров, организации и комплектования, обеспечения. Помимо отделов имелись специальные службы: связи, собак, автотранспорта, квартирно-эксплуатационная, медицинская, ветеринарная и секретариат.

Личный состав конвойной охраны был объединен в отделы, отдельные отряды и дивизионы, которые подчинялись непосредственно начальнику управления охраны. Структура отдела включала управление, которое состояло из политотдела, штаба, отделения кадров, служб обеспечения, связи, финансового отделения, медицинской и ветеринарной. Начальник отдела имел заместителей по строевой, политической и материально-технической частям. Структурными подразделениями отделов являлись отряды и отдельные дивизионы, количество и численный состав которых зависели от объема выполняемых служебных задач. Аналогичным образом определялась

структура отрядов (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 108, 109).

Дивизионы состояли из штаба и команд. Количество дивизионов в отрядах и команд в дивизионах было неодинаковым. Все команды состояли из 3–4 групп, каждая из которых делилась на 4 отделения. При каждом республиканском центре дислоцировалось управление отдела с головной частью либо не входящие в отделы отдельные части. Части и подразделения конвойной охраны располагались в областных центрах (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 109).

Служебная деятельность конвойной охраны зависела от характера мест заключения, которые находились в ведении органов МВД и МГБ. В связи с различиями в численности и характеристиках заключенных, целях и условиях конвоирования охранявшие заключенных подразделения отличались как по своим задачам и составу, так и в части организации службы. При этом конвойной охраной применялись такие виды конвоирования, как эшелонное, плановое, сквозное, особое и городское. В зависимости от этого конвоям присваивались наименования (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 110).

Эшелонными конвоями в лагеря и колонии МВД сопровождалась большие группы заключенных. Следовали они отдельными поездами, как правило, в товарных вагонах, а также на парходах или баржах. Их основной задачей являлась охрана заключенных и недопущение их побегов. По своей численности эшелонные конвои превышали все остальные разновидности и требовали наибольших затрат средств. Служба их считалась самой сложной и предполагала особое напряжение моральных и физических сил. Данный вид службы в конвойной охране являлся основным. Продолжительность службы в эшелонном конвое составляла два и более месяцев. Для успешного выполнения задач требовалась основательная подготовка личного состава. В отдельных случаях, при необходимости переброски заключенных железнодорожными и водными путями, конвоирование могло организовываться по грунтовым дорогам пешим порядком или автотранспортом. Состав конвоев в этих случаях назначался аналогично эшелонным (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 110).

В своей практической деятельности органы юстиции, внутренних дел и государственной безопасности часто отправляли из одного населенного пункта в другой одиночных заключенных либо их небольшие группы. Для обеспечения своевременного конвоирования данного контингента от конвойной охраны по всем основным железнодорожным магистралям и водным путям сообщения курсировали так называемые плановые конвои, которые по маршруту своего следования на определенных станциях или пристанях принимали от конвоев заинтересованных органов требующих транспортировки заключенных, а также сдавали им доставленных по назначению. Порядок доставки заключенных плановыми конвоями регулировался Инструкцией по конвоированию и охране заключенных в судебных учреждениях и на пунктах обмена конвойной охраной МВД СССР от 29.12.1952 (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 134).

Плановыми эти конвои назывались потому, что они перемещались по определенному плану и установленным маршрутам, с определенными пассажирскими поездами или парходами согласно расписанию. Обмен заключенными осуществлялся на станциях или пристанях, которые получили наименование обменных пунктов. Главной задачей плановых конвоев являлась перевозка следственного контингента, доставка заключенных из тюрем на судебные процессы и обратно, а также конвоирование из тюрем и лагерей одиночных заключенных-специалистов и их небольших групп на различные строительства.

Служба планового конвоирования в общем комплексе оперативно-служебной деятельности конвойной охраны в изучаемый период занимала весьма важное место как с точки зрения количества перевозимого контингента, так и по значимости осуществляемых перевозок. Вместе с тем по сравнению с иными видами конвоирования она не требовала привлечения большого количества личного состава. Важность планового конвоирования определялась целым рядом обстоятельств, характеризующих тесную связь служебной деятельности частей конвойной охраны с функционированием обслуживаемых ими органов и учреждений.

Начальники плановых конвоев подбирались из числа офицеров и наиболее подготовленных сержантов, хорошо знающих свое дело, дисциплинированных, морально устойчивых, способных обеспечивать высокое качество службы, поддерживать дисциплину и порядок в конвое и создавать в пределах советской законности строгие режимные условия. Очень много в несении службы плановыми конвоями зависело не только от подготовки их начальников, но и от наличия у них высоких волевых и моральных качеств. Практика показывала, что отсутствие таковых нередко приводило к трагическим последствиям. Так, в марте 1952 г. один из начальников плановых конвоев Баку – Ростов в результате неспособности поддержать режим среди заключенных не только допустил нападение на конвой восьми заключенных, но и действовал в ходе его ликвидации крайне нерешительно (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 94об.).

Плановое конвоирование играло весьма серьезную роль в обеспечении своевременной перевозки осужденных заключенных из одних тюрем и лагерей в другие. Особенно это было характерно для укомплектования рабочей силой исправительно-трудовых лагерей ряда важных строительных. Прежде они были вверены МВД СССР, но в изучаемый период были переданы Министерству юстиции СССР и некоторым другим министерствам.

Данное обстоятельство усилило значение планового и сквозного конвоирования в 1952 и начале 1953 гг. в связи с развернувшимся строительством грандиозных гидротехнических сооружений на Волге и рядом других масштабныхстроек на востоке и в европейской части Советского Союза. Плановыми и сквозными конвоями в соответствующие районы за короткие сроки была осуществлена переброска большого количества заключенных, обладавших не-

обходимыми специальностями (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 133).

С июня 1953 г. производилась переброска большого количества заключенных, как правило, в производственные лагеря. Помимо прочего, это было обусловлено освобождением многих осужденных по амнистии и связанной с этим ликвидацией ряда лагерей и лагерных подразделений.

Указанные обстоятельства налагали большую ответственность на командование и штабы отделов и частей конвойной охраны, требовали от них организации службы планового конвоирования таким образом, чтобы все задания Управления конвойной охраны МВД СССР, а также заявки местных органов на перевозку контингентов, особенно на стройки, выполнялись беспрепятственно, в короткие сроки и находились под постоянным контролем штабов (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 134).

Несмотря на малые объемы (в пределах 2–3 % от общего количества конвоируемых), серьезного внимания со стороны командования и штабов отделов и частей конвойной охраны требовало сопровождение иных категорий контингентов, а именно: ссыльных, спецпереселенцев, членов семей изменников родины, несовершеннолетних преступников и т. д. (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 134).

Основным назначением планового конвоирования по-прежнему оставалось сопровождение следственных контингентов из тюрем, КПЗ милиции и линейных органов МВД, а также перевозка осужденных к местам отбывания наказания одиночным порядком и мелкими группами. Первостепенное значение при этом приобретали перевозки специалистов из числа заключенных на стройки.

По железной дороге с пассажирскими поездами плановые конвои следовали в специальных тюремных вагонах. Последние представляли собой пассажирские вагоны с оборудованными в них камерами для содержания заключенных, а также отделениями для начальника конвоя и конвоиров, кухнями для приготовления пищи конвою. На пароходах конвои занимали отдельные каюты или трюмы.

Обеспечение режима содержания заключенных и иных контингентов в тюремном вагоне или на пароходе, согласно установленному порядку, включало тщательную подготовку состава конвоя к выполнению задачи, твердое знание им своих прав и обязанностей по отношению к заключенным; постоянное изучение контингента как при приеме, посадке в вагон (пароход), так и при конвоировании; изоляцию контингента от посторонних граждан; правильное размещение конвоируемых по камерам вагона (каютам, отсекам трюма парохода); жесткий контроль за соблюдением заключенными установленного для них порядка и правил поведения; обеспечение конвоируемых продуктами питания, водой и кипятком; обеспечение сохранности личных вещей конвоируемых (особенно спецпереселенцев и членов семей изменников родины); обеспечение их вывода в уборную; применение мер воздействия к нарушителям режима содержания; постоянную проверку работы конвоев по обеспечению строгого режима содержания конвоируемых.

Управлением конвойной охраны в изучаемый период отмечался ряд грубых нарушений режима содержания контингентов со стороны плановых конвоев, что было вызвано недостаточным вниманием к этому вопросу со стороны вверенных офицеров. Так, 8 октября 1952 г. плановым конвоем одного из дивизионов были допущены факты сожительства личного состава и заключенных с сопровождаемыми женщинами (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 179).

17 января 1953 г. приказом МВД СССР, а также инструкцией к службе планового конвоирования недопущение ни при каких обстоятельствах побегов конвоируемых контингентов было обозначено личному составу конвойной охраны в качестве основной задачи и главного требования. «Служба без побегов» была не лозунгом, а боевой практической целью. В подавляющем большинстве офицеры, сержанты и рядовые конвойной охраны правильно поняли поставленные перед ними задачи, свои обязанности исполняли добросовестно, проявляя находчивость при несении службы. Так, начальник планового конвоя 54-го отряда сержант Лебедев, попав в 1952 г. в крушение, несмотря на тяжелые ранения почти всего состава конвоя, сумел не допустить побег заключенных. Умелые действия продемонстрировал личный состав конвоев в 1952–1953 гг. при ликвидации нападений заключенных, которые 13 раз предпринимали попытки его разоружения и совершения побегов (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 136).

Вместе с тем практика показывала, что вопрос обеспечения надежности охраны далеко не всегда становился центральным в повседневной работе штабов отделов и частей по организации планового конвоирования. Одним из слабых мест в работе как плановых, так и иных конвоев, существенно снижавших надежность охраны, являлся некачественный обыск принимаемых заключенных. Это давало последним возможность хранить у себя ножи, пилы и иные металлические предметы, могущие служить оружием при нападениях и других бандитских акциях. Так, в начале 1953 г. при приеме от конвоя в тюрьме г. Вильнюса 20 «уголовно-бандитствующих» заключенных в ходе обыска у них было изъято 11 «огромного размера» ножей (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 117).

Согласно установленному порядку, все заключенные, принимаемые плановым конвоем от встречных конвоев, милиции, тюрем, лагерей и колоний МВД, подлежали самому тщательному обыску. Необходимость этого мероприятия диктовалась тем, что заключенные неустанно применяли различные методы и ухищрения с целью сохранения при себе различных предметов для нападения на конвой или побега. Это обстоятельство требовало от штабов частей конвойной охраны повседневного и глубокого изучения ухищрений заключенных, чтобы противопоставить им более совершенные методы работы.

Тщательный обыск заключенных и принадлежащих им вещей в тюремном вагоне принято было осуществлять в свободной камере, а при ее отсутствии – в коридоре. Для личного обыска заключенному надлежало снять верхнюю одежду и обувь. Женщины-заключенные конвоем не обыскивались, однако их

вещи досматривались. Заключение, склонных к побегу, обыскивать обязан был лично начальник конвоя либо его помощник (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 183).

Обнаруженные при обыске запрещенные предметы, ценности, а также деньги сверх разрешенных к хранению сумм конвоем отбирались и записывались его начальником в путевой журнал. Владельцу вещей при этом выдавалась квитанция. Согласно директиве управления конвойной охраны от 20.02.1953 несоблюдение установленного порядка влекло пропажу, утерю и хищения принадлежащего заключенным имущества и расценивалось как нарушение советской законности (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 164).

Малейшая неорганизованность и ослабление режима содержания конвоируемых были чреваты их использованием заключенными для нападения на конвой. Особенно характерны подобные проявления были при выводе заключенных в отхожее место. Именно там происходило подавляющее большинство нападений. В 1952 г., например, были зафиксированы 10 таких случаев (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 180). В этой связи от командования и штабов частей требовалась напряженная повседневная работа по изучению ухищрений заключенных, направленных на сокрытие названных предметов от конвоя, повышению бдительности и обучению личного состава более совершенным методам и приемам обыска, усилению контроля за работой конвоев по приему и обыску заключенных. В ответ на малейшие проявления безответственности и благодушия в таких случаях следовало «резкое реагирование» (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 137).

Основная ответственность за обеспечение надлежащего качества службы планового конвоя возлагалась на его начальника, прежде всего в рамках руководства ею, а также обеспечения режима содержания заключенных. Прием последних начинался с выяснения претензий и детальной проверки личности каждого по справке личного дела. В случае заявления заключенным каких-либо претензий или жалоб в адрес администрации тюрьмы начальник конвоя обязан был приостановить его прием до разрешения таковых.

Согласно установленному порядку конвой отказывал в приеме не могущих следовать по заключению врача больных, объявивших голодовку, требующих при передвижении посторонней помощи калек (если администрацией тюрьмы не были выделены для этой цели сопровождающие), беременных свыше 6 месяцев женщин (по справке врача), нетрезвых, не прошедших санитарной обработки и установленного срока карантина, не удовлетворенных продовольствием по установленной норме, одетых не по сезону (учитывая климатические условия). При приеме заключенных в тюрьме начальнику конвоя надлежало уточнить наличие среди них представителей враждующих друг с другом группировок, а также склонных к побегу заключенных на предмет организации их перевозки на отдельных автомашинах и правильного размещения в тюремном вагоне или на пароходе (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 160).

Если заключенные доставлялись на станцию к тюремному вагону встречным конвоем, то работа на-

чальника планового конвоя по приему начиналась непосредственно у вагона. При этом он обязан был тщательно изучить характеристику доставленных по личным делам и информации начальника встречного конвоя (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 162).

От плановых конвоев требовалось строгое соблюдение советской законности, недопущение грубостей, незаконных действий и требований по отношению к конвоируемым. В свете проведенных в изучаемый период партийными и советскими органами мероприятий в области улучшения государственного и хозяйственного руководства актуальность соблюдения законности существенно возросла.

Выполнение этой задачи достигалось повседневной и настойчивой работой по разъяснению личного состава основ советской исправительно-трудовой политики, его воспитанием в духе строгого соблюдения требований советской законности. Каждый военнослужащий был призван понимать и чувствовать всю глубину личной ответственности за точное и строгое выполнение установленных законами Советского государства порядка и правил перевозки заключенных.

Вместе с тем в некоторых частях конвойной охраны продолжали иметь место серьезные нарушения советской законности, выражавшиеся в избиении и оскорблении конвоируемых, присвоении или хищении их личных вещей. Так, нередко заключенным произвольно отказывалось в выводе в уборную. 4 и 5 февраля 1953 г., например, на маршруте планового конвоя Челябинск – Новорудная заключенные вынуждены были отправлять естественные надобности в камерах, используя для этого имеющуюся у них посуду (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 139).

Особенно много допускалось конвоями случаев хищений и утери личных вещей заключенных. С подобными проявлениями велась непримиримая борьба. Так, в марте 1952 г. в плановом конвое по маршруту Харьков – Новосибирск его начальник нарушил порядок размещения сопровождаемых спецпереселенцев. В результате у одной из них пропал мешок с личными вещами на сумму 1944 руб. По решению начальника Управления конвойной охраны данная сумма была взыскана с виновных из числа командования подразделения и конвоя, после чего выслана потерпевшей (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 140).

Одной из основных в работе по выполнению поставленных перед конвойной охраной задач являлся вопрос укрепления дисциплины. К сожалению, по наблюдениям командования частей и подразделений конвойной охраны состояние дисциплины вверенного личного состава в изучаемый период заметно ухудшилось. Особенно характерны грубейшие нарушения дисциплины были для плановых и сквозных конвоев. В этой связи борьба за укрепление дисциплины, повышение ответственности личного состава за добросовестное выполнение служебного долга, точное и четкое выполнение уставов Советской армии, а также инструкций по службе при выполнении оперативно-служебных задач в конвоях оставалась одной из главных задач политаппаратов отделов и частей конвойной охраны в их повседневной деятельности по руководству службой, обучению и воспита-

нию вверенного личного состава (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 141).

Сквозными конвоями заключенные сопровождались в тюремных вагонах или на пароходах без производства обмена ими в пути. Подобные конвои назначались в случаях возникновения необходимости конвоирования заключенных в направлениях, не обслуживаемых плановыми конвоями; для разгрузки тюрем и обменных пунктов от скапливающихся в них заключенных, тогда, когда плановые конвои в силу своих ограниченных возможностей оказывались не в состоянии выполнить эту работу; для конвоирования заключенных на пункты формирования эшелонов из мест лишения свободы МВД. Сквозное конвоирование осуществлялось в основном по указаниям руководства управления конвойной охраны. Связано это было преимущественно с ограниченным количеством тюремных вагонов, которые были предназначены главным образом для планового конвоирования. Сквозные конвои исполняли свою службу также, как и плановые. Существенное различие между ними состояло в том, что сквозные конвои в большинстве случаев следовали товарными поездами и не по расписанию. Маршруты их определялись в каждом конкретном случае, и обмен заключенными в пути их следования не предусматривался. В плановые и сквозные конвои назначалось по девять человек (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 112, 112об.).

Важную роль в обеспечении надлежащего качества несения службы подразделениями конвойной охраны играли периодические проверки ее практического исполнения. Они планировались и организовывались таким образом, чтобы не менее 50 % плановых и сквозных конвоев были охвачены контролем в пути следования. Осуществлялись проверки, как правило, на перегонах или глухих станциях, причем на разных участках. По вскрываемым недочетам принимались исчерпывающие меры, и устанавливался контроль за их исполнением. Необходимо отметить, что проводимые проверки качества исполнения службы конвоями подвергались суровой критике со стороны вышестоящего командования. В целом по охвату проверками контроль оценивался как достаточный, однако качество его зачастую признавалось низким. Как отмечалось, нередко проверки носили крайне поверхностный характер, производились неглубоко и нетребовательно. Проверяющие проходили мимо недостатков, и никто не спрашивал с них за качество работы. В одном из отрядов, например, за пять с половиной месяцев 1953 г. было проверено 490 видов конвоев. При этом ни в одном из них не было вскрыто ни одного недочета, что явно не соответствовало действительности. В этой связи командованием частей и подразделений конвойной охраны была поставлена задача самой беспощадной борьбы с любыми, даже малейшими проявлениями благодушия и самоуспокоенности в руководстве службой, от кого бы они ни исходили. Лучшим средством борьбы с ними были признаны повседневный принципиальный и требовательный контроль за службой, а также непрерывная работа по повышению его качества (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 157).

Особые конвои были предназначены для охраны и конвоирования особо опасных государственных

преступников. Перемещение данного контингента осуществлялось в тюремных вагонах плановых конвоев, где для его содержания выделялись отдельные камеры. Служба особого конвоя осуществлялась самостоятельно, независимо от планового конвоя, в соответствии с изданным в 1939 г. специальным приказом НКВД СССР. В каждом отдельном случае состав особого конвоя подбирался и инструктировался командиром части или начальником штаба (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 113об., 114).

Городское конвоирование включало сопровождение заключенных в судебные учреждения и их охрану во время судебных процессов, доставку заключенных на обменные пункты для обмена с плановыми конвоями, а также конвоирование принятых контингентов в места заключения. Названные задачи выполнялись в пунктах дислокации конвойных частей и подразделений.

По характеру службы конвои подразделялись на городские, доставлявшие подсудимых из тюрем в суды и обратно; судебные, охраняющие заключенных во время судебных процессов; встречные, производящие с плановыми конвоями обмен заключенными и конвоирующие их в тюрьмы.

Как правило, конвоирование заключенных осуществлялось в тюремных автомашинах. При отсутствии последних и для доставки заключенных на выездные сессии судов за пределы города мог использоваться обычный крытый автотранспорт.

Наиболее сложными и опасными в смысле побега заключенных считались конвоирование заключенных на выездные сессии, а также служба на обменных пунктах. На их организацию командирами частей и подразделений конвойной охраны обращалось особое внимание. Большое значение Министерством внутренних дел СССР придавалось службе городского конвоирования, особенно в удаленных, отдельно дислоцированных командах. Последние подлежали реформированию с целью их организационного укрепления и комплектования лучшим личным составом (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 335. Л. 114, 114об.).

12 марта 1954 г. внутренняя и конвойная охрана были объединены в единое войсковое формирование. Для руководства им было образовано Главное управление внутренней и конвойной охраны – ГУВКО [15, с. 37]. История и правовое положение новой системы требуют специального рассмотрения.

Выводы

В изучаемый период конвойная охрана МВД СССР своим основным предназначением имела конвоирование заключенных. От исполнения не связанных с этим функций она была освобождена и сосредоточилась на обслуживании органов МВД, МГБ, Министерства юстиции и Прокуратуры СССР. Осуществляя конвоирование и охрану заключенных, конвойная охрана проводила работу в направлениях обеспечения государственной безопасности, борьбы с преступностью и изоляции от общества лиц, нарушивших советские законы.

Основными задачами конвойной охраны в изучаемый период являлось недопущение побегов конвоируемых контингентов и поддержание при этом установленного для них режима содержания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Астемиров З. А. История советского исправительно-трудового права. Рязань, 1975. 52 с.
2. Ахмадеев Ф. Х., Катаев Н. А., Хабабулин А. Г. Становление и развитие органов советской милиции и исправительно-трудовых учреждений. Уфа, 1993. 214 с.
3. Белобородов Г. С. История внутренних войск. Хроника событий (1811–1991 гг.). М., 1995. 155 с.
4. Детков М. Г. Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые и пятидесятые годы : моногр. Домодедово, 1992. 156 с.
5. Зубков А. И., Калинин Ю. И., Сысоев В. Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России: история и современность / под ред. С. В. Степашина, П. В. Крашенинникова. М., 1998. 172 с.
6. Князев В. В. Войска НКВД СССР и правовое обеспечение их применения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Научный портал МВД России. 2020. № 1. С. 21–28.
7. Кизиллов И. И. НКВД РСФСР (1917–1930 гг.). М., 1969. 159 с.
8. Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С. Аппарат системы органов внутренних дел Советского государства по борьбе с преступностью на различных исторических этапах. М., 1995. 25 с.
9. Некрасов В. Ф. На страже интересов Советского государства. История строительства войск ВЧК – ОГПУ – НКВД – МВД. М., 1983. 368 с.
10. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк / В. Ф. Некрасов, А. В. Борисов, М. Г. Детков и др. ; гл. ред. А. Г. Горлов. М., 1996. 462 с.
11. Внутренняя и конвойная стража России, 1811–1917 гг. Документы и материалы / под общ. ред. В. Ф. Некрасова. М., 2002. 573 с.
12. Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917–1941 гг.). Уфа, 1994. 465 с.
13. Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. 364 с.
14. Тонконогов В. П. Правовое обеспечение строительства и развития внутренних войск: история, современное состояние и перспективы развития (к 200-летию внутренних войск МВД России) // Военно-юридический журнал. 2017. № 10. С. 20–48.
15. Тимофеев В. Г. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события : учеб. пособие. Чебоксары, 1999. 206 с.
16. Федоров П. А. Конвойные войска НКВД СССР в боях начального периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 4 (44). С. 27–31.
17. Епифанов А. Е. История и правовое положение военнопленных вермахта в Сталинграде. 1942–1956 гг. Волгоград, 2007. 420 с.
18. Епифанов А. Е. Ссылка на каторжные работы как мера наказания гитлеровских военных преступников и их пособников // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 6 (97). С. 20–31.
19. Епифанов А. Е., Красноженова Е. Е., Степанова М. М. История и правовое положение военнопленных вермахта в период Сталинградской битвы // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С. 144–150.
20. Epifanov A. E., Krasnozhenova E. E., Kulik S. V. Escapes of Prisoners in the History of Russian Penitentiary Institutions of the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2022. № 17 (2). Pp. 876–889.

REFERENCES

1. Astemirov Z.A. *Istoriya sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava* [History of Soviet corrective labor law]. Ryazan, 1975. 52 p.
2. Akhmadeev F.Kh., Kataev N.A., Khababulin A.G. *Stanovlenie i razvitie organov sovetskoi militsii i ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenii* [Formation and development of the Soviet police and corrective labor institutions]. Ufa, 1993. 214 p.
3. Beloborodov G.S. *Istoriya vnutrennikh voisk. Khronika sobytii (1811–1991 gg.)* [History of internal troops. Chronicle of events (1811–1991)]. Moscow, 1995. 155 p.
4. Detkov M.G. *Soderzhanie karatel'noi politiki Sovetskogo gosudarstva i ee realizatsiya pri ispolnenii ugolovnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody v tridsatye i pyatidesyatye gody: monogr.* [The content of the punitive policy of the Soviet state and its implementation in the execution of criminal punishment in the form of imprisonment in the 1930s and 1950s: monograph]. Domodedovo, 1992. 156 p.
5. Zubkov A.I., Kalinin Yu.I., Sysoev V.D. *Penitentsiarnye uchrezhdeniya v sisteme Ministerstva yustitsii Rossii. Istoriya i sovremennost'* [Penitentiary institutions in the system of the Ministry of Justice of Russia. History and modernity]. Ed. by Stepashin S.V., Krashennikov P.V. Moscow, 1998. 172 p.
6. Knyazev V.V. Internal security troops of the People's Commissariat of Internal Affairs and legal ensuring their employment in Great Patriotic War 1941–1945. *Nauchnyi portal MVD Rossii = Scientific Portal of the Russia Ministry of the Interior*, 2020, no. 1, pp. 21–28. (In Russ.).
7. Kizilov I.I. *NKVD RSFSR (1917 – 1930 gg.)* [NKVD RSFSR (1917 – 1930)]. Moscow, 1969. 159 p.
8. Malygin A.Ya., Mulukaev R.S. *Apparat sistemy organov vnutrennikh del Sovetskogo gosudarstva po bor'be s prestupnost'yu na razlichnykh istoricheskikh etapakh* [The apparatus of the system of internal affairs bodies of the Soviet state for combating crime at various historical stages]. Moscow, 1995. 25 p.
9. Nekrasov V.F. *Na strazhe interesov Sovetskogo gosudarstva. Istoriya stroitel'stva voisk VChK-OGPU-NKVD-MVD* [On guard of the interests of the Soviet state. The history of the construction of the troops of the Cheka-OGPU-NKVD-MVD]. Moscow, 1983. 368 p.
10. Nekrasov V.F., Borisov A.V., Detkov M.G. et al. *Organy i voiska MVD Rossii. Kratkii istoricheskii ocherk* [Organs and troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. A brief historical essay]. Ed. by Gorlov A.G. Moscow, 1996. 462 p.

11. *Vnutrennyaya i konvoynaya strazha Rossii 1811–1917 gg. Dokumenty i materialy* [Internal and convoy guards of Russia 1811–1917. Documents and materials]. Ed. by Nekrasov V.F. Moscow, 2015. 573 p.
12. Rasskazov P.P. *Karatel'nye organy v protsesse formirovaniya i funktsionirovaniya administrativno-komandnoi sistemy v sovetskom gosudarstve (1917 – 1941 gg.)* [Punitive bodies in the process of formation and functioning of the administrative command system in the Soviet state (1917 – 1941)]. Ufa, 1994. 465 p.
13. Smykalin A.S. *Kolonii i tyur'my v Sovetskoj Rossii* [Colonies and prisons in Soviet Russia]. Ekaterinburg, 1997. 364 p.
14. Tonkonogov V.P. Legal support for the construction and development of internal troops: history, current state and prospects of development (to the 200th anniversary of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia). *Voенно-юридический журнал = Military Law Journal*, 2017, no. 10, pp. 20–48. (In Russ.).
15. Timofeev V.G. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossii: tsifry, fakty i sobytiya. Uchebnoe posobie* [Penal system of Russia: figures, facts and events. Study guide]. Cheboksary, 1999. 206 p.
16. Fedorov P.A. Convoy troops of the NKVD USSR in the battles of the initial period of the Great Patriotic War of 1941–1945. *Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2009, no. 4 (44), 2009, pp. 27–31. (In Russ.).
17. Epifanov A.E. *Istoriya i pravovoe polozhenie voennoplennykh vermakhta v Stalingrade. 1942 – 1956 gg.* [History and legal status of prisoners of war of the Wehrmacht in Stalingrad. 1942 – 1956]. Volgograd, 2007. 420 p.
18. Epifanov A.E. Exile to hard labor as a measure of punishment for Hitler's war criminals and their accomplices. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = News of the Penal System*, 2010, no. 6 (97), pp. 20–31. (In Russ.).
19. Epifanov A.E., Krasnozhenova E.E., Stepanova M.M. History and legal status of prisoners of war of the Wehrmacht during the Battle of Stalingrad. *Voprosy istorii = Questions of History*, 2019, no. 12 (3), pp. 144–150. (In Russ.).
20. Epifanov A.E., Krasnozhenova E.E., Kulik S.V. Escapes of prisoners in the history of Russian penitentiary institutions of the late XIX–early XX centuries. *Bylye Gody = Bygone Years*, 2022, no. 17 (2), pp. 876–889. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

ALEKSANDR E. EPIFANOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Department for the Study of the History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Статья поступила 17.04.2023

Научная статья

УДК 34.096

doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.002

Понятие и реализация персональной ответственности: теоретико-процессуальный аспект (на примере ст. 113 Конституции Российской Федерации)

АЛЕКСЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ САМУСЕВИЧ

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Иркутск, Россия

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

samusevich79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0845-1343>

Реферат

Введение: статья посвящена теоретическим аспектам реализации персональной ответственности Председателя Правительства Российской Федерации перед Президентом Российской Федерации. Автор анализируется ст. 113 Конституции Российской Федерации, а также нормы федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации», регламентирующие персональную ответственность Председателя Правительства Российской Федерации, которая наступает в случае некачественного исполнения им своих полномочий. Отмечается, что персональная ответственность возникает в процессе осуществления определенной деятельности, в рамках которой формируется уважительно-положительное отношение к ней субъекта для достижения требуемого результата. *Цель:* дать теоретико-правовую характеристику персональной ответственности, а также рассмотреть проблемные вопросы ее реализации. Сформулированы и исследовательские задачи, которые представляют логическую цепочку размышлений о персональной ответственности и наказании Председателя Правительства Российской Федерации и состоят в следующем: рассмотреть общие вопросы персональной ответственности Правительства Российской Федерации; проанализировать основные признаки персональной ответственности; охарактеризовать основы реализации ст. 113 Конституции Российской Федерации с выделением отдельных аспектов. *Методы:* методология исследования обусловлена спецификой правового регулирования реализации персональной ответственности. В статье использован комплекс общенаучных (диалектический, анализа и синтеза, системно-структурный) и специальных методов познания. Применение формально-юридического метода обосновано необходимостью анализа положений нормативных правовых актов, регулирующих процесс реализации персональной ответственности. *Результаты:* персональная ответственность может быть реализована как в позитивном, так и в негативном аспекте и при этом выступает в двух видах: конституционно-правовой и дисциплинарной ответственности. Автор моделирует процесс реализации персональной ответственности на примере привлечения Председателя Правительства Российской Федерации к мерам юридической ответственности. *Выводы:* на основании проведенного исследования был сделан вывод о том, что в рассматриваемой сфере имеется множество неурегулированных проблем прикладного характера, которые не позволяют говорить об эффективности персональной ответственности. Законодательное закрепление данного вида ответственности не вносит ясности в процесс ее реализации. Необходимо активно продолжать научные изыскания и подготовку законодательных инициатив по анализируемому вопросу, чтобы повысить качество государственного управления.

Ключевые слова: юридическая ответственность; конституционно-правовая ответственность; персональная ответственность; конституционное правоприменение; противоправное поведение.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Самусевич А. Г. Понятие и реализация персональной ответственности: теоретико-процессуальный аспект (на примере ст. 113 Конституции Российской Федерации) // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 127–133. doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.002.

The Concept and Implementation of Personal Responsibility: Theoretical and Procedural Aspect (on the Example of Article 113 of the Constitution of the Russian Federation)

ALEKSEI G. SAMUSEVICH

Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russia
Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia
samusevich79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0845-1343>

Abstract

Introduction: the article is devoted to theoretical aspects of the implementation of personal responsibility of the Chairman of the Government of the Russian Federation to the President of the Russian Federation. The author analyzes Article 113 of the Constitution of the Russian Federation, as well as norms of the Federal Constitutional Law "On the Government of the Russian Federation" regulating personal responsibility of the Chairman of the Government of the Russian Federation in case of improper execution of his powers. It is noted that personal responsibility arises in the process of carrying out certain activities, within the framework of which a respectful and positive attitude of the subject to this activity is formed in order to achieve a positive result. *Purpose:* to give a theoretical and legal characterization of personal responsibility, as well as consider problematic issues of its implementation. The authors formulate the following research tasks characterizing the logical chain of reflections on personal responsibility and punishment of the Chairman of the Government of the Russian Federation: to consider general issues of personal responsibility of the Government of the Russian Federation; analyze key elements of personal responsibility; characterize the basics for implementing Article 113 of the Constitution of the Russian Federation and identify certain aspects. *Methods:* the methodology is determined by the specifics of the legal regulation of personal responsibility implementation. The article uses a complex of general scientific (dialectical, analysis and synthesis, system-structural approach) and special cognition methods. The formal legal method helps analyze provisions of legal acts regulating the process of implementing personal responsibility. *Results:* Personal responsibility can be realized both in positive and negative aspects. At the same time, there are 2 types: constitutional and legal, and disciplinary responsibility. The author models the process of implementing personal responsibility on the example of bringing the Chairman of the Government of the Russian Federation to legal liability. *Conclusion:* based on the conducted research, it is concluded that there are many unresolved problems of an applied nature in the field under consideration, which do not allow us to talk about effectiveness of personal responsibility. The legislative consolidation of this type of responsibility does not clarify the process of its implementation. It is necessary to actively continue scientific research and legislative initiatives on the analyzed issue, which will improve the quality of public administration.

Keywords: legal liability; constitutional and legal liability; personal responsibility; constitutional law enforcement; illegal behavior.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Samusevich A.G. The concept and implementation of personal responsibility: theoretical and procedural aspect (on the example of Article 113 of the Constitution of the Russian Federation). *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 127–133. doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.002.

Введение

Помимо устанавливающих принципов построения конституционализма в России, текст Конституции Российской Федерации содержит и нормы, которыми прямо или косвенно предусматриваются различные виды юридической ответственности для некоторых субъектов конституционно-правовых отношений, реализующих задачи в сфере государственного и муниципального управления. Можно с уверенностью сказать, что в целом юридическая ответственность по-прежнему является эффективным инструментом в механизме восстановления нарушенных прав и свобод, в том числе и в сфере деятельности должностных лиц органов государственной власти.

Обосновывая актуальность обозначенной темы, хотелось бы отметить, что вопросы установления и реализации персональной ответственности Председателя Правительства Российской Федерации, в частности, перед Президентом Российской Федерации в настоящее время мало исследованы не только с общих теоретических позиций, но и в контексте теории конституционного права. Так, не разработана концепция понимания персональной ответственности, ее элементов и формирования. Кроме того, не конкретизированы отдельные моменты реализации персональной ответственности, в том числе основания привлечения к такому виду ответственности Председателя Правительства Российской Федера-

ции, а также формы этого процесса. Не совсем понятно также, к какой именно ответственности (конституционной, дисциплинарной, административной и т. п.) может быть привлечен Председатель Правительства Российской Федерации и какое наказание будет определено в результате, а самое главное, как это повлияет на дальнейшую работу Правительства Российской Федерации в целом. Все перечисленные вопросы требуют научного осмысления и законодательной регламентации.

Пожалуй, одна из самых неопределенных с точки зрения понимания и законодательной регламентации процесса применения является ст. 113 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), которая предусматривает персональную ответственность Председателя Правительства Российской Федерации перед Президентом Российской Федерации за осуществление возложенных на Правительство Российской Федерации полномочий. Стоит подчеркнуть, что данная статья претерпела изменения в ходе конституционной реформы 2020 г. и в таком же виде была закреплена в ч. 2 ст. 27 Федерального Конституционного закона от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (далее – ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»).

Учитывая, что указанная норма действует относительно недавно и ни разу не получила применения на практике, в отношении ее реализации существует неопределенность, которую необходимо обосновать, в том числе и с теоретических позиций. Оговоримся, что первоначально нами планировалась характеристика только процессуальной составляющей реализации данного вида ответственности, однако в ходе исследования стало очевидным существование определенных трудностей и в понимании персональной ответственности в целом. В связи с этим в рамках данной статьи представляется необходимым рассмотреть теоретико-правовые аспекты персональной ответственности Председателя Правительства Российской Федерации, а также сконструировать теоретическую модель процесса применения ст. 113 Конституции РФ.

К вопросу о сущности и особенностях персональной ответственности

Несомненно, закрепление различных видов юридической ответственности Правительства Российской Федерации в какой-то мере должно способствовать достижению эффективности реализуемых им задач, за невыполнение которых и наступает персональная ответственность перед Президентом Российской Федерации. Однако не совсем понятно, что подразумевается под персональной ответственностью.

Проблема заключается в том, что понятие персональной (личной) ответственности не предусмотрено российским законодательством. На практике под этим обычно понимается ответственность, которую конкретный субъект в той или иной сфере несет лично за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих трудовых обязанностей (полномочий), а также другие нарушения, которые могут быть допущены при их исполнении. При этом субъект может быть привлечен к дисциплинарной, материальной, а в не-

которых случаях и административной ответственности. Все же про уголовную ответственность в данном случае говорить преждевременно.

В связи с этим следует первоначально определиться с общими особенностями персональной ответственности. Представители целого ряда наук – социологии, политологии, психологии, экономики и т. д. – сегодня указывают на усиление значения поведения личности в общественном пространстве. Одновременно подчеркивается нарастание конфликтного характера взаимодействия между интересами личности и общественными интересами [1, с. 269].

Стоит отметить, что существует не так много исследований, посвященных общим вопросам установления и реализации персональной ответственности субъекта в сфере государственного управления. Тем не менее в немногочисленных публикациях в той или иной мере представлена концепция персональной ответственности Правительства Российской Федерации за определенную сферу деятельности.

А. В. Яровой отмечает: «Персональная ответственность должностных лиц возникает в результате их виновного противоправного поведения и подразумевает возложение на них негативных последствий за нарушение интересов публичных образований» [2, с. 34]. В русле данного подхода персональная ответственность воспринимается как негативная (ретроспективная) ответственность, то есть ответственность за свершенное противоправное деяние со стороны субъекта.

Некоторые авторы приходят к выводу о том, что в рамках рассматриваемой ответственности одно из основных мест должно отводиться конституционно-правовой ответственности, поскольку именно посредством применения ее мер к субъектам конституционно-правовых отношений нейтрализуются как возможность «недолжного» поведения, так и некоторые его последствия в сфере реализации конституционных полномочий [3, с. 4].

Из приведенного выше проступает определенная концепция, в соответствии с которой персональная ответственность реализуется как отношение конкретной личности к своей профессиональной деятельности в глазах государства и общества.

В этой связи интерес представляет точка зрения А. С. Вершкова о том, что в современном социально-философском знании ответственность человека существует прежде всего как категория этики и права, которая в своей сущности связана с исполнением социально-моральных и правовых норм поведения в обществе. Она выражается в этических понятиях долга и совести, самостоятельном, то есть свободном и осознанном, выборе человеком традиционно принятых в культуре принципов поведения и правил практического выполнения обязанностей перед обществом, другими людьми и самим собой [4, с. 9]. Представляется, что в данном случае речь идет уже о позитивной персональной ответственности, обеспечивающей правомерное поведение субъекта в профессиональной деятельности.

Синтезируя сказанное, возможно предположить, что персональная ответственность возникает в процессе осуществления определенной профессио-

нальной деятельности, в рамках которой формируется уважительно-положительное отношение к ней субъекта с целью достижения положительного результата. Сам субъект формирует соответствующий уровень правовой культуры и правосознания, который позволяет эффективно выполнять поставленные перед ним задачи. В этой связи можно сослаться на мнение С. Б. Токаревой о том, что «личная ответственность есть особая разновидность сознательности, связанная с самоограничением. Это готовность добровольно и осознанно принимать на себя обязательства в отношении других членов общества, проявлять заботу о них, предотвращать риски, минимизировать ущерб от социальных действий и таким образом заботиться о социальном благополучии» [5, с. 45]. Причем в структуру личной ответственности, по мнению Д. А. Ануфриевой, входят интеллектуально-когнитивное, мотивационно-аффективное и деятельностно-поведенческое личностные образования, в ее рамках соединяются основы мотивирующего, регулирующего, контролирующего и исполнительного поведения, реализуемого личностью в различных видах деятельности [6, с. 11].

Проще говоря, установление персональной ответственности должностных лиц публичной власти за эффективность своей работы означает, что они несут личную ответственность за действия (бездействия) при выполнении функций государственного управления. При этом высшие уровни личной и профессиональной ответственности характеризуются готовностью личности выстраивать свою систему нравственных ориентиров и определять приоритетных адресатов ответственности (перед кем и за кого держать ответ и от кого получать санкции), при этом соотнося каждый раз свое этическое творчество с существующими правовыми и моральными нормами [7, с. 39].

Е. И. Пыжова, рассматривая данный вид ответственности судьи, приходит к выводу, что персональную ответственность можно определить как служебную обязанность, предусмотренную материально-правовыми, процессуальными и применительно к рассматриваемой категории этическими нормами (нормами морали), призванную пресечь возможные злоупотребления служебным положением ввиду наличия особого статуса членов судейского сообщества и обязующую конкретное лицо в случаях наступления определенных обстоятельств отчитываться перед компетентным органом о виновном действии (бездействии) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, подвергаться оценке и в случае наступления негативных последствий нести ответственность в соответствии с законом [8, с. 147]. При этом автор добавляет, что среди видов персональной ответственности, к которой могут быть привлечены представители судейского сообщества, можно назвать уголовную, дисциплинарную и гражданско-правовую.

В целом на сегодняшний день в рассматриваемой сфере ученые чаще всего выделяют конституционно-правовую ответственность всех ее видов (восстановительно-компенсационная и карательно-штрафная), к которой привлекаются должностные лица за

совершение конституционного правонарушения [9, с. 174].

Также имеются и подходы, согласно которым в указанной области реализуется и парламентская ответственность правительства, которая выражается в определенном состоянии органов исполнительной власти и правительства в целом, разработке стратегии и тактики поступка, его обсуждении с парламентом. В широком смысле слова Правительство Российской Федерации отвечает перед государством и обществом, а значит, должно оправдывать свои поступки в глазах парламента, аргументированно доказывать правильность принятых решений перед общественными институтами [10, с. 47].

Интерес вызывает и точка зрения Р. С. Маркунина о том, что субъект ответственности в виде органа публичной власти, обладающий определенным перечнем обязанностей, осуществляя их, обеспечивает реализацию позитивной ответственности. Однако при уклонении от своих обязанностей или совершении правонарушения субъект юридической ответственности переходит к ее негативному проявлению, задействуя элементы в виде мер негативного характера и процедур их реализации. Подобная трансформация происходит в рамках одной системы юридической ответственности органов публичной власти [11, с. 38].

Таким образом, напрашивается логичный вывод о том, что персональная ответственность Председателя Правительства Российской Федерации может быть как позитивной, так и негативной. По этому поводу Р. М. Дзидзоев справедливо замечает: «В данном случае речь идет больше об ответственности позитивной, выражающей субординацию отношений между главой государства и главой правительства. Но подобная ответственность может перейти в юридическую, конституционную, поскольку приведенная конституционная формулировка позволяет Президенту освободить от должности Председателя Правительства, не объявляя при этом правительственную отставку в целом» [12, с. 50].

Кроме того, в современных научных исследованиях многие авторы в той или иной степени обращают внимание на концепцию главенствующей роли Президента Российской Федерации в отношении Правительства Российской Федерации [13], предусматривающую возможность привлечения Председателя Правительства Российской Федерации к ответственности в виде освобождения его от должности в рамках реализации персональной ответственности [14].

Причем анализ различных точек зрения и норм законодательства позволяет усомниться в том, что Президент Российской Федерации безосновательно может освободить Председателя Правительства Российской Федерации от должности. Например, не совсем понятно, на основании чего Президент Российской Федерации вправе реализовать меры персональной ответственности в отношении Председателя Правительства Российской Федерации в виде освобождения от должности или вынесения мер дисциплинарного характера. Здесь стоит привести интересный факт: ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» вообще не закрепляет исчерпывающий

перечень оснований освобождения от должности именно Председателя Правительства Российской Федерации Президентом Российской Федерации, хотя смысл этот прослеживается во всем нормативном акте. Например, исходя из ч. 2 ст. 7 ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», Президент Российской Федерации все же обладает возможностью освобождения от должности Председателя Правительства Российской Федерации.

В целом Правительство Российской Федерации прекращает полномочия только в трех случаях:

- перед вновь избранным Президентом Российской Федерации;
- в случае подачи в отставку;
- в случае выражения Государственной Думой недоверия Правительству Российской Федерации либо отказа в доверии Правительству Российской Федерации.

Как видно, сегодня у Председателя Правительства Российской Федерации нет возможности реализовать именно меры персональной ответственности в отношении себя, в том числе и в связи с невозможностью исполнения своих обязанностей, как это было ранее. Например, в соответствии со ст. 7 утратившего силу Федерального Конституционного закона от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» прекращение полномочий было возможно по заявлению Председателя Правительства Российской Федерации об отставке, а также в случае невозможности исполнения им своих полномочий.

Представляется, что необходимо обратить внимание и на то, что в истории развития государственности России неоднократно имели место отставки правительства. Так, с 1993 г. Правительство Российской Федерации пять раз распускалось Президентом Российской Федерации (дважды в 1998 и 1999 гг., а также в 2004 г.) и дважды добровольно уходило в отставку (в 2007 и 2020 гг.). В других случаях отставка происходила в связи с инаугурацией избранного главы государства (Государственная Дума Российской Федерации ни разу не выносила вотум недоверия правительству). Причем поводами для отставок являлись стремление Президента Российской Федерации сформировать более энергичную и эффективную команду для обеспечения восстановления экономики и решения социальных проблем путем исправления кризисной ситуации в экономике и социальной сфере и определение курса развития страны.

Мы не можем согласиться с тем, что на сегодняшний день законодатель полностью учел практику отставок Правительства Российской Федерации и формализовал эту процедуру в ст. 113 Конституции РФ. По нашему мнению, он еще больше усложнил понимание процедуры реализации такой ответственности. Реализация ответственности Правительства Российской Федерации в Федеральном конституционном законе № 2, как нам кажется, была более понятна и логична.

Справедливости ради заметим, что в случае ненадлежащего исполнения своих полномочий Правительство Российской Федерации может инициировать в отношении себя процесс реализации мер конституционно-правовой ответственности в виде добровольной отставки, которую Президент Россий-

ской Федерации либо принимает, либо нет. Тогда о какой персональной ответственности идет речь? В имеющемся перечне нет ни одного основания, воспользовавшись которым, Президент Российской Федерации мог бы освободить от должности Председателя Правительства Российской Федерации за невыполнение тем своих полномочий, что и подразумевает персональная ответственность. К сожалению, этот вопрос на сегодняшний день остается пока открытым. Здесь можно согласиться с мнением Р. С. Маркунина о том, что действующие на данный момент разрозненные и весьма абстрактные нормы не позволяют выстроить единую систему ответственности органов публичной власти, наблюдается безответственность и вседозволенность вышеназванных субъектов [15, с. 53].

Тем не менее возможно предположить, что основные особенности персональной ответственности будут следующими:

- во-первых, основанием ее является факт ненадлежащего исполнения или неисполнения субъектом своих полномочий;
- во-вторых, выражается она как в позитивном (обеспечивает будущее правомерное поведение субъекта), так и в негативном аспекте (реализуется по факту совершения противоправного деяния);
- в-третьих, функционально направлена на эффективную реализацию полномочий конкретного субъекта;
- в-четвертых, формируется как ответственное отношение субъекта к выполняемым полномочиям и др.

Представляется, что в рамках реализации персональной ответственности Председатель Правительства Российской Федерации может быть подвергнут со стороны Президента Российской Федерации мерам конституционно-правовой или дисциплинарной ответственности, что более логично вытекает из смысла ст. 113 Конституции РФ.

Реализация персональной ответственности

Несмотря на неопределенность законодательно-регулирующего регулирования реализации персональной ответственности Председателя Правительства Российской Федерации, необходимо принимать во внимание тот факт, что, как и отдельные виды юридической ответственности, персональная ответственность Председателя Правительства Российской Федерации должна реализовываться в строго процессуальной форме и в рамках соответствующих правоприменительных отношений. Следует отметить, что последние, в свою очередь, могут быть реализованы в рамках конституционного правоприменения.

Как было сказано ранее, персональная ответственность является позитивной, выражает субординацию отношений между Президентом Российской Федерации и Председателем Правительства Российской Федерации, но при некоторых обстоятельствах способна перейти в негативную.

Нам представляется, что персональная ответственность в ретроспективном понимании не может ограничиваться только мерами конституционной ответственности в виде отставки. В этой связи возникает вполне логичный вопрос: что мешает Президенту Российской Федерации скорректировать дальней-

шее поведение Председателя Правительства Российской Федерации при исполнении тем полномочий мерами дисциплинарной ответственности? Заметим, что в практике такая ответственность была неоднократно реализована в отношении некоторых членов Правительства Российской Федерации, когда им объявлялся выговор именно за неудовлетворительную реализацию поручений Президента Российской Федерации.

Тем не менее, говоря о реализации рассматриваемого вида ответственности, стоит подчеркнуть, что субъектом применения ст. 113 Конституции РФ, исходя из ее смысла, является Президент Российской Федерации, так как в его полномочия входят оценка качества деятельности Председателя Правительства Российской Федерации и выявление недостатков, и перед ним Председатель Правительства Российской Федерации несет персональную ответственность.

При этом остается пока неясным, что будет являться основанием реализации персональной ответственности. Представляется, в этом качестве может выступать совершение Председателем Правительства Российской Федерации соответствующего проступка (невыполнение или ненадлежащее исполнение своих трудовых обязанностей), что обусловит возникновение соответствующего правоприменительного отношения (таков смысл ст. 192 ТК РФ). Например, Правительство Российской Федерации не выполнило поручения Президента Российской Федерации, и это повлекло отрицательный результат их деятельности.

Также законодательство предусматривает, что основанием реализации соответствующего вида ответственности может послужить постановление Государственной Думы Российской Федерации о выражении недоверия или об отказе в доверии Правительству Российской Федерации (ст. 35 ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»).

Завершающим этапом рассматриваемого процесса конституционного правоприменения является вынесение правоприменительного решения и доведение этого решения до заинтересованного лица. Можно предположить, что правоприменительным

актом при этом будет выступать указ Президента Российской Федерации о возложении соответствующих мер юридической ответственности. Согласимся с тем, что для придания институту ответственности Председателя Правительства Российской Федерации процессуального формата необходимо на законодательном уровне установить, что применение мер ответственности производится указом Президента Российской Федерации [12, с. 51].

В данном случае наказание может выступать в виде освобождения от должности либо замечания или выговора.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в сфере реализации персональной ответственности Председателя Правительства Российской Федерации имеется множество проблем прикладного характера. Очевидно, что поправки в ст. 113 Конституции РФ, которые были внесены в 2020 г., а также принятие нового федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» не внесли ясности в процесс реализации персональной ответственности за невыполнение или некачественное выполнение полномочий в отношении Председателя Правительства Российской Федерации. Представляется, что не тот смысл, который вытекает из буквального толкования рассматриваемых норм, был заложен в регулирование ответственности Председателя Правительства Российской Федерации.

Стоит оговориться, что не все аспекты реализации персональной ответственности Председателя Правительства Российской Федерации нам удалось рассмотреть, так как это выходило за рамки предмета исследования. Это свидетельствует об актуальности заявленной темы и несовершенстве анализируемого института.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что научные изыскания, а также законодательные инициативы по анализируемому вопросу должны стать основой усиления роли главы государства в механизме реализации персональной ответственности Председателя Правительства Российской Федерации за выполнение своих полномочий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нагой Ф. Н. Личная социальная ответственность в современном мире: философский анализ // Наукосфера. 2021. № 12–1. С. 269–273.
2. Яровой А. В. Персональная ответственность заказчика в сфере государственных и муниципальных закупок // Академический юридический журнал. 2016. № 3 (65). С. 32–39.
3. Карасев А. Т., Крысанов А. В. Механизм парламентского контроля в системе персональной конституционно-правовой ответственности членов Правительства Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2014. № 2. С. 3–14.
4. Вершков А. С. Развитие персональной ответственности будущего специалиста: на материале воспитательной работы с курсантами военного вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Курск, 2006. 28 с.
5. Токарева С. Б. Коллективная и личная ответственность в обществе // Власть. 2012. № 3. С. 44–48.
6. Ануфриева Д. А. Психологические особенности влияния личной ответственности на имидж сотрудника полиции : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2021. 22 с.
7. Камнева Е. В., Пряжников Н. С., Бабанова Е. В., Буянова С. М. Имитации личной и профессиональной ответственности в условиях директивных предписаний // Вестник Омского университета. Сер.: Психология. 2020. № 4. С. 27–41. doi: 10.24147/2410-6364.2020.4.27-41.
8. Пыжова Е. И. Соотношение принципа независимости судей и персональной ответственности // Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы теории и практики : сб. науч. ст. / сост. и ред. Л. В. Войтович. СПб., 2021. С. 142–154.
9. Витрук Н. В. Общая теории юридической ответственности. М., 2009. 432 с.

10. Чепус А. В. Парламентская ответственность правительства как форма конституционной ответственности: общая характеристика // *Юридическая наука*. 2013. № 4. С. 45–48.
11. Маркунин Р. С. Система юридической ответственности органов публичной власти: принципы формирования // *Государство и право*. 2020. № 6. С. 35–42. doi: 10.31857/S013207690009934-9.
12. Дзидзоев Р. М. Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации: новые грани взаимоотношений // *Журнал российского права*. 2021. № 5. С. 43–54. doi: 10.12737/jrl.2021.059.
13. Галстян Н. А. Конституционная модель власти в Российской Федерации как фактор ограничения политической конкуренции // *Российский юридический журнал*. 2022. № 1. С. 53–62. doi: 10.34076/20713797_2022_1_53.
14. Павленко М. А., Романов М. Л. Полупрезидентская республика: особенности реализации в России (сравнительное конституционное обозрение) // *Современный юрист*. 2022. № 4. С. 22–35.
15. Маркунин Р. С. Субъект как элемент системы ответственности органов публичной власти // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки*. 2017. № 2 (29). С. 51–54.

REFERENCES

1. Nagoi F.N. Personal social responsibility in the modern world: philosophical analysis. *Naukosfera*, 2021, no. 12–1, pp. 269–273. (In Russ.).
2. Yarovoi A.V. Personal responsibility of the customer in the field of state and municipal procurement. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2016, no. 3 (65), pp. 32–39. (In Russ.).
3. Karasev A.T., Krysanov A.V. The mechanism of parliamentary control in the system of personal constitutional and legal responsibility of members of the Government of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) = Bulletin of the Moscow University. Series 21: Governance (State and Society)*, 2014, no. 2, pp. 3–14. (In Russ.).
4. Vershkov A.S. *Razvitiye personal'noi otvetstvennosti budushchego spetsialista: na materiale vospitatel'noi raboty s kursantami voennogo vuza: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Development of personal responsibility of a future specialist: based on the material of educational work with cadets of a military university: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Kursk, 2006. 28 p.
5. Tokareva S.B. Collective and personal responsibility in society. *Vlast' = Authorities*, 2012, no. 3, pp. 44–48. (In Russ.).
6. Anufrieva D.A. *Psikhologicheskie osobennosti vliyaniya lichnoi otvetstvennosti na imidzh sotrudnika politzii: avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological features of the influence of personal responsibility on the image of a police officer: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Moscow, 2021. 22 p.
7. Kamneva E.V., Pryazhnikov N.S., Babanova E.V. et al. Imitation of personal and professional responsibility under the terms of the directives. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = Herald of Omsk University. Series: Psychology*, 2020, no. 4, pp. 27–41. (In Russ.). doi: 10.24147/2410-6364.2020.4.27-41.
8. Pyzhova E.I. Correlation of the principle of independence of judges and personal responsibility. In: Voitovich L.V. (Ed.) *Printsipy grazhdanskogo, arbitrazhnogo i administrativnogo sudoproizvodstva: problemy teorii i praktiki: sb. nauch. st.* [Principles of civil, arbitration and administrative proceedings: problems of theory and practice: collection of scientific articles]. Saint Petersburg, 2021. Pp. 142–154. (In Russ.).
9. Vitruk N.V. *Obshchaya teorii yuridicheskoi otvetstvennosti* [General theory of legal liability]. Moscow, 2009. 432 p.
10. Chepus A.V. Parliamentary responsibility of the government as a form of constitutional responsibility: general characteristics. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2013, no. 4, pp. 45–48. (In Russ.).
11. Markunin R.S. System of legal responsibility of public authorities: principles of formation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2020, no. 6, pp. 35–42. (In Russ.). doi: 10.31857/S013207690009934-9.
12. Dzidzoev R.M. The President of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation: New Facets of Relationships. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2021, no. 5, pp. 43–54. (In Russ.). DOI: 10.12737/jrl.2021.059.
13. Galstyan N.A. The constitutional model of power in the Russian Federation as a factor of limiting political competition. *Rossiiskiy yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2022, no. 1, pp. 53–62. (In Russ.). doi: 10.34076/20713797_2022_1_53.
14. Pavlenko M.A., Romanov M.L. Semi-presidential republic: features of implementation in Russia (comparative constitutional Review). *Sovremennyi yurist = Modern Lawyer*, 2022, no. 4, pp. 22–35. (In Russ.).
15. Markunin R.S. The subject as an element of the system of responsibility of public authorities bodies. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki = Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*, 2017, no. 2 (29), pp. 51–54. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ САМУСЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Иркутск, Россия, доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета, Иркутск, Россия, samusevich79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0845-1343>

ALEKSEI G. SAMUSEVICH – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Constitutional Law and the Theory of Law of the Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russia, associate professor at the Department of Jurisprudence of the Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, samusevich79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0845-1343>

Статья поступила 04.04.2023

О содержании российского пенитенциарного законодательства дореволюционного и советского периодов

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЯКОВЕЦ

Российская таможенная академия, Люберцы, Россия, koshka997@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Реферат

Введение: в статье представлен ретроспективный анализ уголовно-исправительного законодательства в дореволюционный и советский периоды развития нашего государства. Подчеркивается, что исполнение наказания и применение мер исправительного воздействия на различных исторических этапах, являясь элементом уголовно-исправительной системы, определялись соответствующей временной спецификой и представляли самостоятельное направление правоохранительной деятельности. Основные меры уголовно-исправительной политики государства закреплялись положениями уголовно-исправительного права, поскольку именно право является одной из ведущих форм выражения политики. *Цель:* на основе ретроспективного анализа российского пенитенциарного законодательства и соответствующих научных публикаций сформулировать вывод о направлениях его развития в современный период и на текущую перспективу. *Методы:* всеобщий метод познания – диалектический материализм, основывающийся на законах диалектики; формально-логические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, аналогия; общенаучные методы: наблюдение, сравнение, описание и др.; частнонаучный метод исторической аналогии. *Результаты:* анализ становления российского уголовно-исполнительного законодательства и правоприменительной практики показывает, что развитие уголовно-исполнительной системы на протяжении всей российской истории отличается адекватностью, поступательным характером и оперативностью реагирования на изменение криминальной обстановки в стране. *Выводы:* современной российской уголовно-исполнительной системе необходимо обеспечить преемственность в развитии пенитенциарного права с учетом опыта формирования исправительного (уголовно-исправительного) законодательства применительно к новым вызовам и угрозам, исходящим от преступности. Вместе с тем вести речь об установлении контроля над последней можно будет лишь при условии устранения основных социально-экономических противоречий в обществе.

Ключевые слова: уголовно-исправительная система; уголовное наказание; уголовно-исполнительная система; пенитенциарное законодательство; профессиональная уголовная преступность; социально-экономические противоречия.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Яковец Е. Н. О содержании российского пенитенциарного законодательства дореволюционного и советского периодов // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 134–143. doi 10.46741/2686-9764.2023.62.2.003.

Original article

Analyzing the Russian Penitentiary Legislation of the Pre-Revolutionary and Soviet Periods

EVGENII N. YAKOVETS

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Abstract

Introduction: the article presents a retrospective analysis of the criminal correctional legislation in the pre-revolutionary and Soviet periods of the Russian state development. It emphasizes that the execution of punishment and the application of corrective measures in various historical periods, being an element of the criminal correctional system, were determined by the relevant time specifics and represented an independent direction of the law enforcement activity. Key measures of the state's criminal correctional policy were fixed by provisions of the criminal correctional law, since it is the law that is one of the key forms of policy expression. *Purpose:* based on a retrospective analysis of the Russian penitentiary legislation and relevant scientific publications, to formulate a conclusion about prospects of its development in the modern period and for the current perspective. *Methods:* a general cognition method – dialectical materialism based on the laws of dialectics; formal logical methods – analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction, analogy; general scientific methods – observation, comparison, description, etc.; a private scientific method of historical analogy. *Results:* the analysis of the development of the Russian penal legislation and law enforcement practice shows that the development of the penal system throughout Russian history is characterized by relevancy, progressive character and responsiveness to changes in the criminal situation in the country. *Conclusion:* the modern Russian penal system should ensure continuity in the development of penitentiary law with regard to the experience of the formation of correctional (criminal correctional) legislation in relation to new challenges and threats. At the same time, it will be possible to talk about establishing control over it only if key socio-economic contradictions in society are eliminated.

Keywords: criminal correctional system; criminal punishment; penitentiary legislation; professional criminal criminality; socio-economic contradictions.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Yakovets E.N. Analyzing the Russian penitentiary legislation of the pre-revolutionary and Soviet periods. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 134–143. doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.003.

Введение

Борьба с преступностью предполагает оказание исправительного воздействия на лиц, признанных приговором суда виновными в совершении преступлений. На базе положений социальной политики и в соответствии с требованиями уголовной политики в государстве создается система мер и средств, преследующих цель исправления и перевоспитания лиц, совершивших преступления. В дореволюционный период правовое регулирование организации исполнения наказания осуществлялось в рамках уголовного права, поскольку специализированное законодательство еще отсутствовало. В качестве отдельной отрасли права оно оформилось в советский период и получило наименование исправительно-трудового. На современном, постсоветском, этапе было переименовано в уголовно-исполнительное. Исполнение наказания и применение мер исправительного воздействия обладают существенной спецификой и образуют самостоятельную область деятельности, которая непосредственно базируется на исправительной политике. Как известно, последняя имеет своим непосредственным источником уголовную политику, однако не поглощается ею, поскольку располагает собственным содержанием. Она испытывает влияние социальной политики как через уголовную политику, так и за счет положений, связанных с воспитанием личности и формированием у нее общественно полезных интересов и потребностей. Основные меры уголовно-исправительной политики государства закреплялись положениями исправительно-трудового права, поскольку именно право являлось и является одной из ведущих форм

выражения государственной политики. Российская уголовно-исполнительная система, базируясь в различные периоды на положениях социальной политики и непосредственно будучи обусловлена уголовной политикой государства, определяла главные направления деятельности органов исполнительной власти и общественных организаций в области исполнения наказаний, конкретизируя специфические формы, задачи и содержание исправительного воздействия.

Как известно, в Российской Федерации для характеристики органов и учреждений, исполняющих наказания, в настоящее время используется термин «уголовно-исполнительная система». В результате реформ 1990-х гг. и изменения политики государства в сфере исполнения наказаний он пришел на смену термину «исправительно-трудовая система», применявшемуся в советский период.

Дореволюционный этап развития российской пенитенциарной системы

В период зарождения и становления российской государственности в перечень противоправных деяний прежде всего входили преступления и проступки против религии, государства, порядка управления, а также должностные преступления. На более поздних этапах все большую остроту стало приобретать противодействие преступлениям общеуголовного характера. Первые попытки упорядочить систему назначения наказаний за их совершение относятся к XIII–XV вв. Они нашли отражение в Русской Правде. Большинство ее статей предусматривало наложение денежного штрафа, размер которого зависел от тяжести преступления, сословного положения потерпевшего и преступника. За совершение убийства

в качестве разновидности смертной казни допускалась кровная месть со стороны родственников убитого. Однако в зависимости от обстоятельств дела она могла заменяться штрафом в 40 гривен.

В Судебнике 1497 г., где были кодифицированы нормы обычного права, уставные грамоты, княжеские указы и другие документы, сопровождавшие процесс завершения централизации государства, как и в Русской Правде, понятие преступного деяния еще четко не определялось. Формулирование его неопределенного содержания как «иного какого лихого дела» позволяло власть имущим трактовать его весьма широко и подводить под уголовное наказание любые действия, которые могли нанести правящей элите тот или иной ущерб. В это время дальнейшее развитие получил перечень разнообразных наказаний, в первую очередь наиболее суровых, направленных на лишение виновного жизни. Уголовная политика того времени сохраняла свою направленность на устрашение подданных [1].

Соборное уложение, изданное в 1649 г., также ставило на первое место защиту интересов церкви и государственной власти. В нем была продолжена политика, направленная на ужесточение наказаний. Смертную казнь влекло совершение более 50 фигурировавших там преступных деяний. Одновременно наметилась тенденция к расширению применения тюремного заключения, которое назначалось на определенный или неопределенный срок. Практиковались лишение свободы в виде заключения в тюрьму (крепость), под караул, высылка в окраинные города, Сибирь на время или пожизненно [2, с. 25], а также появился такой вид наказания, как ссылка «в Сибирь, на житье на Лену», стал также использоваться и неопределенный вид наказания «что государь укажет». Широко применялись в этот период различные наказания, связанные с калечением и клеймением осужденных. Возникла также гражданская казнь, заключающаяся в публичном унижении наказуемого с преломлением шпаги над его головой в знак лишения всех прав состояния (чинов, сословных привилегий, прав собственности, родительских прав и др.). В рассматриваемый период стал активно использоваться труд арестантов.

Во время царствования Петра I было принято более 100 специальных актов уголовного законодательства, сформировавших основу цивилизованной пенитенциарной политики. Наиболее важные из них действовали на протяжении многих последующих десятилетий. Именно при Петре I стала использоваться ссылка в каторжные работы.

Дальнейшее развитие правового регулирования исполнения наказаний, а также первые попытки его гуманизации пришлось на годы царствования Екатерины II, стремившейся доказать свою просвещенность и приверженность гуманитарным ценностям. К этому периоду относится создание системы уголовно-исполнительных учреждений. В 1775 г. появились принудительно-воспитательные учреждения для содержания лиц порочного поведения, такие как работные и исправительные дома. Их устройство и деятельность подробно регламентировались законом.

Первые шаги по упорядочению структуры управления местами лишения свободы были предприняты в начале XIX в. Указом Александра I от 25.06.1811 было учреждено Министерство полиции, в составе которого функционировали три департамента, в том числе и полиции исполнительной. В 1819 г. департаменты вошли в состав Министерства внутренних дел, а департамент полиции исполнительной обрел статус централизованного органа управления тюремной системой государства. В том же году с разрешения и под покровительством императора было учреждено Попечительное о тюрьмах общество, просуществовавшее до 1917 г.

Первым систематизированным законодательным актом об исполнении наказаний, связанных с лишением свободы, явился Свод учреждений и уставов о содержании под стражей и ссыльных 1832 г. [3, с. 332].

К началу XIX в. Соборное уложение утратило свое значение, и в 1836 г. началась работа по созданию Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, которое после рассмотрения его проекта Государственным советом в 1845 г. было утверждено императором Николаем I и с 1846 г. введено в действие. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных предусматривало обширную и сложную систему наказаний, которые разделялись по разрядам, родам и степеням. Все наказания за преступления и проступки делились на уголовные и исправительные. Уголовным наказанием считалось лишение всех прав состояния, соединенное со смертной казнью, каторгой или ссылкой. К исправительным наказаниям относились лишение всех особенных личных и сословных прав и преимуществ, соединенное со ссылкой в Сибирь или другие места; заключение в крепости, смиренном доме, тюрьме; кратковременный арест и некоторые другие. В Уложении сохранялся сословный принцип применения наказаний: все преступники делились на тех, к которым могли применяться телесные наказания, и тех, в отношении которых они не применялись.

Военнослужащие под действие Уложения о наказаниях не попадали. Для них существовал изданный в 1839 г. Военно-уголовный устав, заменивший собой Артикул воинский [4, с. 327–329]. Позже на смену Военно-уголовному уставу пришел Воинский устав о наказаниях, принятый 5 мая 1868 г., которым также предусматривались два вида наказаний – уголовные и исправительные. К уголовным относились смертная казнь, ссылка на каторжные работы, поселение с лишением всех прав и заключение в крепости. Исправительные наказания определялись в зависимости от сословной принадлежности: для офицеров это были ссылка в Сибирь с увольнением и лишением прав, временное заключение в крепости с увольнением, временное заключение в тюрьме с увольнением, содержание на гауптвахте, денежные взыскания; для нижних чинов – временное направление в военно-исправительные роты, заключение в военной тюрьме, денежные взыскания, лишение нашивок за беспорочную службу с переводом в разряд штрафных [5].

Общегосударственными политическими тюрьмами (Алексеевским равелином, Петропавловской крепостью, Шлиссельбургской крепостью, Суздальским

Спасо-Евфимиевым монастырем и Шварцгольмским домом) в этот период ведала II экспедиция Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕИВК), которая помимо этого занималась раскольниками, сектантами, фальшивомонетчиками, уголовными убийствами, «крестьянским вопросом», должностными преступлениями и др. [6]

Несколько позже, в 1879 г., исполнение наказаний было передано Главному тюремному управлению (ГТУ), образованному в составе МВД. В результате реформы была создана единая общегосударственная тюремная система, объединявшая тюрьмы трех типов: 1) крупные тюрьмы с центральным подчинением ГТУ, так называемые централы (например, Владимирский централ во Владимире, Александровский централ около Иркутска и др.), а также Петропавловская и Шлиссельбургская крепости, ранее находившиеся в ведении Третьего отделения СЕИВК; 2) тюрьмы общего типа, подчиненные губернским тюремным инспекциям; 3) каторжные тюрьмы, находившиеся главным образом в Сибири [7, с. 45.]. В 1895 г. места заключения были переданы в ведение Министерства юстиции.

С каждым годом в Российской империи становилась все более актуальной проблема роста профессиональной уголовной преступности. К началу XX в. в среде обитателей тюрем и царских каторг уже существовала строгая система взаимоотношений [8, с. 26]. Общая арестантская масса имела несколько ступеней, где верхнее положение занимали «иваны», или «бродяги» – главные носители тюремных традиций, тюремные старожилы, арестантская «аристократия». Вторую ступень воровской иерархии образовали «храпы». Третье сословие тогдашней тюрьмы представляли «жиганы» – категория самая многоликая. На нижней ступени арестантской иерархии находилась «шпанка» – бесправная, голодная, задавленная масса арестантов, состоявшая в основном из крестьян. Над ними издевались представители всех вышестоящих «сословий»: давили «иваны», запугивали и обирали «храпы», обкрадывали голодные «жиганы».

Сама тюрьма генерировала преступность, приобретавшую в ней все новые, необходимые для своей деятельности силы. Через места заключения Российской империи в тот период ежегодно проходило около 2 млн заключенных. Правительство не могло ничего противопоставить распространению преступности, исходившей из тюрем. Государственные учреждения для правонарушителей с неизбежностью превращались в школы преступного мастерства. Изоляция лиц, нарушавших закон, только усложняла ситуацию: тюрьмы, каторги переполнялись и становились неуправляемыми [9, с. 17–20].

Дело заходило так далеко, что криминалитет пытался оказывать влияние на политическую жизнь страны. До наших дней дошел уникальный документ, датированный 1906 г., – своеобразный меморандум воров, который был адресован Государственной Думе и касался улучшения условий содержания заключенных [10, с. 27].

Во время Февральской революции 1917 г., когда в Петрограде восставшими были захвачены и сожжены

многие городские тюрьмы, в том числе «Кресты», «Литовский замок», дом предварительного заключения «Шпалерка» и др., из них на свободу вместе с политическими заключенными вышли и отъявленные уголовники, впоследствии получившие название «птенцы Керенского» [11, с. 141]. При активном их участии в городе начались убийства полицейских, массовые разбои и грабежи [12, с. 482], с которыми оказалось уже некому бороться.

Развитие советской исправительно-трудовой системы

В первые годы советской власти руководство местами лишения свободы было возложено на карательный отдел Народного комиссариата юстиции РСФСР (НКЮ), который неоднократно менял свое название, а в 1922 г. был преобразован в Главное управление местами заключения (ГУМЗ) НКВД. Этот главк имел на местах свои территориальные органы. Параллельно ему была создана система лагерей принудительных работ, находившихся в непосредственном ведении органов ВЧК, ГПУ – ОГПУ [13, с. 23].

Правовые нормы, регламентировавшие применение наказаний, в дореволюционный период являвшиеся неотъемлемой частью уголовного законодательства, впервые были выделены в самостоятельную отрасль права после утверждения 16 октября 1924 г. Исправительно-трудового кодекса РСФСР (ИТК РСФСР). Статья 1 кодекса определяла правила осуществления на территории РСФСР начал уголовной политики путем соответствующей организации лишения свободы и принудительных работ без содержания под стражей. Ставилась цель реформировать существовавшие на тот момент места лишения свободы в соответствии с потребностями общества, создав сеть трудовых сельскохозяйственных, ремесленных и фабричных колоний, а также переходных исправительно-трудовых домов с различным режимом содержания (ст. 4).

В общих положениях декларировалась недопустимость причинения физических страданий и унижения человеческого достоинства в ходе отбывания наказания. В ст. 5 устанавливалось единство системы исправительно-трудовых учреждений, а в ст. 9 в принципе была дана установка на их самокупаемость без ущерба, однако, для осуществления задач исправительно-трудовой политики. Основным видом исправительно-трудовых учреждений, по ИТК РСФСР, являлся исправительно-трудовой дом. В основу режима во всех местах лишения свободы было положено правильное сочетание принципов обязательного труда лиц, лишенных свободы, и политико-воспитательной (культурно-просветительной) работы (ст. 48).

В соответствии с положениями ИТК РСФСР во всех исправительно-трудовых учреждениях организовывались наблюдательные комиссии, в состав которых входили начальник места заключения, местный народный судья и представитель бюро профессиональных союзов. На эти комиссии возлагались функции по наблюдению за переводом заключенных из одних разрядов в другие, предварительному обсуждению вопроса о досрочном освобождении и т. д. В 1929 г. права наблюдательных комиссий были заметно расширены.

Общие принципы обеспечения режима в местах лишения свободы были достаточно либеральными. Например, допускались не только свидания, но и отпуска (ст. 20). Режим в местах заключения не должен был преследовать цель издевательств над осужденными. Запрещалось применение таких мер воздействия, как кандалы, наручники, карцеры, лишение пищи, свидания заключенных с посетителями через решетку.

Труд считался обязательным для всех трудоспособных, причем хорошая работа поощрялась сокращением срока заключения или даже переводом на принудительный труд без содержания под стражей. В местах лишения свободы было организовано обучение заключенных, как общеобразовательное, так и профессиональное, с тем, чтобы, выйдя на свободу, человек имел возможность устроиться на работу. В колониях должна была проводиться культурно-воспитательная работа, для чего создавались все необходимые условия.

Кодекс предусматривал широкий перечень мер, связанных с оказанием помощи лицам, отбывшим срок заключения: выделение материальной помощи неимущим, предоставление жилья и питания на льготных условиях в течение определенного времени, ссуды на приобретение рабочих инструментов, обзаведение необходимыми предметами домашнего обихода и др. Соответствующие обязанности возлагались на Главное управление местами заключения и его местные органы.

В 1925 г. был принят ИТК Украины, построенный на тех же принципах, что и российский. Тогда же были введены в действие исправительно-трудовые кодексы Грузии, Узбекистана и Азербайджана, в 1926 г. – Белоруссии, в 1928 г. – Туркмении. До начала 1930-х гг. неоднократно проводились амнистии. Например, в 1923 г. специальной комиссией ВЦИК и ЦК РКП(б) было освобождено до 60 % заключенных.

Особое внимание уделялось перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей. Советское государство прекрасно понимало, что если общество не предпримет усилий по перевоспитанию молодежи, то обречет себя на распад. В 1921 г. советский педагог А. С. Макаренко предложил оригинальное решение проблемы беспризорников, количество которых после окончания Гражданской войны достигло критических масштабов. Он явился теоретиком и практиком совмещения коммунистического воспитания с воспитанием трудом. Макаренко подчеркивал важность человеческого обращения с членами колонии, создания атмосферы взаимного уважения. Под его руководством колонисты построили два высокотехнологичных завода – по производству электро-механических инструментов (австрийская лицензия) и знаменитых фотоаппаратов ФЭД (немецкая лицензия). Колонисты освоили сложнейшие процессы, успешно работали и выпускали продукцию хай-тек [14, с. 19].

Однако вернемся к взрослой преступности. Заключенные в местах лишения свободы подразделялись на три категории, причем важным критерием отнесения осужденного к той или иной группе являлось

его социальное происхождение. Первую категорию составляли лица, подлежащие лишению свободы со строгой изоляцией, вторую – профессиональные преступники, а также те из заключенных, которые, не имея отношения к классу трудящихся, совершили преступления вследствие своих классовых привычек, взглядов или интересов, третью – все остальные. Кроме того, выделялось три разряда – начальный, средний и высший. Перейти из одного разряда в другой можно было по мере пребывания в колонии и в зависимости от своего поведения.

«Иваны», «храпы», «жиганы», «шпанка» постепенно растворялись в массе преступников новой формации: спекулянтов, «изменников родины», «контры» и т. д. [15, с. 59, 70, 94, 133]. Внутри этого сообщества сформировалось особое ядро профессиональной преступности – «воры», то есть лица, судимые за кражи три раза и более. Во второй половине 1928 г. в местах заключения представители профессиональной преступности составляли около 4,2 % [16, с. 185].

В женских местах заключения и колониях уклад жизни отличался от существовавшего в местах лишения свободы для мужчин. Здесь была менее жесткая система «воровских понятий», а также размытые представления о том, что хорошо, а что запрещено. Главной в камере являлась наиболее авторитетная и на протяжении длительного периода находившаяся в местах лишения свободы женщина. Как правило, она являлась «второходкой», то есть оказывалась за решеткой второй раз. Собственно, этим вся иерархия и ограничивалась. Остальные подчинялись старшей, которая следила за тем, чтобы в камере соблюдался порядок, не нарушался график уборки. Она же поддерживала психологическое равновесие заключенных, будь то скандалы между зечками или рыдания новеньких, впервые переступивших порог мест заключения [17].

Большинство работников мест заключения не имели четких ориентиров в общении с представителями различных категорий уголовно-преступного элемента, а тем более в их исправлении и перевоспитании. Это приводило к опасным тенденциям. Внутренняя жизнь мест лишения свободы практически повсеместно стала регулироваться самими заключенными. Администрации же отводилась весьма скромная и ограниченная функция внешнего надзора. В местах заключения, как и в дореволюционный период, верховодили опытные и опасные преступники, подчинявшие себе остальную массу осужденных [9, с. 21–24].

Российский государственный и политический деятель и ученый А. И. Гуров отмечает в связи с этим, что, пользуясь сложившейся ситуацией, многие воры с целью давления на прочих заключенных стали проникать на административные должности и получать неограниченные возможности по утверждению в преступной среде своих законов. Причем воровская категория преступников стремилась к полному размежеванию с различными политическими группировками, полагая, что вор должен только воровать. Тех, кто придерживался воровских правил поведения, стали называть ворами в законе [18, с. 104–105].

24 апреля 1930 г. в соответствии с приказом ОГПУ СССР было образовано управление лагерями. Первое упоминание о ГУЛАГе (Главное управление лагерей) можно найти в приказе ОГПУ СССР от 15.02.1931. В этот период, совпавший с моментом заката новой экономической политики и началом коллективизации сельского хозяйства, произошло увеличение численности заключенных, резко изменился их состав. Процент лишенных свободы «классово чуждых элементов», не превышавший в 1929 г. 3–4 %, возрос в 1931 г. до 35 % [19, с. 283].

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 06.07.1929 «Об изменении статей 13, 18, 22, 38 Основных начал Уголовного законодательства СССР и союзных республик» была введена дополнительная мера социальной защиты – лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях Союза ССР. Первая группа таких лагерей появилась в 1929 г. на севере страны в бассейне рек Печора и Воркута, в Ухте. 5 августа 1929 г. в г. Сольвычегодске было создано Управление северных лагерей особого назначения (СЛОН) ОГПУ СССР. В него входили Севитлаг, Котласский, Усть-Вымский, Пинюгинский, Сыктывкарский лагеря с общей численностью заключенных 33 511 чел. Перед этими лагерями ставилась задача освоить силами заключенных природные богатства Северного края – осуществлять добычу угля в бассейнах рек Печора и Воркута, нефти в Ухте, разработку лесных массивов. Созданное управление возглавил А. П. Шайрон [19, с. 303].

В 1930–1932 гг. в различных регионах страны были организованы и другие подобные исправительно-трудовые лагеря: Беломоро-Балтийский, Сибирский, Казитлаг, Карагандинский, Дальиселдорстрой, Темниковский, Дмитровский, Нижегородский, Сызранский, Кунгурский, Свирский, Вишерский. Общее число заключенных в них на 1 января 1936 г. составляло 839 406 чел. К 1939 г. ИТЛ открылись в Свердловской, Пермской, Вятской и других областях. Кроме того, в системе НКВД СССР к этому времени функционировали 392 общие тюрьмы [9, с. 26–27], переданные в его ведение в 1934 г.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 01.08.1933 был утвержден и введен в действие новый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, который, впрочем, не внес каких-либо существенных изменений в сложившуюся систему мест лишения свободы. Он состоял из семи основных положений и семи разделов, развивавших эти положения. В ст. 1 и 2 основных положений были сформулированы принципы новой исправительно-трудовой политики. В ст. 3 был определен основной тип места лишения свободы – исправительно-трудовая колония. Там же получили закрепление принципы размещения лишенных свободы применительно к трудовым навыкам последних, в зависимости от их общественной опасности, социального положения, возраста и успешности исправления [20]. ИТК РСФСР 1933 г. не касался исполнения наказания в исправительно-трудовых лагерях ОГПУ.

В сентябре 1938 г. в составе НКВД СССР было образовано самостоятельное Главное тюремное

управление, а 10 июня 1934 г. в соответствии с Постановлением ЦИК СССР при создании нового союзно-республиканского НКВД в его состав было включено Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений. В октябре того же года управление было переименовано в Главное управление лагерей, трудпоселений и мест заключения. В дальнейшем оно еще дважды переименовывалось и в феврале 1941 г. получило закрепившееся на относительно продолжительный срок название – Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР.

Великая Отечественная война наложила особый отпечаток на деятельность этого главка. С 6 января 1942 г. для проверки лиц, представлявших оперативный интерес для Наркомата государственной безопасности СССР, а впоследствии и СМЕРШа, были организованы спецлагеря, которые находились в ведении Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД СССР. 19 июля 1944 г. они были переданы в ведение ГУЛАГа НКВД СССР, а 28 августа 1944 г. был организован Отдел спецлагерей НКВД СССР, который 20 февраля 1945 г. был переименован в Отдел проверочно-фильтрационных лагерей (ОПФЛ) НКВД СССР. 22 января 1946 г. последний был расформирован, а его функции переданы в ГУЛАГ НКВД СССР [21, с. 38].

В качестве завершающего аккорда сталинского периода развития отечественной уголовно-исполнительной системы следует рассматривать секретную записку от 26.03.1953, которую направил в ЦК КПСС министр внутренних дел СССР Л. П. Берия. В ней отмечалось, что «содержание большого количества заключенных в лагерях, тюрьмах и колониях, среди которых имеется значительная часть осужденных за преступления, не представляющие серьезной опасности для общества, в том числе женщин, подростков, престарелых и больных людей, не вызывается государственной необходимостью». Далее Берия предлагал вдвое сократить срок наказания лицам, осужденным более чем на 5 лет, освободить женщин, имеющих детей до 10 лет, беременных женщин, несовершеннолетних (до 18 лет), пожилых и тяжело больных людей. В результате реализации этих мер обрел свободу 1 203 421 чел., в том числе многие «лесные братья» из Прибалтики, Украины и Белоруссии. Кроме того, в числе «птенцов Берии», вылетевших на свободу, оказались и матерые уголовники, отбывавшие небольшие сроки лишения свободы. В связи с этим криминогенная обстановка в СССР осложнилась до критического уровня. Например, г. Улан-Удэ фактически был захвачен бандитами, возвращавшимися из лагерей. В результате за недели беспорядков там было убито несколько тысяч мирных граждан [22]. В Москве в связи с проведенной амнистией количество тяжких и особо тяжких преступлений по сравнению в предшествующим годом возросло в несколько раз [23, с. 62]. По воспоминаниям ветеранов, личный состав МУРа в этот период был переведен на казарменное положение и пребывал в этом режиме до тех пор, пока большинство вышедших на свободу и оказавшихся в столице представителей уголовного мира

вновь не оказалось в местах лишения свободы за совершение различных преступлений.

В 1953 г. исправительно-трудовые учреждения были переданы в Министерство юстиции СССР, однако уже в начале 1954 г. их вновь возвратили в МВД СССР.

Указами Президиума Верховного Совета СССР от 24.04.1954 и 14.07.1954 было восстановлено досрочное и условно-досрочное освобождение из мест лишения свободы. Важное значение для дальнейшей деятельности ИТУ имели Положение о прокурорском надзоре в СССР, утвержденное указом Президиума Верховного Совета СССР от 24.05.1955, и Положение о наблюдательных комиссиях, утвержденное постановлением Совета министров РСФСР от 24.05.1957. В 1956 г. дальнейшее сохранение исправительно-трудовых лагерей было признано нецелесообразным, и они были подвергнуты реорганизации в исправительно-трудовые колонии [24, с. 317–320, 322–326].

25 декабря 1958 г. Верховный Совет СССР утвердил Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, содержавшие ряд норм, в соответствии с которыми должно было измениться и исправительно-трудовое законодательство. Принятие этого закона и опыт работы ИТУ позволили разработать Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МВД СССР, которое было утверждено указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29.08.1961 [25], и аналогичные положения других союзных республик. Указанные нормативные акты предусматривали создание ИТК четырех видов: общего, усиленного, строгого и особого режимов. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1963 «Об организации исправительно-трудовых колоний-поселений и о порядке перевода в них осужденных к лишению свободы, твердо вставших на путь исправления» [26] система колоний дополнялась еще одним видом – колонией-поселением. Произошли изменения и в исправительно-трудовых учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей. Положение о трудовых колониях для несовершеннолетних, утвержденное указом Президиума Верховного Совета СССР от 03.06.1968 [27], предусматривало организацию колоний общего и усиленного режимов. В 1965–1967 гг. были разработаны и приняты новые положения о наблюдательных комиссиях и положения о комиссиях по делам несовершеннолетних [28; 29]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1966 устанавливался административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Послевоенный опыт работы ИТУ и развитие науки исправительно-трудового права создали необходимые условия для разработки и принятия 11 июля 1969 г. Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик и в 1970–1971 гг. исправительно-трудовых кодексов союзных республик. Тем самым была создана система исправительно-трудового законодательства последнего периода существования Советского государства [30, с. 93].

Новый ИТК РСФСР закрепил основные формы политико-воспитательной работы с осужденными, отнеся к ним трудовое соревнование, разъяснение законодательства, агитационную и пропагандистскую работу, культурно-массовую и физкультурно-спортивную работу, индивидуальную работу. Политико-воспитательная работа с осужденными должна была проводиться дифференцированно с учетом вида ИТК и установленного в нем режима. В тюрьмах и помещениях камерного типа такая работа проводилась покамерно [31, с. 86].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 08.02.1977 «О внесении дополнений и изменений в Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик» система ИТУ была дополнена еще одним видом – колонией-поселением для лиц, совершивших преступления по неосторожности.

Приведение всех отраслей советского законодательства в соответствие с Конституцией СССР 1977 г. способствовало расширению прав граждан, общественных организаций и трудовых коллективов, созданию более эффективных гарантий их осуществления. В этих целях был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13.08.1981 «О внесении изменений и дополнений в Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик» [32]. Важной задачей в рассматриваемый период являлось законодательное закрепление порядка и условий исполнения всех видов наказаний, не связанных с лишением свободы, что нашло свое отражение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1982 «О дальнейшем совершенствовании уголовного и исправительно-трудового законодательства» и в постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 15.10.1982 [33; 34; 35, с. 47–52].

Заключение

Многолетний опыт деятельности российских исправительных (исправительно-трудовых) учреждений, в первую очередь в советский период, во многом предопределил формирование современной уголовно-исполнительной системы в нашей стране на тех принципах и традициях, которые были выработаны отечественной и международной практикой. Впрочем, располагая столь солидным собственным историческим опытом, особо можно не реагировать на замечания «просвещенного Запада» [36, с. 136–175], уже давно не испытывающего «трепетных чувств» к России.

Формулирование той или иной проблемы в области современной пенитенциарной науки обуславливает появление новой терминологии, что создает иллюзию научного прогресса. На деле же оказывается, что самые архисовременные теории лишь пересказывают на новый лад то, о чем говорилось еще в конце позапрошлого и начале прошлого веков. Личный опыт автора, занимавшегося в свое время вопросами организации взаимодействия Главного управления уголовного розыска с оперативными подразделениями ГУИТУ как в советский, так и постсоветский периоды, наглядно демонстрирует эту преемственность.

На текущем этапе российской уголовно-исполнительной системе необходимо обеспечить заимствование исторического опыта, адаптировав его применительно к новым вызовам и угрозам, исходящим от криминалитета. Об этом, в частности, говорится в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р. В этой связи наряду с усилением мер, направленных на недопущение распространения экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы, о чем говорится в разд. II данного документа, с учетом последних событий особое внимание следует уделить проблемам содержания в исправительных учреждениях ФСИН России лиц из числа украинских националистов, осужденных за совершение преступлений против человечности, террористическую деятельность и другие тяжкие и особо тяжкие преступления на территории Российской Федерации. Печальные события бериевской амнистии, благодаря которой деды и прадеды нынешних необандеровцев, отделавшись легким испугом, вышли на свободу и продолжили подрывную деятельность по моральному разложению Украины, не должны повториться.

Большое значение имеет советский опыт гуманизации уголовно-исполнительного законодательства, который можно взять за основу в ходе реализа-

ции требований Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», который вступает в силу с 1 января 2024 г.

Особое внимание в современный период целесообразно уделить ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей, используя выдающиеся достижения советского педагога-воспитателя А. С. Макаренко. «Три кита» выработанной им системы – воспитание трудом, игра и воспитание коллективом – были у нас незаслуженно забыты или искажены, в отличие от зарубежных стран, где работы Макаренко являются настольными книгами у руководителей предприятий. Сегодня практически все японские и многие немецкие фирмы строят свою работу по лекалам трудовой колонии Макаренко, и вдвойне обидно, что те самые «три кита» теперь возвращаются к нам бумерангом в виде «корпоративных мероприятий», «тим-билдинга» и «умения работать в команде».

Наконец, следует подчеркнуть, что вести речь об установлении полного контроля над преступностью можно будет лишь при условии устранения основных социально-экономических противоречий в обществе. В условиях, когда население разделено на слои с различным уровнем материального благосостояния, устранить угрозы со стороны преступности с использованием каких-либо радикальных мер практически невозможно, поскольку последняя, являясь неотъемлемым атрибутом подобного общества, постоянно воспроизводит себя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Георгиевский Э. В. К вопросу о преступном и наказуемом в эпоху судебныхников XV–XVII вв. // Сибирский юридический вестник. 2004. № 3. С. 3–6.
2. Рогов В. А. Тюрьмы и лишение свободы в средневековой России (конец XV – середина XVII вв.) // Вопросы истории органов борьбы с преступностью : сб. науч. тр. ВЮЗИ. М., 1987. С. 5–34.
3. Некрасов В. Н. История становления уголовно-исполнительной системы России // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2016. № 4. С. 328–337.
4. История отечественного государства и права / под ред. О. И. Чистякова. М., 2003. 544 с.
5. Петухов Н. А. История военных судов России : моногр. / под ред. и с предисл. д-ра юрид. наук, проф. В. М. Лебедева. М., 2003. 352 с.
6. Собственная Его Императорского Величества канцелярия // Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1987. С. 1231.
7. Дворянов В. Н. В сибирской дальней стороне (Очерки истории царской каторги и ссылки, 60-е годы XVIII в. – 1917 г.). Минск, 1971. 374 с.
8. Лисин А. Г., Петренко Н. И., Яковлева Е. И. Тюремная система Российского государства в XVIII – начале XX в. М., 1996. 60 с.
9. Анисимков В. М. Тюремная община: «вехи» истории. М., 1993. 69 с.
10. Наша служба – уголовный розыск : ист.-худож.-публицист. сб. М., 1998. 319 с.
11. Parrott L. Tools of persuasion: the efforts of the Council of Europe and the European Court of Human Rights to reform the Russian pre-trial detention system // Post-Soviet Affairs. 2015. Vol. 31, no. 2. Pp. 136–175.
12. Балязин В. Н. Императорские наместники первопрестольной. 1709–1917. М., 2000. 496 с.
13. Гиляров Е. Н., Михайличенко А. В. Становление и развитие ИТУ Советского государства (1917–1925 гг.). До-модедово, 1990. 83 с.
14. Кудряшов К. Плач пророка Макаренко. Его систему внедряли во всем мире, но только не у нас // Аргументы и факты. 2013. № 11. С. 19.
15. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / авт.-сост. Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. М., 1992. 525 с.
16. Piacentini L., Slade G. Architecture and attachment: Carceral collectivism and the problem of prison reform in Russia and Georgia // Theoretical Criminology. 2015. Vol. 19, no. 2. Pp. 179–197.
17. Традиции и ритуалы в советских женских колониях. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/useria/post430972981/> (дата обращения: 12.03.2023).
18. Гуров А. И. Красная мафия. М., 1995. 352 с.
19. Рассказов Л. Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках // Экономическая история : ежегодник. 2002. М., 2003. С. 269–319.

20. Исправительно-трудовой кодекс (СССР). URL: <http://www.bonaen.ru/i/ispravitelno-trudovoy-kodeks-sssr> (дата обращения: 15.03.2023).
21. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. документов : в 7 т. / отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М., 2004. Т. 5. С. 36–42.
22. Мельников И. Холодное лето 53-го... URL: <http://www.istpravda.ru/research/1029/> (дата обращения: 04.04.2023).
23. Московская Краснознаменная милиция: страницы истории : в 2 ч. / отв. ред. Ю. А. Томашев. М., 1992. Ч. 2. 269 с.
24. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959 гг.). История законодательства / авт.-сост. П. М. Лосев, Г. И. Рагулин. М., 1959. 360 с.
25. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1961. № 37. Ст. 556.
26. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1963. № 20. Ст. 591.
27. Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 23. Ст. 189.
28. Об утверждении положения о государственном нотариате РСФСР : указ Президиума Верхов. Совета РСФСР от 30.09.1965 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 40. Ст. 990.
29. Retish A. B. Breaking free from the prison walls: Penal reforms and prison life in revolutionary Russia // *Historical Research*. 2017. Vol. 90, issue 247. Pp. 134–150.
29. Об утверждении положения о комиссиях по делам несовершеннолетних : указ Президиума Верхов. Совета РСФСР от 03.07.1967 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1967. № 23. Ст. 536.
30. Зубков А. И., Калинин Ю. И., Сысоев В. Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность. М., 1998. 176 с.
31. Реент Ю. А. История правоохранительных органов: полицейские и тюремные структуры России : моногр. Рязань, 2002. 206 с.
32. Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 33. Ст. 967.
33. Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 30. Ст. 572.
34. Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 42. Ст. 793, 794.
35. Советское исправительно-трудовое право : учеб. / под ред. Н. А. Стручкова, Ю. М. Ткачевского. М., 1983. 352 с.
36. Pallot J., Piacentini L. Gender, Geography and Punishment: The Experience of Women in Carceral Russia. Oxford, 2012. 330 p.

REFERENCES

1. Georgievskii E.V. On the question of the criminal and punishable in the era of the Judges of the 15–17 centuries. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2004, no. 3, pp. 3–6. (In Russ.).
2. Rogov V.A. Prisons and deprivation of liberty in medieval Russia (the end of the 15th – middle of the 17th centuries). In: *Voprosy istorii organov bor'by s prestupnost'yu: sbornik nauchnykh trudov VYuZI* [Issues of the history of crime control bodies: collection of scientific works of VUZI]. Moscow, 1987. Pp. 5–34. (In Russ.).
3. Nekrasov V.N. History of the penal system formation in Russia. *Alleya Nauki = Alley of Science*, 2016, no. 4, pp. 328 – 337. (In Russ.).
4. *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava* [History of the national state and law]. Ed. by Chistyakov O.I. Moscow, 2003. 544 p.
5. Petukhov N.A. *Istoriya voennykh sudov Rossii: monogr.* [History of Russian military courts: monograph]. Ed. by Lebedev V.M. Moscow, 2003. 352 p.
6. His Imperial Majesty's own Chancellery. In: Prokhorov A.M. (Ed.). *Sovetskii entsiklopedicheskii slovar'* [Soviet Encyclopedic dictionary]. Moscow, 1987. P. 1,231.
7. Dvoryanov V.N. *V sibirskoi dal'nei storone (Ocherki istorii tsarskoi katorgi i ssylki, 60-e gody XVIII v. – 1917 g.)* [In the Siberian far side (Essays on the history of the tsarist penal servitude and exile, the 1760s – 1917)]. Minsk, 1971. 374 p.
8. Lisin A.G., Petrenko N.I., Yakovleva E.I. *Tyuremnaya sistema Rossiiskogo gosudarstva v 18 – 20 v.* [The prison system of the Russian state in the 18th – 20th centuries]. Moscow, 1996. 60 p.
9. Anisimov V.M. *Tyuremnaya obshchina: "vekhii" istorii* [Prison community: "milestones" of history]. Moscow, 1993. 69 p.
10. *Nasha sluzhba – ugovolnyi rozysk: ist.-khudozh.-publitsist. sb.* [Our service – criminal investigation: historical, artistic and journalistic collection]. Moscow, 1998. 319 p.
11. Parrott L. Tools of persuasion: the efforts of the Council of Europe and the European Court of Human Rights to reform the Russian pre-trial detention system. *Post-Soviet Affairs*, 2015, vol. 31, no. 2, pp. 136–175.
12. Balyazin V.N. *Imperatorskie namestniki pervoprestol'noi. 1709–1917* [Imperial governors of the first capital. 1709–1917]. Moscow, 2000. 496 p.
13. Gilyarov E.N., Mikhailichenko A.V. *Stanovlenie i razvitie ITU Sovetskogo gosudarstva (1917–1925 gg.)* [Formation and development of the ITU of the Soviet state (1917–1925)]. Domodedovo, 1990. 83 p.
14. Kudryashov K. The lament of the prophet Makarenko. His system was implemented all over the world, but not in our country. *Argumenty i fakty = Arguments and Facts*, 2013, no. 11, p. 19. (In Russ.).
15. *Slovar' tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona (rechevoi i grafi-cheskii portret sovetskoi tyur'my)* [Dictionary of prison-camp-criminal jargon (speech and graphic portrait of a Soviet prison)]. Comp. by Baldaev D.S., Belko V.K., Isupov I.M. Moscow, 1992. 525 p.
16. Piacentini L., Slade G. Architecture and attachment: Carceral collectivism and the problem of prison reform in Russia and Georgia. *Theoretical Criminology*, 2015, vol. 19, no. 2, pp. 179–197. (In Russ.).
17. *Traditsii i ritualy v sovetskikh zhenskikh koloniyakh* [Traditions and rituals in Soviet colonies for women]. Available at: <https://www.liveinternet.ru/users/useria/post430972981/> (accessed March 12, 2023).

18. Gurov A.I. *Krasnaya mafiya* [The Red Mafia]. Moscow, 1995. 352 p.
19. Rasskazov L. The role of the GULAG in the pre-war five-year plans. In: *Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik. 2002* [Economic History: yearbook. 2002]. Moscow, 2003. Pp. 269–319. (In Russ.).
20. *Ispravitel'no-trudovoi kodeks (SSSR)* [Corrective Labor Code (USSR)]. Available at: <http://www.bonaen.ru/i/ispravitelno-trudovoy-kodeks-sssr> (accessed March 15, 2023).
21. *Istoriya stalinskogo GULaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: sobranie dokumentov: v 7 t. T. 5.* [History of Stalin's Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s: collection of documents in 7 volumes. Volume 5]. Ed. by Tsarevskaya-Dyakina T.V. Moscow, 2004. Pp. 36–42.
22. Mel'nikov I. Cold summer of the 53rd. *Istoricheskaya pravda = Historical truth*. Available at: <http://www.istpravda.ru/research/1029/> (In Russ.). (Accessed April 4, 2023).
23. *Moskovskaya Krasnoznamennaya militsiya: stranitsy istorii: v 2-kh ch. Ch. 2.* [Moscow Red Banner militia: pages of history: in 2 parts. Part 2]. Moscow, 1992. 269 p.
24. Collection of normative acts on Soviet corrective labor law (1917–1959). In: *Istoriya zakonodatel'stva* [History of legislation]. Comp. by Losev P.M., Ragulin G.I. Moscow, 1959. 360 p. (In Russ.).
25. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR* [News Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR]. 1961. No. 37. Art. 556.
26. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR* [News Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR]. 1963. No. 20. Art. 591.
27. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR* [News Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR]. 1968. No. 23. Art. 189.
28. On approval of the Regulations On the State Notary of the RSFSR: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated 30.09.1965. In: *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR* [News Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR]. 1965. No. 40. Art. 990.
29. Retish A. B. Breaking free from the prison walls: Penal reforms and prison life in revolutionary Russia. *Historical Research*, 2017, vol. 90, no. 247, pp. 134–150. (In Russ.).
30. Zubkov A.I., Kalinin Yu.I., Sysoev V.D. *Penitentsiarnye uchrezhdeniya v sisteme Ministerstva yustitsii Rossii. Istoriya i sovremennost'* [Penitentiary institutions in the system of the Ministry of Justice of Russia. History and modernity]. Moscow, 1998. 176 p.
31. Reent Yu.A. *Istoriya pravookhranitel'nykh organov: politseiskie i tyuremnye struktury Rossii: monogr.* [History of law enforcement agencies: police and prison structures of Russia: monograph]. Ryazan, 2002. 206 p.
32. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [News Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR]. 1981. No. 33. Art. 967.
33. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [News Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR]. 1982. No. 30. Art. 572.
34. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [News Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR]. 1982. No. 42. Art. 793, 794.
35. *Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo: ucheb.* [Soviet corrective labor law: textbook]. Ed. by Struchkov N.A., Tkachevskii Yu.M. Moscow, 1983. 352 p.
36. Pallot J., Piacentini L. *Gender, Geography and Punishment: the Ex-perience of Women in Carceral Russia*. Oxford, 2012. 330 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЯКОВЕЦ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Российской таможенной академии, Люберцы, Россия, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

EVGENII N. YAKOVETS – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Статья поступила 07.04.2023

Реализация целей уголовного наказания в отношении осужденных к лишению свободы за экстремизм

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА БУКАЛЕРОВА

Российская академия адвокатуры и нотариата, Москва, Россия
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия
l_a_buka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2794-5074>

ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА КОЛПАКОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия,
kolpackova.liudmila1975@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9937-8462>

Реферат

Введение: в статье анализируются возможности пенитенциарной системы по реализации целей уголовного наказания при исполнении меры наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных за преступления экстремистской направленности. Акцент сделан на возможностях исправления лиц, зараженных экстремистской идеологией, и предотвращении новых преступлений (как самим осужденным путем изоляции его от общества и получения негативного опыта, так и другими гражданами на его примере). Исследуется отечественный и зарубежный опыт в сфере противодействия тюремной радикализации. На основе статистических данных о сроках лишения свободы и видах исправительных учреждений высказывается мнение о возможности реализации различных схем ресоциализации в ходе исправления осужденных-экстремистов. Даются рекомендации по поводу предотвращения распространения соответствующей идеологии среди осужденных. *Цель:* определить основные современные тенденции и проблемы, связанные с распространением идеологии терроризма в исправительных учреждениях, рассмотреть их в контексте достижения целей уголовных наказаний, выработать обоснованные предложения и рекомендации по повышению эффективности исправления осужденных-экстремистов, профилактике экспансии экстремистской идеологии в исправительных учреждениях. *Методы:* исследование основано на использовании совокупности общенаучных и частнонаучных методов: анализа и синтеза, системного, статистического, логического, формально-логического, социологического, сравнительно-правового, герменевтического. *Результаты:* обобщение статистических данных об общем количестве лиц, осужденных к лишению свободы за последние три года за преступления экстремистской направленности, уровне рецидива среди них, сроках лишения свободы, видах пенитенциарных учреждений, в которых данные осужденные отбывают наказание, показало, что имеются тенденции к увеличению числа таких лиц в колониях общего и строго режимов, а также росту количества лиц, имеющих неснятые и непогашенные судимости, наращиванию рисков религиозной радикализации. Выявлены проблемы, связанные с недостаточной готовностью пенитенциарной системы обеспечивать процессы исправления осужденных-экстремистов с различными ментальными (в особенности радикально религиозными) установками и профилактики экспансии экстремистского радикализма. С учетом отечественного и зарубежного опыта, действительных и потенциальных возможностей отечественной пенитенциарной системы разработаны рекомендации по преодолению выявленных проблем. *Выводы:* в результате проведенного исследования обоснованы, во-первых, потребность в повышении профессионализма персонала учреждений УИС и привлекаемых сторонних специалистов, непосредственно работающих с осужденными-экстремистами; во-вторых, необходимость отделения осужденных-экстремистов от основной массы осужденных посредством создания обособленных участков пенитенциарных учреждений; в-третьих, целесообразность создания специализированной прогрессивной системы исполнения наказаний в отношении рассматриваемой категории осужденных с учетом степени их исправления; в-четвертых, важность внедрения и реализации комплексных программ противодействия распространению идеологии экстремизма в исправительных учреждениях с охватом ближайшего круга общения преступников-экстремистов до их осуждения.

Ключевые слова: экстремизм; преступления экстремистского характера; радикализм; дерадикализация; исправление преступника; ресоциализация осужденного; предупреждение распространения идеологии экстремизма.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Букалерева Л. А., Колпакова Л. А. Реализация целей уголовного наказания в отношении осужденных к лишению свободы за экстримизм // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 144–152. doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.004.

Original article

Implementing Criminal Punishment Goals in relation to Those Sentenced to Imprisonment for Extremism-Related Crimes

LYUDMILA A. BUKALEROVA

Russian Academy of Advocacy and Notaries, Moscow, Russia
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia
l_a_buka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2794-5074>

LYUDMILA A. KOLPAKOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia, kolpackova.liudmila1975@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9937-8462>

Abstract

Introduction: the article analyzes possibilities of the penitentiary system for implementing goals of criminal punishment in the execution of a penalty in the form of deprivation of liberty against those convicted of extremism-related crimes. The emphasis is placed on possibilities of correcting persons pursuing extremist ideology and preventing commission of new crimes (both by convicts themselves by isolating them from society and by other citizens following their example). The article analyzes domestic and foreign experience in the field of countering prison radicalization. Based on statistical data on the terms of imprisonment and types of correctional institutions, the authors propose implementation of various resocialization schemes when correcting convicted extremists. Recommendations for preventing the spread of the relevant ideology among convicts are presented. *Purpose:* to identify key current trends and problems associated with the spread of the terrorism ideology in correctional institutions; consider them in the context of achieving criminal punishment goals; develop sound proposals and recommendations for effective correction of convicted extremists, and prevent expansion of the extremist ideology in correctional institutions. *Methods:* the research is based on the use of a combination of general and private scientific methods: analysis and synthesis, systematic, statistical, logical, formal-logical, sociological, comparative-legal, and hermeneutic. *Results:* the generalized statistical data on the total number of persons sentenced to imprisonment for extremism-related crimes for the past three years, the level of recidivism among them, terms of imprisonment, and types of penitentiary institutions in which these convicts serve their sentences show that there is an upward trend in the number of such persons in correctional facilities of general and strict regimes, as well as persons with unexpunged and outstanding convictions. Trends to increase religious radicalization risks are determined. Problems associated with insufficient readiness of the penitentiary system to ensure processes of correcting convicted extremists with various mental, especially radical religious attitudes, and preventing expansion of extremist radicalism are identified. With regard to domestic and foreign experience, actual and potential capabilities of the domestic penitentiary system, recommendations are developed to overcome the identified problems. *Conclusions:* the author substantiates the need to improve professionalism of penitentiary institution employees and third-party specialists involved in work with extremist convicts; the necessity to separate extremist convicts from others by creating separate sections of penitentiary institutions; the expediency of creating a specialized progressive system for the execution of punishments in relation to extremist convicts with regard to the degree of their correction; the need to introduce and implement comprehensive programs to counter the spread of the extremism ideology in correctional institutions, covering the closest circle of communication of the extremist criminal before his/her conviction.

Keywords: extremism; extremism-related crimes; radicalism; deradicalization; correction of the criminal; resocialization of the convicted person; prevention of the extremism ideology spread.

5.1.4. Criminal law sciences.

Введение

Экстремизм в разрезе проблем различных социально-гуманитарных наук представляется одним из наиболее опасных явлений не только в связи с реальными негативными изменениями в обществе, им порождаемыми, но также в силу существования потенциальной тенденции к эскалации и перерастанию в более радикальные формы, характеризующиеся как террористическая деятельность. И хотя в общей массе осужденных к лишению свободы процент лиц, отбывающих наказание за преступления экстремистской направленности, относительно невелик, перед пенитенциарными учреждениями стоит двоякая задача: с одной стороны, попытаться исправить и ресоциализировать данных лиц, с другой – не допустить криминального заражения экстремистской идеологией прочих осужденных. Отечественный и зарубежный опыт показывает, что возможности пенитенциарной системы по реализации целей уголовного наказания при существующей организационно-штатной структуре в этом отношении весьма ограничены. Прежде всего это связано с тем, что правоприменитель ориентирован на элиминацию симптомов, а не причины болезни. Интерес здесь представляют вопросы не только реализации целей исправления осужденных и предупреждения совершения ими новых преступлений, но и взаимодействия с иными правоохранительными структурами для выявления и дезактивации очагов распространения деструктивной идеологии. Также остро стоят вопросы профессиональной компетентности персонала в части профилактической работы с осужденными различной экстремистской направленности, привлечения специалистов, в том числе в области теологии. Кроме прочего, актуальным видится исследование взаимосвязи сроков лишения свободы, видов и места расположения исправительных учреждений, где отбывают наказание экстремисты и террористы, уровня развития в них криминальной субкультуры и обособления прочих субкультурных групп по национальному, религиозному и прочим признакам. Считаем, что на этой основе можно реализовывать идеи углубления индивидуализированного подхода к вопросам исполнения наказания, в частности разрабатывать дифференцированные схемы ресоциализации осужденных-экстремистов.

Основная часть

Общественная опасность преступлений экстремистского характера представляется законодателю значительно более низкой, нежели общественная опасность преступлений террористического характера. В пользу данного вывода свидетельствует сравнительная характеристика санкций норм об ответственности за те и другие деяния. Так, к примеру, за организацию террористического сообщества (ч. 1 ст. 205.4 УК РФ) предусмотрено наказание в виде ли-

шения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с дополнительными наказаниями в виде штрафа, ограничения свободы или пожизненного лишения свободы, а за участие в нем (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ) – в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет с факультативным назначением штрафа. За организацию и руководство экстремистским сообществом (ч. 1 ст. 282.1 УК РФ) законодатель также предусмотрел наказание в виде лишения свободы, но по сравнению с предыдущим составом установил минимальный порог в 2,5 раза ниже, а верхний предел сократил вдвое (без учета возможности назначения пожизненного лишения свободы). Дополнительные наказания в санкции соответствующей нормы также присутствуют, однако в несколько ином наборе. За участие в экстремистском сообществе (ч. 2 ст. 282.1 УК РФ) установлена ответственность не только в виде лишения свободы с назначением дополнительных наказаний по усмотрению суда, но и в виде штрафа в качестве основного наказания. В обоих случаях предусмотрено специальное основание освобождения от уголовной ответственности – добровольный отказ от участия в деятельности террористического сообщества или экстремистской деятельности при отсутствии признаков иных преступлений. Для освобождения от ответственности по ч. 2 ст. 282.1 УК РФ выставлено также такое дополнительное условие, как совершение деяния впервые. Здесь возникает вопрос: не является ли упущением законодателя отсутствие данного условия применительно к ч. 2 ст. 205.4 УК РФ? Думается, что нет. Дело в том, что цена добровольного отказа от террористической деятельности, несомненно, высока, поскольку, по прямому указанию законодателя, бывший участник террористического сообщества обязан сообщить о его существовании. В переложении данной нормы материального права на реальную процессуальную и оперативно-розыскную деятельность становится очевидным, что только формальным сообщением о таком сообществе дело не ограничивается. Правоприменитель заинтересован в выявлении и изобличении, прежде всего, организаторов и идейных вдохновителей. Это же наблюдение справедливо и по отношению к добровольному отказу от участия в экстремистском сообществе или организации.

Признавая правильность законодательных подходов к оценке степени общественной опасности экстремизма, нельзя забывать о том, что соответствующая идеология всегда лежит в основе развития идеологии терроризма. Отсюда профилактика менее опасных преступных проявлений опосредованно влияет на эффективность мер противодействия более серьезным.

Несмотря на альтернативность санкций за экстремизм, суды нередко избирают в отношении виновных меры наказания, связанные с изоляцией от обще-

ства. Так, в 2020 г. за преступления, ответственность за которые предусмотрена гл. 29 УК РФ, куда входит основное число деяний экстремистской направленности, учитываемых как таковые без дополнительных условий, было привлечено 304 чел., из них к реальному лишению свободы – 70 (со сроками наказания до 3 лет включительно – 37, от 3 до 10 лет – 24, свыше 10 лет – 9), условно – 175. В 2021 г. осуждено 527 лиц (+42,3 %), из них к реальному лишению свободы – 101 (+30,7 %) (со сроками наказания до 3 лет включительно – 45, от 3 до 10 лет – 44, свыше 10 лет – 12), условно – 370 (+47,3 %). На момент написания статьи имеются лишь данные за первое полугодие 2022 г., однако уже сейчас очевидны тенденции и к увеличе-

нию количества осужденных за преступления данной группы, и к востребованности лишения свободы как меры наказания за них. Так, всего в данный период осуждено 292 чел., из них к реальному лишению свободы – 64 (со сроками наказания до 3 лет включительно – 24, от 3 до 10 лет – 37, свыше 10 лет – 3), условно – 199 [1].

Мы проанализировали конкретные сроки лишения свободы, назначаемые виновным за наиболее типичные преступления экстремистской направленности, предусмотренные ст. 282, 282.1, 282.2 УК РФ, а также уровень рецидива у лиц, совершающих данные деяния [2]. Данные представлены в таблице:

Год	Всего осуждено к реальному лишению свободы	Срок лишения свободы до 3 лет включительно	Срок лишения свободы свыше 3 лет	Осужденные, имеющие судимость	В том числе осужденные, имеющие две и более судимости
Статья 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»					
2020	3	1	2	2	–
2021	6	4	2	9	2
1 полугодие 2022	3	–	3	1	–
Статья 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества»					
2020	4	1	1	1	1
2021	5	1	4	1	1
1 полугодие 2022	2	-	2	1	1
Статья 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации»					
2020	33	24	7	7	1
2021	40	19	21	5	2
1 полугодие 2022	32	13	19	12	4

Как видим, сроки лишения свободы, назначаемые за совершение преступлений экстремистского характера, нередко приближаются к максимально возможной планке санкции за данные деяния. Также мы наблюдаем достаточно высокий уровень рецидива среди рассматриваемой категории осужденных. При этом закономерно встает вопрос о том, достигаются ли при этом цели наказания в части нивелирования отрицательных установок личности, искоренения внедренных в сознание идеологием, развития толерантности по отношению к представителям иной расы, религии, нации, политических взглядов. Не углубляясь в теоретические размышления по поводу корректности постановки таких целей и критическое осмысление самого процесса целеполагания, отметим лишь, что необходимо различать конечный результат, к которому стремятся правотворец и правоприменитель, и процесс его достижения. К примеру, декларированная в ч. 2 ст. 43 УК РФ цель предупреждения совершения новых преступлений, по существу, представляет собой протяженный во времени процесс, который тесно связан с воспитательным воздействием, а также ресоциализацией в пенитенциарный и постпенитенциарный периоды. Предполагается, что конечным его результатом могут выступать формирование определенных стереотипов правопослушного поведения, устойчивых установок

относительно законности способов удовлетворения потребностей, осознание ценности личной свободы и собственных позитивных возможностей. В отдельных случаях это достижимо в той или иной степени. Вместе с тем ряд исследователей практики исполнения наказаний, в числе которых И. А. Уваров [3, с. 28], М. Фуко [4, с. 339], В. Н. Кудрявцев [5, с. 175], сомневаются в соответствующих возможностях пенитенциарной системы. Скепсис ученых вполне понятен. Главным доводом здесь выступает побочный эффект длительного помещения лица в условия изоляции. Дело в том, что, несмотря на все усилия персонала учреждения, в заключении утрачиваются или существенно ослабляются социально полезные связи, теряются профессиональные навыки. Наряду с этим неизбежно включаются приспособительные механизмы криминально-субкультурного спектра, выступающие своеобразным вариантом социализации, вследствие чего референтная группа кардинально меняется. Если в такой группе имеются лица, зараженные экстремистской идеологией, а уж тем более лица, имеющие вполне четкие цели вербовки и рекрутирования в ряды экстремистов новых членов, риск попадания осужденного под их влияние довольно высок. Проблема усугубляется тем, что одним из ведущих психологических качеств личности преступника-экстремиста выступает повышенная внушае-

мость, управляемость, тем более если навязываемые установки замешаны не просто на банальном неподчинении существующей системе норм и правил, а на стремлении к достижению неких высоких целей. Это уже прямой путь к радикализации экстремистской идеологии и перерастанию ее в террористическую, когда оправдываются любые средства. Все это указывает на необходимость не только персонифицированного подхода к организации воспитательной работы с данной категорией осужденных в процессе отбывания ими наказания в виде лишения свободы, но и применения всего арсенала средств пенитенциарного воздействия, включая оперативно-розыскную работу.

Одним из важных моментов в плане реализации целей наказания в отношении экстремистов выступает правильный выбор пенитенциарного учреждения. Разумеется, этот выбор определяется положениями ст. 58 УК РФ, что практически полностью исключает в отношении лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности, применение самых строгих правоограничений, связанных с пребыванием в тюрьме.

Большинство осужденных к реальному лишению свободы за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, включая преступления экстремистской направленности, отбывают наказание в колониях общего режима (2020 г. – 38, 2021 г. – 56, 1 полугодие 2022 г. – 33) и колониях строго режима (2020 г. – 25, 2021 г. – 26, 1 полугодие 2022 г. – 25). Значительно меньше осужденных содержится в колониях-поселениях (2020 г. – 7, 2021 г. – 17, 1 полугодие 2022 г. – 5), и отмечаются единичные случаи отбывания наказания в колониях особого режима (2021 г. – 1, 2022 г. – 1) и воспитательных колониях (2021 г. – 1) [2]. К сожалению, созданная еще в 1957 г. отрядная система в таких исправительных учреждениях имеет целый ряд побочных эффектов, которые крайне отрицательно сказываются на эффективности профилактики экстремизма среди осужденных. Прежде всего, она предполагает достаточно тесное общение указанных лиц между собой, что в ряде случаев приводит к деструктивным последствиям.

Комплектование отрядов, как правило, происходит исходя из численной наполняемости, производственной ориентированности, реже – с учетом состояния здоровья осужденных, трудовых навыков и специализации. В этой связи считаем целесообразным также принимать во внимание религиозные воззрения осужденного, его психоэмоциональный статус, особенности социальной адаптации, национальности, места рождения и проживания до осуждения. Однако здесь нет и не может быть каких-то единых унифицированных рекомендаций из разряда, например, что все мусульмане или все этнические русские должны находиться в одном отряде. В ряде случаев может оказаться полезным, наоборот, формирование неоднородных по своему составу коллективов осужденных. При благоприятных условиях и достаточно высоком уровне контроля и надзора со стороны администрации это может способствовать

развитию толерантности к представителям иной конфессии, национальности и т. п., лучшему взаимопониманию. Так называемые семьи осужденных, объединенные по национальному, религиозному принципу, признаку землячества, являются одной из форм социализации, взаимной поддержки и приспособления к вынужденным условиям неволи. Их разобщение может негативно сказаться на процессе исправления, вызвать озлобленность, подавленность и подтолкнуть осужденного к принятию идеалов криминальной субкультуры. Однако эти же самые семьи при наличии в колонии достаточно выраженной группировки лиц отрицательной направленности и вора в законе или авторитетного положенца могут стать основой для формирования преступных организаций и сообществ прямо на территории исправительного учреждения с перспективой продолжения преступной активности и за его пределами. Подобная ситуация характерна не только для российской пенитенциарной системы. Так, в британских тюрьмах мусульманские сообщества становятся своеобразными коллективами выживания. Однако массовое принятие британцами ислама продиктовано стремлением не только снискать поддержку и защиту среди других осужденных того же вероисповедания, но и успешно продвигаться по криминально-субкультурной иерархии, получать соответствующие преференции. За этим стоят исламистские авторитеты-экстремисты, связанные с известными террористическими организациями, такими как Аль-Каида, ИГИЛ. К примеру, тюрьма Уайтмур в Кембриджшире описывается самими же осужденными и охранниками как «место вербовки талибов», где создана благодатная почва для возбуждения ненависти и формирования нового поколения экстремистов [6]. США также обеспокоены проблемой тюремной радикализации. Так, еще в 2011 г. никто предметно не поднимал данный вопрос. Но уже в 2015 г. на слушаниях в Палате представителей США с участием членов комитета по внутренней безопасности, подкомитета по борьбе с терроризмом и разведке, а также трех ведущих экспертов в данной области эта проблема была обозначена как одна из приоритетных. Причинный комплекс радикализации, определяемой участниками слушаний как увлечение идеологией экстремизма с перспективой перерасти в террористическую идеологию, описывается как объединение в тюрьме людей, по разным основаниям недовольных социальной политикой государства и, кроме того, весьма восприимчивых к антисоциальному информационному воздействию, в контексте которого обнажаются сложные проблемы идентичности и принадлежности, обсуждаются экзистенциальные страхи по поводу выживания в тюрьме и отчуждения, ставятся философские вопросы поиска смысла жизни и вслед за этим предлагаются недопустимые способы преодоления возникающих затруднений. Однако американские исследователи рассматривают расовый экстремизм в тюрьмах в качестве более значимой проблемы, нежели проблема радикальной исламизации. Кроме того, они обеспокоены тем, что в пенитенциарных учреждениях формируются банды, нацеленные не на совершение

терактов, а на прибыльный криминальный бизнес, например, связанный с наркооборотом [7].

Факторами риска в отношении распространения в исправительных учреждениях идеологии экстремизма, основанной на ненависти к представителям государственных структур и правоохранительных органов, являются не только признаки развития криминальной субкультуры и наличие лидеров преступной среды, но и выявление большого количества лиц, злостно нарушающих дисциплину и внутренний распорядок. Кроме того, некоторые исследователи выделяют и внешние детерминанты, такие как незаконная деятельность отдельных религиозных (с сектантским уклоном), общественных наблюдательных и других организаций; наличие финансовой помощи, которая поступает от авторитетов уголовной среды, находящихся на свободе и продолжающих заниматься преступной деятельностью; распространение радикальных взглядов в сети Интернет (социальные сети, видеоролики) и через другие средства информации [8, с. 90].

В последнее время в специальной литературе приводятся любопытные данные о появлении так называемых зеленых зон, где тон задают не администрация или криминальные авторитеты, а радикально настроенные исламисты. В особенности это характерно для постсоветских государств Средней Азии, в частности Казахстана и Кыргызстана, где места лишения свободы стали эпицентром радикализации на религиозной основе. Прежде превалировавшая криминально-субкультурная идеология вытесняется экстремистско-исламистской [9, с. 35–36, 46].

Абсолютно справедливым представляется мнение С. С. Оганесяна и С. Х. Шамсунова о важности учета ментальной специфики экстремистов в процессе их ресоциализации [10, с. 14]. Говоря более предметно о религиозной разновидности экстремизма, они делают вывод о необходимости использования мировоззренческих основ самих священных писаний для формирования не только веротерпимости, но и этнической толерантности. Действительно, не зная достаточно глубоко тех явлений, с которыми приходится иметь дело в ходе профилактической работы, невозможно элиминировать истинные детерминанты радикализма и более мягких проявлений экстремизма. Однако, оппонировав указанному выше авторам, следует заметить, что, по нашему мнению, причина преступного поведения экстремистов кроется не в том, что тексты Нового Завета, Корана или других священных писаний предопределяют его направленность, а в абсолютизации искаженного видения и прочтения этих текстов. Ведь если следовать этой логике, то и конституционную норму о свободе вероисповедания можно интерпретировать как дозволение следовать радикальным религиозным течениям, свободно распространять соответствующие установки со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вопрос состоит в правильном и комплексном толковании. Стало быть, корень проблемы лежит гораздо глубже. Необходимо уяснить, кому и зачем нужно, чтобы именно в таком извращенном виде преподносились тексты священных писаний. Ведь, как правило, все цитаты, взятые на вооружение экстре-

мистами и террористами, оказываются буквально выданными из контекста, что иногда кардинально меняет их суть. Разумеется, сотрудникам УИС, работающим с разными категориями экстремистов, необходимо знать, из каких информационных источников подпитывается ментальность подопечных. А для этого программы их подготовки должны включать не только такие предметы, как религиоведение, философия, политология, социология, но и дисциплины, развивающие критическое мышление. Также позволим себе не согласиться с тем, что практически любой психолог, воспитатель и начальник отряда ИУ может «настолько хорошо знать священные писания, чтобы убедительно показать религиозному экстремисту, что его взгляды идут вразрез с теми сведениями о ментальной специфике человека, а также об этапах ментального развития человечества, которые приведены в самих писаниях» [10, с. 15]. Собственно, к подобным выводам пришли и разработчики программ подготовки специалистов по работе с осужденными экстремистами и террористами из НИИ ФСИН России. При всех обобщенных типологических социально-психологических особенностях слишком разнятся у данных лиц индивидуальные свойства личности. Проблема в том, что обработкой сознания новоявленных адептов экстремизма занимаются не любители, а настоящие профессионалы, и противостоять им должны высококлассные специалисты. Это замечание справедливо и в отношении всех других разновидностей экстремистов: сторонников АУЕ, неонацистов, расистов, националистов.

Заметим, что, выкристаллизовывая отдельные виды экстремизма, нам все же не следует абсолютизировать их узкую направленность. Как верно замечает Ю. М. Антонян, исследуя проблемы этнокриминологии, «одним из парадоксов, порождающих религиозный и националистический террор, является то, что националисты и религиозные экстремисты очень остро реагируют на действительные или мнимые обиды, которые причинены их нации, хотя обычно совершенно бесчувственны к тем унижениям и оскорблениям, которым подвергают сами другие нации, отдельных их представителей» [11, с. 154]. Стало быть, следует копать еще глубже в поисках истинных причин нетерпимости и радикализма в обществе. Напрашивается вывод, что решить обозначенную проблему нельзя, ибо невозможно отмотать историю назад и установить всеобщую справедливость. Однако можно осознать и признать ошибки прошлого и жить дальше, стараясь не повторять их. При этом в последние годы мы наблюдаем обратную ситуацию: историю стремятся переписать, переиначить, вытащить старые межнациональные и межконфессиональные причины распри и спекулировать ими в политических целях. И здесь мы опять обнаруживаем реальную причину распространения идеологии экстремизма – наличие сил, которым это выгодно, а также проводников этой злой воли. Задача всех правоохранительных органов, включая ФСИН России, – выявлять их и нейтрализовывать.

Программы противодействия экстремизму в целом и дерадикализации в частности в мировой пенитенциарной практике сводятся к трем основным

направлениям: разрушение и разобщение экстремистских группировок; изменение идеологических установок отдельных экстремистов; бихевиористский подход с основным акцентом на модификацию поведения экстремистов через прогрессивную систему исполнения уголовных наказаний и работу с окружением экстремиста. Так, к примеру, во Франции такие преступники сначала привыкают к тюремному режиму в одиночных камерах в течение 45 дней, затем после определения степени их склонности к исправлению в отношении них поэтапно применяются все более мягкие меры вплоть до возможности работать за пределами исправительного учреждения, условного освобождения [12]. Также во Франции, как и в некоторых других государствах (Узбекистан, Норвегия, Саудовская Аравия), созданы либо отдельные спецкорпуса, либо специализированные пенитенциарные учреждения для содержания радикалов.

Заключительная часть

Учитывая все сказанное выше, во-первых, обособно видится рекомендация об усилении при рассмотрении специальной комиссией исправительного учреждения вопросов комплектования отряда индивидуального подхода, предполагающего более детальное и всестороннее изучение личности каждого осужденного.

Во-вторых, ввиду недостаточно эффективной (прежде всего по объективным причинам) профилактической работы в местах лишения свободы при невозможности ограничения общения с остальной массой осужденных лиц, проповедующих экстремистскую идеологию, в том числе с учетом угрозы радикализации этих взглядов, возникает необходимость обсуждения вопроса о создании выделенных участков исправительных учреждений мультирежимного характера, где бы отбывали лишение свободы осужденные-экстремисты. Представляется, что в силу относительно малой численности последних создание отдельного учреждения нецелесообразно. Данная рекомендация может быть дополнена также тем, что специализированные участки должны создаваться в учреждениях, дислоцирующихся в регионах страны с благоприятной и стабильной социальной ситуацией, а виновные лица должны направляться, вопреки общему правилу, в удаленные от места проживания до осуждения местности в целях разрыва нежелательных связей с прежним окружением.

Считаем, что противодействие распространению экстремистской идеологии в исправительных учреждениях должно основываться на комплексных программах, включающих не только мероприятия внутри отдельно взятых колоний, тюрем или следственных изоляторов, но и работу с той средой, в которой находился осужденный до помещения его в условия изоляции. Эти программы должны охватывать три составляющие: идеологическую, просветительскую, собственно профилактическую. Усилий одного ведомства (ФСИН России) здесь явно недостаточно. К разработке таких программ следует подключать специалистов в различных областях знаний в зависимости от ментальной специфики экстремистов. Одновременно с этим должно происходить совер-

шенствование системы контроля исполнения. Мероприятия должны быть объединены общей концепцией и последовательно дополнять друг друга, а не быть разрозненными, точечными или формальными.

Полезными могут оказаться встречи и беседы осужденных за преступления экстремистской направленности с бывшими членами или организаторами экстремистских сообществ, которые отказались от своих убеждений не под влиянием силовых мер воздействия, а в силу осознания ущербности экстремистской идеологии, возможно, пострадали от вовлечения в такие сообщества и организации.

Однозначно следует поддержать мнение о необходимости углубления знаний сотрудников ФСИН России в области религиоведения, политологии, социологии, психологии. Однако следует признать, что такие сведения позволят лишь при первом приближении определить проблему и установить потребность в обращении за специализированной помощью. Мы считаем обязательным привлечение к работе с осужденными-экстремистами узких специалистов в тех областях знаний, которые непосредственно связаны с исследованием тех или иных видов экстремизма.

Весьма полезным представляется опыт зарубежных стран по применению прогрессивной системы отбывания наказания, приобретающей определенную специфику именно в отношении осужденных за экстремизм. Следует признать, что степень исправления и уровень восприятия пенитенциарных средств воздействия у них могут существенно отличаться. На данный факт следует опираться при выстраивании тактики дерадикализации. Сроки лишения свободы за рассматриваемые деяния вполне позволяют использовать различные схемы ресоциализации, в том числе с учетом практики таких государств, как Ирландия, Франция, по организации постепенного перехода от жесткой изоляции и надзора к полусвободному режиму и освобождению с установлением постпенитенциарного контроля.

Считаем, что воплощение в перспективе изложенных в статье идей будет способствовать достижению целей наказания в отношении рассматриваемой категории осужденных, а также позволит обеспечить:

- физическую изоляцию осужденных-экстремистов в течение всего или большей части срока лишения свободы от общества с целью предотвратить негативное влияние на остальных осужденных;
- усиление мер контроля и надзора за данной категорией осужденных со стороны администрации;
- реализацию принципов дифференциации и индивидуализации процесса исполнения наказания, выбора средств и методов исправительной профилактики в зависимости от роли осужденного в экстремистских организациях, направленности экстремистских убеждений и деятельности (вида экстремизма);
- прицельную работу со специфическими причинами и условиями в механизме индивидуального преступного поведения;
- определение узкоспецифических направлений групповой и индивидуальной психологической и воспитательно-профилактической работы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020, 2021 годы, 1 полугодие 2022 года. URL: <http://cdep.ru/id=79> (дата обращения: 10.04.2023).
2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020, 2021 годы, 1 полугодие 2022 года. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7069> (дата обращения: 10.04.2023).
3. Уваров И. А. Пенитенциарная профилактика: теоретическое обоснование и проблемы реализации в контексте достижения целей уголовного наказания : моногр. М., 2007. 171 с.
4. Фуко М. Надзирать или наказывать. Рождение тюрьмы. М., 2016. 383 с.
5. Кудрявцев В. Н. Стратегия борьбы с преступностью. М., 2003. 349 с.
6. Kern S. Britain: Muslim Prison Population Up 200 %. URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/3913/uk-muslim-prison-population> (дата обращения: 10.04.2023).
7. Terror Inmates: countering violent extremism in prison and beyond. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-114hhrg99746/html/CHRG-114hhrg99746.htm> (дата обращения: 11.04.2023).
8. Ципилев С. Н. К вопросу о распространении экстремизма в исправительных учреждениях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1 (41). С. 87–91.
9. Казанцев А. А., Гусев Л. Ю. Угроза религиозного экстремизма на постсоветском пространстве. М., 2017. 79 с.
10. Оганесян С. С., Шамсунов С. Х. О некоторых актуальных проблемах профилактики и противодействия экстремистским и террористическим воззрениям в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 11–18. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.002.
11. Антонян Ю. М. Введение в этнокриминологию // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 153–160. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.004.
12. Пащенко И. В. Современные практики дерадикализации осужденных за проявление религиозного экстремизма: мировой опыт // Отечественная юриспруденция. 2016. № 12 (14). С. 26–33.

REFERENCES

1. Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchei yurisdiktsii i mirovykh sudei za 2020, 2021, 1 polugodie 2022 goda [Summary statistical data on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates for 2020, 2021, and the 1st half of 2022]. Available at: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (accessed April 10, 2023).
2. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2020, 2021 gody, 1 polugodie 2022 goda [Summary statistical data on the state of criminal records in Russia for 2020, 2021, and the 1st half of 2022]. Available at: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7069> (accessed April 10, 2023).
3. Uvarov I. A. Penitentsiarnaya profilaktika: teoreticheskoe obosnovanie i problemy realizatsii v kontekste dostizheniya tselei ugovornogo nakazaniya: monografiya [Penitentiary prevention: theoretical justification and problems of implementation in the context of achieving criminal punishment goals: monograph]. Moscow, 2007. 171 p.
4. Foucault M. Nadzirat' ili nakazyvat': Rozhdenie tyur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow, 2016. 383 p.
5. Kudryavtsev V. N. Strategiya bor'by s prestupnost'yu [Strategy for combating crime]. Moscow, 2003. 349 p.
6. Kern S. Britain: Muslim prison population up 200%. Available at: <https://www.gatestoneinstitute.org/3913/uk-muslim-prison-population> (accessed April 10, 2023).
7. Terror inmates: countering violent extremism in prison and beyond. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-114hhrg99746/html/CHRG-114hhrg99746.htm> (accessed April 11, 2023).
8. Tsipilev S. N. On the issue of the spread of extremism in prisons. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2018, no. 41, pp. 87–91. (In Russ.).
9. Kazantsev A. A., Gusev L. Yu. Ugroza religioznogo ekstremizma na postsovetском prostranstve [The threat of religious extremism in the post-Soviet space]. Moscow, 2017. 79 p.
10. Oganessian S. S., Shamsunov S. Kh. On some urgent problems of prevention and counteraction to extremist and terrorist ideas in the Russian penal system. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 11–18. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.002.
11. Antonyan Yu. M. Introduction to Ethnocriminology. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 153–160. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.004.
12. Pashchenko I. V. Modern practices of deradicalization of convicted persons for religious extremism: world experience. *Otechestvennaya yurisprudentsiya = Domestic Jurisprudence*, 2016, no. 12 (14), pp. 26–33. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА БУКАЛЕРОВА – доктор юридических наук, профессор, проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, Москва, Россия, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, l_a_buka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2794-5074>

LYUDMILA A. BUKALEROVA – Doctor of Sciences (Law), Professor, Vice-Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, l_a_buka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2794-5074>

ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА КОЛПАКОВА – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, kolpachkova.liudmila1975@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9937-8462>

LYUDMILA A. KOLPAKOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, kolpachkova.liudmila1975@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9937-8462>

Статья поступила 18.04.2023

Научная статья

УДК 334.241.8

doi: 10.46741/26869764.2023.62.2.005

Административная преюдиция в уголовном праве

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

Реферат

Введение: в статье рассматривается одно из наиболее дискуссионных явлений в уголовном праве – административная преюдиция. Автор проводит глубокий системный и сравнительно-правовой анализ этого понятия, дает ему правовую характеристику, исследует его теоретические основы, исторические истоки и эволюцию в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. *Цель:* на основе исследования правовой природы, социальной обусловленности административной преюдиции выявить проблемы соответствия ее применения целям и задачам современной уголовной политики России. *Методы:* исследование основано на диалектическом подходе к изучению социальных процессов и явлений. В нем использовались традиционные для наук уголовного права и криминологии методы: анализ и синтез, сравнительно-правовой, ретроспективный, формально-юридический, логический, компаративный. Применялись и частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* выявлены доктринальные истоки концепции административной преюдиции, которую уместнее назвать теорией карательной прогрессии, в основе которой лежит повторность однородных действий с повышающимся уровнем противоправности и прогрессирующей репрессивностью. В этой связи изучены труды Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало. В статье подробно исследуется современная научная полемика по вопросу конституционной и доктринальной обоснованности включения в уголовный закон норм с административной преюдицией. Путем сравнительно-правового анализа значения термина «административная преюдиция» в иных отраслях права – гражданском и уголовном процессе – устанавливается, что изначальная (подлинная) сущность этого понятия выражается в юридической силе (преюдициальности) решения суда или иного юрисдикционного органа, исключающей необходимость его пересмотра в дальнейшем. Ничего общего с концепцией так называемой административной преюдиции в уголовном праве это не имеет. Отмечается, что уголовно-правовая терминология, отражающая понятия, используемые в других отраслях права, зачастую наполняется своим, узкоотраслевым смыслом, отличным от первоначального. Детальному разбору подвергнуты межотраслевая противоречивость и доктринальная несостоятельность этого правового явления, показано, к каким отрицательным последствиям приводит наличие норм с административной преюдицией в уголовном законе. Исследуется связь и проводится разграничение административной преюдиции с бланкетными и предикатными преступлениями, а также рецидивом преступлений, уголовно-исполнительной преюдицией. В этой связи предлагается новый термин «отраслевая преюдиция». *Выводы:* в заключение формулируется ряд выводов о смысле и перспективах применения административной преюдиции в уголовном праве, теоретических и практических аргументах ее исключения из уголовного закона.

Ключевые слова: административная преюдиция; смешанная (отраслевая) преюдиция; теория карательной прогрессии; повторность однородных действий с повышающимся уровнем противоправности и прогрессирующей репрессивностью; рецидив преступлений; межотраслевой рецидив; бланкетные и предикатные преступления.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Дворянсков И. В. Административная преюдиция в уголовном праве // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 153–162. doi: 10.46741/26869764.2023.62.2.005.

Administrative Prejudice in Criminal Law

IVAN V. DVORYANSKOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia
diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

Abstract

Introduction: the article deals with one of the most controversial phenomena in criminal law – administrative prejudice. The author conducts a deep systematic and comparative legal analysis of this concept, gives its legal characteristic, explores its theoretical foundations, historical origins and evolution, including the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods. *Purpose:* based on the study of the legal nature, social conditionality of administrative prejudice, to identify problems of compliance of its application with the goals and objectives of modern criminal policy in Russia. *Methods:* the research is based on a dialectical approach to the study of social processes and phenomena. It uses methods traditional for the sciences of criminal law and criminology, such as analysis and synthesis; comparative legal; retrospective; formal legal; logical; comparative. The following private scientific methods are also used: a legal-dogmatic method and interpretation of legal norms. *Results:* the article reveals doctrinal origins of the administrative prejudice concept, better called as the theory of punitive progression, based on the repetition of homogeneous actions with an increasing level of illegality and progressive repression. In this regard, the works of C. Lombroso, E. Ferry, and R. Garofalo are studied. The article examines in detail the modern scientific controversy on the constitutional and doctrinal validity of the inclusion of norms with administrative prejudice in the criminal law. By conducting a comparative legal analysis of the meaning of the term “administrative prejudice” in other branches of law, in particular civil and criminal proceedings, the author establishes that the original (genuine) essence of this concept is expressed in the legal force (prejudice) of a court decision or other jurisdictional body, eliminating the need for its revision in the future. It has nothing to do with the concept of the so-called administrative prejudice in criminal law. It is noted that the criminal law terminology, reflecting the concepts used in other branches of law, is often filled with its own, narrowly sectoral meaning, different from the original one. The author considers intersectoral divergence and doctrinal inconsistency of this legal phenomenon and presents his point of view on possible negative consequences of the existence of norms with administrative prejudice in criminal law. He studies connection with and distinction between administrative prejudice and blank and predicate crimes, as well as recidivism of crimes, criminal and executive prejudice. In this regard, a new term “sectoral prejudice” is proposed. *Conclusion:* a number of conclusions are formulated about the meaning and prospects for the application of administrative prejudice in criminal law, theoretical and practical arguments for its exclusion from the criminal law.

Keywords: administrative prejudice; complex (sectoral) prejudice; theory of punitive progression; repetition of homogeneous actions with an increasing level of illegality and progressive repression; recidivism of crimes; intersectoral recidivism; blank and predicate crimes.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Dvoryanskov I.V. Administrative prejudice in criminal law. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 153–162. doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.005.

Введение

Согласно уголовно-правовому принципу законности преступность и наказуемость деяния определяются только уголовным законом (ст. 3 УК РФ). При этом уголовное законодательство основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права (ч. 2 ст. 1 УК РФ). При коллизии конституционных и уголовно-правовых норм приоритетом пользуются первые. Во всех остальных случаях действует правило исключительности уголовно-правового регулирования, согласно которому единственным источником уголовно-правовых норм является УК РФ. К примеру, одно и то же деяние не может одновременно подпа-

дать под признаки преступления и административного правонарушения.

Исключение образуют случаи так называемой преюдиции (от лат. *praejudicium* – относящийся к предыдущему судебному решению). Это обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением по другому делу, в котором участвуют те же лица [1, с. 278].

В отечественном уголовном праве получил распространение институт так называемой административной преюдиции. Примерами составов с административной преюдицией в УК РФ являются,

например, ст. 116.1 УК РФ (нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость), ст. 151.1 (розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции, если эти деяния совершены неоднократно), ст. 157 УК РФ (неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, если эти деяния совершены неоднократно), ст. 158.1 УК РФ (мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию), ст. 264.1 УК РФ (управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость), ч. 1 ст. 315 УК РФ (злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению лицом, подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 17.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, совершенное в отношении того же судебного акта) и др. Однако в последнее время их количество заметно увеличивается.

Так, согласно примечанию к ст. 314.1 УК РФ неоднократным несоблюдением лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничения или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, признается несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничения или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, при условии, что это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года.

Причем, как часто бывает при заимствовании терминов из других отраслей права или областей научного знания, данное понятие приобрело особое, отличающееся от первоначального смысла уголовно-правовое содержание и рассматривается как особая связь между несколькими аналогичными деяниями, совершенными в течение определенного времени (как правило, года), первое из которых имеет статус административного правонарушения, но совершенное два и более раза, признается преступлением. В данном случае ключевое значение имеет признак повторности совершения аналогичного деяния в течение определенного периода времени.

Однако по поводу конституционной и доктринальной обоснованности административной преюдиции в уголовно-правовой науке до сих пор ведутся дискуссии. Прежде чем анализировать их содержание, обратимся к истории вопроса.

Результаты

Административная преюдиция как правовой институт и прием конструирования составов преступления имеет богатую историю. Версии о времени ее возникновения в отечественном уголовном праве разнятся. Так, В. И. Колосова считает, что она впервые появляется в советском уголовном законодательстве, в частности установлена декретом ВЦИК и СНК от 15.12.1924 об изменении ст. 139-а УК РСФСР «Об акцизных нарушениях». Статьи с административ-

ной преюдицией содержались и в советских уголовных кодексах 1922, 1926 и 1960 гг. [2, с. 248]. И. М. Гошаев, в свою очередь, указывает, что прообразом рассматриваемого нормативного установления могут считаться законоположения Российской империи XIX в. Например, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакции 1885 г.) включало в себя нормативный материал различных отраслей права и основывалось на идее усиления юридической ответственности за повторение тождественных преступлений [3, с. 130]. Этой же точки зрения придерживается А. Г. Безверхов [4, с. 46].

Обозначенную позицию относительно вопросов преюдиции и преюдициальности занимали также видные ученые дореволюционной России, как И. Г. Щегловитов [5], И. Я. Фойницкий [6, с. 187], Е. В. Васильевский [7, с. 167], П. В. Макалинский [8], Л. Фон-Резон [9; 10], Э. Немировский [11] и др. Таким образом, в дореволюционной правовой науке господствовало вполне определенное понимание преюдиции, восходящее еще к римскому праву и связанное с приданием юридической силы решению суда (юрисдикционного органа) в отношении ранее установленных обстоятельств дела [12, с. 4].

Ничего общего с концепцией так называемой административной преюдиции в уголовном праве это не имело. В современных правовых отраслях – гражданском и уголовном процессах – административная преюдиция, как правило, рассматривается в указанном выше смысле. К примеру, Е. Б. Тарбагаева использует понятие «преюдициальность» применительно к юридической силе судебных решений [13, с. 52], что согласуется с мнением Р. Искандерова, рассматривающего ее как одну из юридических характеристик приговора [14]. О. Е. Плетнева также говорит о преюдициальности судебного решения, связывая это свойство с фактами, правоотношениями и выводами суда, не допустимыми для оспаривания или повторного доказывания [12, с. 6]. Разделяют данную точку зрения также Н. М. Коршунов, Ю. Л. Мареев, по мнению которых, преюдициальность предполагает обязательность выводов о фактах, установленных вступившим в законную силу решением суда, для иных судебных органов и организаций [15, с. 175].

И только в уголовном праве традиционная правовая терминология наполняется своим, узкоотраслевым смыслом. Данный вывод касается не только административной преюдиции, например, ранее мы анализировали феномен особого уголовно-правового толкования иноотраслевых терминов [16, с. 11–12].

В настоящее время взгляды ученых на административную преюдицию разделились. Одни считают правильным возвращение к практике ее применения. Так, по мнению Е. В. Ямашевой, восстановление административной преюдиции в УК РФ способствует эффективному разграничению преступлений и административных правонарушений, обеспечивает экономичное мер уголовной репрессии, является целесообразным, так как позволит увеличить профилактическую роль уголовного законодательства [17]. Данную позицию разделяют Н. И. Пикуров, Е. В. Овечкина, И. Г. Бавсун, М. В. Бавсун, И. А. Тихон и др., которые также считают, что административная

преюдиция не только является эффективным способом противодействия преступности, но и усиливает профилактическую роль уголовного закона [18–20].

По мнению Н. Г. Иванова, «применительно к понятию преступления речь должна идти не об уголовно-правовой запрещенности, а о запрещенности в широком смысле» [21, с. 25].

Схожую точку зрения высказывает Г. А. Есаков, выделяя наряду с уголовно-правовой так называемую общую противоправность [22, с. 168].

Оставляя за скобками умозрительность конструкции общей противоправности, следует обратить внимание на то, что она, по сути, дублирует устоявшийся в науке подход, согласно которому уголовное право представляет собой вспомогательный механизм, вступающий в действие только тогда, когда позитивное правовое регулирование не может обеспечить нормальный ход отношений. Как отмечает Н. И. Пикуров, «соединяясь в динамичные системы с нормами практические всех отраслей права, оно (уголовное право), с одной стороны, имплантирует их предписания в свою ткань для детализации признаков общественно опасных деяний, определяя границы между преступным и не преступным, с другой – и само передает им часть своей юридической силы, присутствуя в качестве потенциальной угрозы применения уголовного наказания» [23, с. 20].

В этой связи теоретические конструкции общей противоправности не создают принципиально нового объяснения уже существующим правовым явлениям. Поэтому в данном случае уместно применить принцип методологического редукционизма, известный также как правило бритвы Оккама: «Не следует множить сущее без необходимости».

Позиция противников теории административной преюдиции в уголовном праве, на наш взгляд, более аргументирована и логически обоснована.

Так, по мнению Н. Ф. Кузнецовой, ни одно административное правонарушение не обладает специфическим криминальным свойством деяния – общественной опасностью. Поэтому количество правонарушений не способно механически перерасти в преступление. Запрет общественно опасного и виновного деяния устанавливается исключительно уголовным кодексом, а не каким-либо иным, даже федеральным законом. Таким образом, административная преюдиция не согласуется с ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 14 УК РФ [24, с. 88].

Данная точка зрения разделялась С. Г. Келиной [25], Д. Н. Бахрахом [26, с. 88–91], В. Л. Зуевым [27, с. 54–55], А. Н. Тарбагаевым [28] и рядом других ученых, которые подвергали критике применение административной преюдиции. Так, С. Г. Келина считала, что повторение деяния не может менять его юридическую природу. Д. Н. Бахрах, известный специалист в области административного права, также отграничивал проступок от преступления по отсутствию в нем признака общественной опасности.

Определение уголовной противоправности восходит еще к принципу римского права «*nullum crimen sine lege*».

На наш взгляд, уже на первых этапах развития советского уголовного законодательства в этом

вопросе произошла подмена понятий. За административную преюдицию была выдана повторность однородных действий с повышающимся уровнем противоправности и прогрессирующей репрессивностью, или, как ее можно назвать, теория карательной прогрессии. В ее основе лежит принципиальная доктринальная позиция о переходе количественных показателей общественной опасности противоправных действий в качественные. Это, в свою очередь, подменяет основание уголовной ответственности: с деяния акцент смещается на личность и, по сути, ее общественную опасность. Ведь если рассматривать однородные деяния, совершаемые в определенный период времени, то вряд ли можно утверждать, что последующее опаснее предыдущего. На каком основании? Что поменялось в последующем деянии? Разумеется, ничего. Тогда на чем базируется их правовая оценка с повышающейся репрессивностью? Очевидно, что на постулате о превентивной функции наказания (в широком смысле) как меры принудительного воздействия, а также догмате об общественной опасности (социальной деструктивности, криминальной зараженности) личности, которая поддается корректровке путем такого воздействия. Отрицать это, конечно, нельзя. Но если возводить данный догмат в абсолют, то отсутствие эффекта меньшего воздействия закономерно приведет к выводу об усилении такового, в том числе в направлении от административного к уголовно-правовому.

В этой связи следует опровергнуть вытекающий из вышесказанного тезис о связи между опасностью личности и субъективными признаками деяния (вина, мотив, цель, признаки субъекта). Полагаем, что наличие данных признаков в конструкции состава преступления не означает опасности личности как таковой, а лишь характеризует деяние. Иными словами, преступник – это не имманентный социально-психологический статус личности, и лицо может рассматриваться только на момент (период) совершения преступления. В этой связи мы считаем термин «преступник» не отвечающим господствующим современным научным и правовым подходам к личности, совершившей преступление. В частности, его имманентность нивелирует существующие цели наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ). В конце концов, наказывают не за свойства личности, а за совершенное деяние, в котором отразилось определенное сочетание субъективных признаков лица. В противном случае необходимо признать, что наказание можно применять не только за деяние, но и за опасное состояние личности, а это противоречит фундаментальным основам отечественного уголовного права (понятию преступления, основанию уголовной ответственности), а также результатам его эволюции.

Данный подход имеет свои теоретические основания. К числу наиболее значимых источников, предопределивших инструментальный (а в ряде случаев и утилитарный) подход к уголовно-правовому воздействию вообще и наказанию в частности, можно отнести учения представителей антропологического, социологического (позитивистского) течений в криминологии и уголовном праве Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало и др.

Суть их воззрений в общем виде можно сформулировать так: социальная защита от преступников и потенциально опасных лиц с помощью уголовно-правовых средств.

Так, Ч. Ломброзо рассматривал преступников как больных (нравственно помешанных) людей: «Мы говорим прирожденным преступникам: вы не виноваты, совершая свое преступление, но не виноваты и мы тоже, если прирожденные свойства нашего организма ставят нас в необходимость ради собственной защиты лишать вас свободы» [29, с. 177; 30; 31, с. 11].

Э. Ферри, не отрицая влияния на преступника внешних факторов (в том числе метеорологических, климатических, географических, цивилизационных, демографических и пр.), тем не менее во главу угла ставил внутреннюю детерминацию, что и определяло антропоцентричность его подхода к воздействию на преступность. В основе, как и у Ч. Ломброзо, лежал тезис о прирожденном преступнике, что, впрочем, не означало предопределенности совершения преступления, но вместе с тем подталкивало к выводу о защитной функции уголовно-правовых средств. «Во всяком случае при лечении преступности, как и при лечении всякой общей или душевной болезни, необходимо удалять из общества тех лиц, которые всего менее приспособлены к жизни» [32, с. 65].

Схожим образом рассуждал и Р. Гарофало, считая, что срок заключения не должен назначаться судьей априори. Дирекция того заведения, которое предназначено для арестантов, должна высказаться относительно необходимости временного или пожизненно-го заключения, опираясь на психоантропологическое изучение арестанта [32, с. 65]. Э. Ферри, кстати, расходился с Р. Гарофало в этом вопросе, полагая, что «для менее важных преступлений, как изнасилование, раны, воровство, мошенничество, следовало бы установить, что только после 2, 3 или 4 раз рецидива виновных следует присуждать к заключению вместе с неисправимыми» [33, с. 519].

Все приведенные позиции наглядно демонстрируют, с чего начиналась эволюция теории социальной опасности личности, которая породила теорию карательной прогрессии, в рамки которой укладывается и так называемая административная преюдиция.

В основе этого подхода лежала мысль о том, что предупредить преступность невозможно, от нее надо просто защищаться. Как это ни парадоксально, данная теория оказалась весьма жизнеспособной даже при видоизменении основополагающего доктринального тезиса путем синтеза социальной защиты и предупреждения. Наглядной иллюстрацией здесь могут служить первые кодифицированные источники уголовного права Советского государства. Так, УК РСФСР 1922 г. в ст. 7 постулирует опасность лица, которая «обнаруживается совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку». Схожим образом обстояло дело и в УК РСФСР 1926 г., действовавшем вплоть до 1960 г. Правда, больший акцент делался на социальной защите.

Во-первых, ст. 7 звучала немного иначе: «В отношении лиц, совершивших общественно опасные

действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применяются меры социальной защиты судебного-исправительного, медицинского либо медико-педагогического характера».

Во-вторых, ст. 9 содержала следующую оговорку: «меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства и задачи возмездия и кары себе не ставят». Вместе с тем из текста уголовного закона пропало само название наказания, а средства уголовно-правового воздействия стали именоваться мерами социальной защиты, что недвусмысленно отсылает нас к ранее анализируемым теориям.

Таким образом, с одной стороны, постулировалась способность мер уголовной ответственности конструктивно влиять не только на лиц, совершивших преступление, но и всех остальных субъектов уголовно-правовых отношений, в том числе в позитивном аспекте, с другой стороны, по-прежнему господствовала идея социальной защиты, в том числе от лиц, не совершивших преступления, но представляющих опасность с точки зрения установленных уголовно-правовых критериев. Анализ содержания обоих кодексов, особенно в плане иерархии охраняемых объектов, санкций, а также карательной практики 30–50-х гг. прошлого века, с очевидностью свидетельствует, что обозначенные в них цели были в большей степени декларацией о намерениях, но никак не насущными ориентирами.

В силу этого вполне объяснимо появление и широкое применение института административной преюдиции. Она, по сути, воплощала в жизнь практическую сущность социальной защиты с элементами предупреждения: первый раз – более-менее мягкое наказание, второй раз – принципиально более жесткое. При этом очевидно, что ни о какой оценке деяния речи не шло. Она как раз не менялась. Изменению подлежала именно оценка личности. В первом случае запускалась предупредительная функция, во втором – защитная. Следовательно, и основанием реализации обеих функций было не само деяние, а особенности личности, его совершившей, в частности степень опасности, устанавливаемая с помощью того, насколько лицо поддается устрашающему воздействию санкции. Вопросы о том, обладают ли сами меры социальной защиты превентивным эффектом и могут ли находиться в причинном комплексе такие внешние детерминанты, которые не поддаются влиянию этих мер и не зависят от самого виновного лица, не стояли.

В этой связи неоспоримо влияние на разработчиков УК РСФСР 1922 и 1926 гг. социологической и антропологической теорий, разработанных отнюдь не советскими учеными. Вместе с тем нужно вести речь о синтезе этих теорий с коммунистической идеологией в сфере уголовного права, основанной на политической целесообразности репрессии в отношении классовых врагов, врагов народа, их родственников и близких, а фактически – всех неугодных власти лиц [34, с. 57].

Дальнейшая эволюция отечественной уголовной политики демонстрирует устойчивую тенденцию к

ориентации на превентивно-исправительную функцию наказания и постепенный отход от идеи социальной защиты. Так, согласно ст. 20 УК РСФСР 1960 г. «наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства». Любопытным отличием от концепции целей по УК РСФСР 1926 г. является признание карательной сущности наказания, а невключение кары в перечень целей, на наш взгляд, обусловлено исключительно политической целесообразностью (стремлением дистанцироваться от печального опыта сталинских репрессий с учетом того, что УК РСФСР 1960 г. разрабатывался как раз в период развенчания так называемого культа личности). Заметим также, что, наряду с превенцией появляется цель исправления и перевоспитания осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития.

Сразу подчеркнем, что новые цели имели столь же декларативный характер, как в предыдущих кодексах. Это подтверждается, во-первых, сохраняющимся высоким уровнем рецидива, а во-вторых, постоянным поиском альтернативных форм контррецидивной профилактики, опирающихся на альтернативные наказанию механизмы ресоциализации. В качестве примера можно привести меры, введшиеся в период 60-70-х гг. прошлого века. Так, интерес представляет условное освобождение осужденных из мест лишения свободы для работы на стройках химической промышленности. Согласно указу условное освобождение применялось к проявившим желание честным трудом искупить свою вину трудоспособным лицам из числа осужденных впервые на срок до трех лет включительно – отбывшим не менее одного года лишения свободы, из числа осужденных на срок до десяти лет включительно – отбывшим не менее двух лет, на срок свыше десяти лет – отбывшим не менее пяти лет лишения свободы [35, с. 250].

С 1968 г. стало практиковаться условное освобождение из ИТУ осужденных отдельных категорий с направлением их на предприятия народного хозяйства (СНХ). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12.07.1970 вводилось условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду.

Данный опыт (в том числе создание спецкомендатур, исполняющих указанные меры и организуемых не по территориальному, а по зонально-экономическому принципу) имел двойной позитивный эффект. С криминологической точки зрения преступная активность осужденного минимизировалась за счет того, что его, как правило, изымали из привычной ему среды, в которой формировались его преступные наклонности, направляя в другие регионы страны. Кроме того, он получал возможность работать и, по сути, начать новую жизнь. С экономической точки зрения

наказания и уголовно-правовые меры, не связанные с лишением свободы, имели огромное хозяйственное значение, поскольку обеспечивали возможность организации производства и строительства в тех сферах и географических условиях, где привлечение свободной рабочей силы было весьма проблематичным.

Заметим, что превентивная цель достигалась не в процессе наказания, а как раз наоборот, путем различных форм освобождения от него.

Однако, возвращаясь к административной преюдиции, следует отметить, что, воплощая совершенно иную догму о превентивно-исправительном эффекте наказания, она существовала и в УК РСФСР 1960 г. По сути, можно утверждать, что мы имеем дело с двумя параллельными курсами советской (в последующем – и российской) уголовной политики: 1) догматическим, основанным на не подкрепленной практикой и объективными данными статистики рецидива [36] вере в предупредительные и исправительные возможности наказания; 2) практическим, опирающимся на реальные и апробированные формы постпенитенциарной ресоциализации осужденных. На сегодняшний день эта двойственность курсов сохраняется, поскольку при неизменности (если не считать незначительной редакционной правки) целей наказания параллельно идет активный поиск и внедрение новых форм снижения уровня преступности с акцентом в большей степени на причинах преступности, а не их следствиях. К ним можно отнести и условное осуждение, и замену наказания более мягким видом, и освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим, и вводимый новый институт пробации [37].

Безусловно, административная преюдиция может иметь значение как научная теория, но ее имплементация в уголовный закон чревата целым рядом негативных последствий.

Во-первых, она подрывает основы уголовного права, в частности основание уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ) и качественные характеристики преступления (ст. 14 УК РФ). Так, основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом. То есть каждое деяние изначально должно содержать все признаки преступления вне связи с тем, что было совершено раньше. Накопительного эффекта в данном случае быть не может и не должно. Повторность сама по себе не делает деяние принципиально более опасным. Материальный признак общественной опасности должен наличествовать в каждом деянии, причем соответствовать его уголовно-правовому статусу.

Во-вторых, административная преюдиция является универсальным карательным инструментом, который при желании может быть применен к любому деянию иной правовой природы. Не нужно даже придумывать новый состав преступления, достаточно добавить признак повторности – и преступление готово. А добавить, повторим, можно практически ко всему при наличии на то воли и целесообразности. В этом смысле законодатель может пойти еще дальше

в карательной прогрессии, оформляя как квалифицирующие признаки третий и последующий разы совершения одного и того же. По крайней мере, это укладывалось бы в одну и ту же логику.

Представляется необходимым проанализировать смежные с административной преюдицией институты для того, чтобы как выявить их сходство, так и развести между собой.

По способу конструирования составы с административной преюдицией похожи на бланкетные и предикатные преступления.

Относительно первых следует отметить, что это обусловлено прежде всего такой особенностью предмета и метода уголовного права, что оно обеспечивает общественные отношения, которые позитивно урегулированы другими отраслями права, ввиду необходимости запрета и карательного реагирования на наиболее опасные препятствия, мешающие их реализации. В случае с бланкетными нормами состав преступления полностью или частично заимствует описание нарушения из нормы иной отрасли права и добавляет один или несколько криминализирующих деяние признаков (например, тяжкие последствия).

Особенностью предикатных преступлений является то, что одно деяние является способом совершения другого (например, насилие при разбое).

И в том, и в другом случае, в отличие от составов с административной преюдицией, присутствует логическая связь между деяниями, когда одно является причиной, а другое – следствием. При административной преюдиции между деяниями если и есть связь, то временная, но не причинно-следственная.

Связь административной преюдиции с рецидивом концептуальна. По сути, в правовой конструкции рецидива заложен тот же принцип, как и в административной преюдиции – повторность совершения деяния, если за предыдущее лицо было подвергнуто ответственности. В этой связи административную преюдицию в литературе называют межотраслевым рецидивом [3, с. 130]. Этот термин нам представляется не вполне удачным, поскольку допускает разные варианты толкования и вступает в конкуренцию с установленным в уголовном праве понятием рецидива.

По сути, у этих двух институтов одинаковый механизм учета повторности однородных действий с повышающимся уровнем противоправности и прогрессирующим уровнем репрессивности. Разница заключается в том, что первоначальное деяние при рецидиве уже имеет уголовно-правовой характер. Что же касается общественно опасного деяния как основания уголовной ответственности, то оно также отходит на второй план. На первый выступает личность, а именно оценка ее опасности ввиду повторности как следствия неэффективности карательного воздействия (даже в названии видов рецидива – опасный, особо опасный).

Разновидностью административной преюдиции выступает уголовно-исполнительная преюдиция. Речь идет о норме, предусмотренной ст. 314.1 УК РФ «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или

ограничений», устанавливающей административную преюдицию в числе прочего за неоднократное несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничения или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, сопряженное с совершением данным лицом административного правонарушения против порядка управления (за исключением административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.24 КоАП РФ).

Установление административного надзора в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы, регулируется уголовно-исполнительным законодательством, в частности ст. 173.1 УИК РФ. В этой связи можно говорить о двойственной (административной и уголовно-исполнительной) правовой природе административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

К слову сказать, указом Президента Российской Федерации от 02.03.2021 № 119 ФСИН России определен уполномоченным государственным органом, осуществляющим контроль за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно. Исполнение данной функции с марта 2021 г. возложено на уголовно-исполнительные инспекции, тогда как ранее находилось в ведении полиции. Данная мера, хотя и не является административным надзором, имеет весьма схожий с последним характер. Она обладает такими же юридико-техническими особенностями и механизмом реализации. При этом следует отметить, что уклонение от такого рода контроля не охватывается ст. 314.1 УК РФ.

Таким образом, с учетом наличия в уголовном законе, по сути, еще одной разновидности рассматриваемого явления (комбинированной, или смешанной преюдиции) термин «административная преюдиция» следует признать недостаточно объемным и заменить понятием «отраслевая преюдиция».

Выводы

В результате проведенного исследования так называемой административной преюдиции в уголовном праве следует сформулировать ряд выводов о смысле и перспективах ее применения.

Во-первых, рассматриваемое правовое явление не имеет ничего общего с традиционным институтом административной преюдиции, понимаемой как презумпция юридической силы решения суда или иного юрисдикционного органа, исключающая необходимость установления и доказывания уже рассмотренных вопросов. Суть исследованного в рамках данной статьи института заключается в карательной прогрессии, в основе которой лежат повторность однородных действий с повышающимся уровнем противоправности (с административной или смешанной доуголовно-правовой) и прогрессирующая репрессивность.

Во-вторых, административная преюдиция смещает акцент уголовно-правовой оценки с деяния на личность, подменяя тем самым действующее основание уголовной ответственности опасностью последней.

В-третьих, эволюция отечественного уголовного законодательства, по крайней мере на протяжении

XX в., вела к постепенному отказу от административной преюдиции как основанного на архаичных уголовно-правовых теориях института. Наблюдаемая сегодня прогрессия увеличения составов с административной преюдицией, по сути, свидетельствует о редукции уголовного закона.

В этой связи полагаем, что отечественному уголовному праву следует отказаться от административной

преюдиции как противоречащей его эволюционному развитию и подрывающей его концептуальные основы, а существующие ныне составы с административной преюдицией должны быть либо исключены из уголовного закона, либо сконструированы с учетом криминообразующих признаков первого деяния. Повторность же должна оцениваться исключительно в рамках соответствующих институтов уголовного права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Юнусов А. А., Серкова Т. В. Административная преюдиция в российском уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. С. 278–282.
2. Колосова В. И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 246–254.
3. Гошаев И. М. Регламентация административной преюдиции в уголовном законодательстве России: историко-правовой анализ // Юристы-Правоведь. 2017. № 3 (82). С. 130–135.
4. Безверхов А. Г. Административная преюдициональность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2011. № 2 (10). С. 39–52.
5. Щелловитов И. Гражданская предсудимость по уголовным делам // Журнал гражданского и уголовного права. 1892. Кн. 3. С. 65–117.
6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996. Т. 2. 607 с.
7. Васильковский Е. В. Учебник гражданского процесса / под ред. В. А. Томсинова. М., 2003. 441 с.
8. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах : в 2 ч. / сост. П. В. Макалинский, доп. В. П. Ширковым. Изд-е 7-е (посмертное). Петроград, 1915. Ч. 1. 456 с.
9. Фон-Резон Л. О 27-й статье Устава уголовного судопроизводства // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. Кн. 5. С. 1–72.
10. Фон-Резон Л. О 29-й статье Устава уголовного судопроизводства // Журнал гражданского и уголовного права. 1892. Кн. 4. С. 1–72.
11. Немировский Э. Преюдициальные вопросы в уголовном процессе по русскому праву // Журнал юридического общества. 1897. Кн. 3. С. 1–72.
12. Плетнева О. Е. Взаимная обязанность судебных решений и актов органов государственного управления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. 13 с.
13. Тарбагаева Е. Б. Истинность, преюдициальность и законная сила судебного решения // Проблемы доказывания по уголовным делам : межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 1988. С. 52–60.
14. Искандеров Р. О преюдициальном значении приговора // Советская юстиция. 1990. № 22. С. 22–23.
15. Коршунов Н. М., Мареев Ю. Л. Гражданский процесс. 4-е изд. М., 2010. 928 с.
16. Дворянсков И. В. Уголовно-правовая охрана интересов судебной власти : моногр. М., 2013. 377 с.
17. Ямашева Е. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном праве России // Журнал российского права. 2009. № 10 (154). С. 69–79.
18. Пикуров Н. И. Административная преюдиция в уголовном праве: возможна ли реабилитация? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. М., 2002. С. 88–93.
19. Овечкина Е. В. Возвращение к административной преюдиции: «за» и «против» // Закон и право. 2008. № 2. С. 52–53.
20. Бавсун М. И., Бавсун И. Г., Тихон И. А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6–9.
21. Иванов Н. Библия и уголовный закон // Советская юстиция. 1992. № 7-8. С. 23–26.
22. Есаков Г. А. К вопросу об общей и уголовной противоправности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф., 29–30 января 2009 г. / отв. ред. А. И. Рапог. М., 2009. С. 168–172.
23. Пикуров Н. И. Системные свойства предмета уголовного права // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации : науч.-практ. конф., посвящ. памяти А. Н. Красикова (25–26 апр. 2002 г.) / ред. Б. Т. Разгильдиев. Саратов, 2002. С. 20–22.
24. Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении. 611 с.
25. Келина С. Г. Современная тенденция в развитии уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Государство и право. 1994. № 6. С. 41–44.
26. Бахрах Д. Н. Административная ответственность граждан в СССР : учеб. пособие. Свердловск, 1989. 201 с.
27. Зуев В. Л. Доказывание по делам о преступлениях с административной преюдицией : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 190 с.
28. Тарбагаев А. Н. Административная ответственность в уголовном праве // Правоведение. 1992. № 2. С. 62–68.
29. Lombroso C. Grafologia. Milano, 1895. 245 p.
30. Lombroso C. Pazzi ed anomaly. Città di Castello, 1890. 366 p.
31. Ломброзо Ч. Мое посещение Толстого. Женева, 1902. 13 с.
32. Иншаков С. М. Зарубежная криминология : учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М., 2003. 383 с.
33. Ферри Э. Уголовная социология / под ред. проф. Моск. ун-та С. В. Познышева. М., 1908. 591 с.
34. Дворянсков И. В. Исполнение наказаний и иных уголовно-правовых мер без изоляции осужденных от общества в истории России. СПб., 2017. 111 с.

35. Уголовно-исполнительное право России : учеб. для юрид. вузов и фак. / под ред. А. И. Зубкова. М., 1997. 614 с.
36. Дворянсков И. В. Концептуальные проблемы целей наказания // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 2 (54). С. 247–259.
37. Дворянсков И. В. Правовые основы исполнения наказаний, иных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер, не связанных с изоляцией от общества : моногр. М., 2023. 136 с.

REFERENCES

1. Yunusov A.A., Serkova T.V. Administrative prejudice in Russian criminal law. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Russian Journal of Economics and Law*, 2015, no. 1, pp. 278–282. (In Russ.).
2. Kolosova V.I. Administrative prejudice as a means of preventing crimes. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2011, no. 5 (1), pp. 246–253. (In Russ.).
3. Goshayev I.M. Regulation of administrative prejudice in the criminal legislation of Russia: historical and legal analysis. *Yurist-Pravoved = Lawyer-Legal Expert*, 2017, no. 3 (82), pp. 130–135. (In Russ.).
4. Bezverkhov A.G. Administrative prejudice in the criminal legislation of Russia: origins, realities, prospects. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Pravo = Bulletin of the Samara Academy of Humanities. Series: Law*, 2010, no. 2 (10), pp. 39–43. (In Russ.).
5. Shcheglovitov I.G. Civil jurisdiction in criminal cases. In: *Zhurnal grazhdanskogo i ugovornogo prava. Kn. V* [Journal of Civil and Criminal Law. Book 5]. 1892. Pp. 65–117. (In Russ.).
6. Foinitskii I.Ya. *Kurs ugovornogo sudoproizvodstva: v 2 t. T. 2* [Course of criminal proceedings. In 2 volumes]. Saint Petersburg, 1996. 607 p.
7. Vas'kovskii E.V. *Uchebnik grazhdanskogo protsessa* [Textbook of civil procedure]. Ed. by Tomsinov V.A. Moscow, 2003. 441 p.
8. *Prakticheskoe rukovodstvo dlya sudebnykh sledovatelei, sostoyashchikh pri okruzhnykh sudakh: in 2 ch. Ch. 1* [Practical guide for judicial investigators – district court members: in 2 parts. Part 1]. Comp. by Makalinskii P.V. Petrograd, 1915. 456 p.
9. Raison A.K. On the 27th article of the Statute of Criminal Proceedings. In: *Zhurnal grazhdanskogo i ugovornogo prava. Kn. V* [Journal of Civil and Criminal Law. Book 5]. 1890. Pp. 1–72 (In Russ.).
10. Raison A.K. On the 29th article of the Statute of Criminal Proceedings. In: *Zhurnal grazhdanskogo i ugovornogo prava. Kn. IV* [Journal of Civil and Criminal Law. Book 4]. 1892. Pp. 1–72 (In Russ.).
11. Nemirovskii E. Prejudicial issues in criminal proceedings under Russian law. In: *Zhurnal yuridicheskogo obshchestva. Kn. 3* [Journal of the Law Society. Book 3]. 1897. Pp. 1–72. (In Russ.).
12. Pletneva O.E. *Vzaimnaya obyazannost' sudebnykh reshenii i aktov organov gosudarstvennogo upravleniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Mutual obligation of judicial decisions and acts of public administration bodies: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Sverdlovsk, 1989. 13 p.
13. Tarbagaeva E.B. Truthfulness, prejudice and legal force of a court decision. In: *Problemy dokazyvaniya po ugovornym delam: mezhvuz. sb. nauchn. tr.* [Problems of proof in criminal cases: collection of scientific works]. Krasnoyarsk, 1988. Pp. 52–60. (In Russ.).
14. Iskanderov R. On the prejudicial meaning of the sentence. *Sovetskaya yustitsiya = Soviet Justice*, 1990, no. 22, pp. 22–23. (In Russ.).
15. Korshunov N. M., Mareev Yu. L. *Grazhdanskii protsess* [Civil process]. Moscow, 2010. 928 p.
16. Dvoryanskov I.V. *Ugovorno-pravovaya okhrana interesov sudebnoi vlasti: monogr.* [Criminal and legal protection of the interests of the judiciary: monograph]. Moscow, 2013. 377 p.
17. Yamasheva E.V. On the restoration of the institution of administrative prejudice in the criminal law of Russia. *Rossiiskoe pravo = Russian Law*, 2009, no. 10, pp. 69–79. (In Russ.).
18. Pikurov N.I. Administrative prejudice in criminal law: possible is it rehabilitation? In: *Ugovornoe pravo: strategiya razvitiya v 21 veke: mater. 4-i Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Criminal law: development strategy in the 21st century: proceedings of 4th International scientific and practical conference]. Moscow, 2002. Pp. 88–93. (In Russ.).
19. Ovechkina E.V. Return to administrative prejudice: “for” and “against”. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2008, no. 2, pp. 52–53. (In Russ.).
20. Bavsun M.I., Bavsun I.G., Tikhon I.A. Administrative prejudice and prospects of its application at the present stage. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2008, no. 6, pp. 6–9. (In Russ.).
21. Ivanov N. Bible and criminal law. *Sovetskaya yustitsiya = Soviet Justice*, 1992, no. 7–8, pp. 23–26. (In Russ.).
22. Esakov G.A. On the issue of general and criminal wrongfulness. In: Rarog A.I. (Ed.). *Ugovornoe pravo: strategiya razvitiya v 21 veke: materialy 6-i Mezhdunar. i nauch.-prakt. konf., 29-30 yanvarya 2009 g.* [Criminal law: development strategy in the 21st century: materials of the 6th International scientific and practical conference on January 29–30, 2009]. Moscow, 2009. Pp. 168–172. (In Russ.).
23. Pikurov N.I. System properties of the subject of criminal law. In: Razgil'diev B.T. (Ed.). *Predmet ugovornogo prava i ego rol' v formirovaniy ugovornogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii: nauch.-prakt. konf. posvyashchennaya pamyati A.N. Krasikova (25–26 aprelya 2002 g.)* [The subject of criminal law and its role in the formation of criminal legislation of the Russian Federation: scientific and practical conference dedicated to the memory of A.N. Krasikov (April 25–26, 2002)]. Saratov, 2002. Pp. 20–22. (In Russ.).
24. *Kurs ugovornogo prava: v 5 t. T. 1. Obshchaya chast'. Uchenie o prestuplenii* [The course of criminal law: in 5 volumes. Volume 1. General part. Doctrine of crime]. Ed. by Kuznetsova N.F., Tyazhkova I.M. Moscow, 2002. 611 p.
25. Kelina S.G. Modern trend in the development of criminal legislation and criminal law theory. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1994, no. 6, pp. 42–43. (In Russ.).
26. Bakhrakh D.N. *Administrativnaya otvetstvennost' grazhdan v SSSR: ucheb. posobie* [Administrative liability of citizens in the USSR: textbook]. Sverdlovsk, 1989. 201 p.

27. Zuev V.L. *Dokazyvanie po delam o prestupleniyakh s administrativnoi preyuditsiei: dis. ... kand. jurid. nauk* [Proving in cases of crimes with administrative prejudice: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1991. 190 p.
28. Tarbagaev A.N. Administrative liability in criminal law *Pravovedenie = Law Science*, 1992, no. 2, pp. 62–68. (In Russ.).
29. Lombroso C. *Grafologia*. Milano, 1895. 245 p.
30. Lombroso C. Pazzi ed anomali. *Città di Castello*, 1890. 366 p.
31. Lombroso C. *Moe poseshchenie Tolstogo* [My visit to Tolstoy]. Zheneva, 1902. 13 p.
32. Inshakov S.M. *Zarubezhnaya kriminologiya: ucheb. posobie dlya vuzov* [Foreign criminology: textbook for universities]. Moscow, 2003. 383 p.
33. Ferri E. *Ugolovnaya sotsiologiya* [Criminal sociology]. Ed. by Poznyshhev S.V. Moscow, 1908. 591 p.
34. Dvoryanskov I.V. *Ispolnenie nakazanii i inyykh ugovovno-pravovykh mer bez izolyatsii osuzhdennykh ot obshchestva v istorii Rossii* [Execution of punishments and other criminal legal measures without isolation of convicts from society in the history of Russia]. Saint Petersburg, 2017. 111 p.
35. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: uchebnyk dlya yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov* [Penal law of Russia: textbook for law schools and faculties]. Ed. by Zubkov A.I. Moscow, 1997. 614 p.
36. Dvoryanskov I.V. Conceptual issues of the goals of punishment. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 247–259. (In Russ.).
37. Dvoryanskov I.V. *Pravovye osnovy ispolneniya nakazanii, inyykh ugovovno-pravovykh i ugovovno-protsessual'nykh mer, ne svyazannykh s izolyatsiei ot obshchestva: monogr.* [Legal bases of execution of punishments, other criminal-legal and criminal-procedural measures not related to isolation from society: monograph]. Moscow, 2023. 136 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения уголовных наказаний без лишения свободы центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

IVAN V. DVORYANSKOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Department for the Development of Methodology for the Execution of Criminal Penalties without Deprivation of Liberty of the Center for the Study of the Problems of the Execution of Criminal Penalties and Psychological Support for Professional Activities of Employees of the Penal System of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

Статья поступила 13.03.2023

Научная статья

УДК 343.83

doi: 10.46741/26869764.2023.62.2.006

Проблемы правовой регламентации процесса ресоциализации несовершеннолетних осужденных

ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ САМОХВАЛОВ

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Арзамас, Россия, herrysam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7932-6238>

АНДРЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ САНТАШОВ

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия
santashov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1044-1697>

Реферат

Введение: статья посвящена исследованию существующей ситуации исполнения наказания в воспитательных колониях для несовершеннолетних от момента прибытия осужденного до освобождения на примере изучения деятельности конкретного учреждения. *Цель:* исследовать аспекты воспитательного воздействия в процессе исполнения наказания, направленного на последующую социальную адаптацию и ресоциализацию осужденных после освобождения. *Методы:* общенаучные (анализ, синтез, индукция и т. д.), частнонаучные и специальные методы познания (сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический). *Результаты:* по итогам изучения материалов деятельности конкретной воспитательной колонии в области применения положений действующего законодательства, регламентирующего воспитательное воздействие на осужденных по недопущению рецидива, установлено, что необходима дальнейшая социальная адаптация за пределами исправительного учреждения, проводимая специально созданным государственным органом, имеющим широкие социально-реабилитационные полномочия, реализуемые при координации деятельности и во взаимодействии заинтересованных государственных структур. *Выводы:* процесс успешного возвращения осужденного в социум с гарантией отказа от преступной деятельности возможен при использовании всех имеющихся средств и методов воздействия, включая безоговорочное подчинение режиму содержания в период принудительной изоляции и необходимость возвращения к приемлемым социально-жизненным ценностям и позитивным общественно полезным установкам через социальную адаптацию и ресоциализацию, проводимую за пределами мест лишения свободы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : воспитательная колония; ресоциализация; социальная адаптация; пенитенциарный адаптив; правопослушное поведение; криминальная субкультура; поспенитенциарная адаптация; помещение, функционирующее в режиме следственного изолятора.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Самохвалов И. Ю., Санташов А. Л. Проблемы правовой регламентации процесса ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 163–174. doi: 10.46741/26869764.2023.62.2.006.

Describing Legal Regulation of the Resocialization Process of Convicted Minors

IGOR YU. SAMOKHVALOV

Arzamas Branch of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas, Russia, herrysam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7932-6238>

ANDREI L. SANTASHOV

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia
santashov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1044-1697>

Abstract

Introduction: the article considers the current situation of punishment execution in juvenile correctional facilities, from the moment of arrival of the convicted person to the date of his/her release on the example of a specific institution. *Purpose:* to study aspects of the educational impact in the process of punishment execution aimed at subsequent social adaptation and resocialization of convicts after release. *Methods:* general scientific (analysis, synthesis, induction, etc.), private scientific and special methods of cognition (comparative legal, formal legal, statistical). *Results:* having assessed activities of a specific juvenile correctional facility in the field of law enforcement of the current legislation provisions regulating the educational impact on convicts to prevent recidivism, the authors found out the following: further social adaptation outside the correctional institution is necessary, carried out by a specially created state body with broad social rehabilitation powers, implemented with the coordination and interaction of interested state structures. *Conclusions:* convict's successful reintegration into society and renunciation of criminal activity is possible with the use of all available means and methods of impact, including training and unconditional submission to the detention regime during forced isolation, as well as minor's acceptance of social and life values and positive socially useful attitudes through social adaptation and resocialization carried out outside places of deprivation of liberty.

Keywords: juvenile correctional facility; resocialization; social adaptation; penitentiary adaptive; law-abiding behavior; criminal subculture; post-penitentiary adaptation; premises functioning as a pre-trial detention center.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Samokhvalov I.Yu., Santashov A.L. Describing legal regulation of the resocialization process of convicted minors. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 163–174. doi: 10.46741/26869764.2023.62.2.006.

Введение

В дежурную часть УВД поступает заявление от гражданина о совершенном на него нападении и открытом хищении денежных средств, золотых украшений. По результатам выезда на место совершения преступления, опроса потерпевшего и свидетелей установлено, что преступление совершил неизвестный мужчина, который, согласно показаниям потерпевшего, имеет рост примерно 180 см, среднее телосложение, на правой кисти на безымянном пальце татуировку в форме перстня. После совершения преступления мужчина скрылся в подъезде дома. В течение дежурных суток преступление было раскрыто, преступник задержан, часть похищенного обнаружена и изъята. Задержанным оказался гр. К., ранее отбывавший наказание за квартирную кражу в колонии для несовершеннолетних. Преступление

было раскрыто благодаря информации оперативного источника, полученной оперуполномоченным уголовного розыска, обслуживающим территорию района, где было совершено преступление. Как правило, при поступлении информации о совершении подобных преступлений оперативный состав отработывает версии, формулирует предположение о том, что преступление совершило лицо, ранее судимое или недавно освободившееся из мест лишения свободы.

Таковы, к сожалению, реалии, подтверждающие статистику о возврате к преступной деятельности лиц, прошедших полный спектр мероприятий по перевоспитанию в пенитенциарном учреждении, что говорит о том, что пенитенциарная система не срабатывает или срабатывает не полностью в определенных аспектах. Наше исследование посвящено

изучению проблемы ресоциализации осужденных несовершеннолетних на основе существующего законодательства, правоприменительной практики и опыта работы одной из воспитательных колоний Нижегородской области.

Попадая впервые в места отбывания наказания в виде лишения свободы, резко меняя привычную обстановку, несовершеннолетний осужденный претерпевает значительные изменения самосознания. Так, условия режима содержания воспитательного учреждения диктуют требования к соблюдению распорядка дня и достаточно большого перечня правоограничений с целью обеспечения максимума назначенного по приговору наказания, реализуемого в определенных законом пределах, призванных благотворно повлиять на исправление. Правосудие предписывает осужденному правила поведения в воспитательной колонии, применяя весь спектр воспитательных мер, связанных как с наказанием, так и с поощрением. Таким образом, система исполнения наказания предполагает в течение срока отбытия осужденным наказания сначала сделать все, чтобы приучить его к назначенному наказанию, заставляя безоговорочно подчиниться режиму содержания, а затем, по истечении срока наказания, стремится вернуть жизненные ценности и позитивные установки, но уже в откорректированной форме. Данная цель вполне достижима при слаженной работе механизма исправления, который видится в качестве определенного конвейера, позволяющего во время содержания осужденного под стражей распределить усилия администрации пенитенциарного учреждения.

Воспитательной работе, проводимой в воспитательных колониях для несовершеннолетних, посвящено много серьезных исследований, однако все усилия в этой сфере сводятся на нет в ситуациях, когда бывший воспитанник вновь совершает преступление и получает новый срок. Это говорит о том, что, в отлаженном механизме воспитательного конвейера не срабатывает определенное звено. По нашему мнению, таким звеном является завершающая стадия исполнения наказания – вхождение в жизнь общества, социальная адаптация и ресоциализация.

Обсуждение

Международное пенитенциарное законодательство содержит применимые стандарты по обращению с осужденными. Это императивные нормы – принципы и общие положения. Государство, ратифицирующее международные правовые акты, вправе применять как общие нормы, так и стандарты-рекомендации в той мере, насколько они необходимы в конкретных экономических и политических условиях существования социума. Международные стандарты по обращению с осужденными можно классифицировать по следующим основаниям: масштаб действия (степень общности), специализация; обязательность для государств-применителей (степень обязательности) [1, с. 8]. Международные соглашения, регулирующие отношения в пенитенциар-

ных учреждениях, устанавливают основы правового статуса человека (осужденного), специальные нормы о правах и обязанностях определенных категорий осужденных (несовершеннолетних), условия содержания и правила социальной адаптации осужденных, правила функционирования государственных учреждений и их работников в местах лишения свободы и следственных изоляторах по отношению к заключенным, положения и стандарты доступа представителей общественных организаций для оказания сильной помощи и контроля, основы сотрудничества государств по пенитенциарным вопросам. Сюда необходимо отнести Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), принятые 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-м Пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН и конвенцию «О правах ребенка» от 20.11.1989.

Нашей страной ратифицирован ряд международно-правовых актов, что подчеркивает важное значение международных стандартов уголовно-исполнительной деятельности. В политическом аспекте это означает появление конкретных документов, стандартов, рекомендаций и принципов. Будучи принятыми, они определяют с разной степенью категоризации и обязательности важные направления внутренней уголовной и уголовно-исполнительной политики [2].

Социальное значение института исполнения наказания состоит в том, чтобы корректировать интенсивность криминализации конкретных общественно опасных деяний в зависимости от достижения целей наказания, вместе с этим способствуя индивидуализации и дифференциации уголовной ответственности. Интенсивность криминализации определяется с учетом всех признаков состава преступления, к каждому из которых должны быть приложены различные критерии оценки: соответствие социально-политическим и нравственным ценностям общества, действующей правовой системе, практическая применимость будущей нормы, ее экономическая целесообразность [3, с. 496].

Рассмотрение заявленной темы невозможно без глубокого осмысления понятия адаптации в контексте пенитенциарной среды. В данном случае необходимо обратиться к пенитенциарной психологии, рассматривающей личность осужденного как в качестве продукта пенитенциарной микросреды на уровне общения самой малой ячейки учреждения исполнения наказания, так и в рамках всей пенитенциарной системы. Здесь наблюдается определенная специфика пенитенциарного адаптива личности в новых социальных условиях, которые под влиянием криминальной субкультуры, формирующей идейное содержание, подвергают ее деформации с учетом системы стратификации и наличия статусно-ролевой обусловленности принципов межличностных отношений. При принудительной изоляции, протекающей

в полном лишении осужденного прежнего окружения (людей и вещей), блокировании информационных процессов и многих социальных потребностей, у подавляющего большинства осужденных наблюдаются активное проявление отрицательных эмоций, агрессивное поведение как в отношении администрации учреждения, так и к самому себе (аутоагрессия), приводящие к нарушению режима содержания, посягательствам на жизнь, здоровье и личное достоинство других осужденных.

Процесс адаптации в местах исполнения наказаний усложняется повышенной регламентацией поведения, четким иерархическим положением каждого члена сообщества осужденных, общественно порицаемым состоянием психики – осознанием в каждую минуту пребывания, в каждом ритуале учреждения своего настоящего места и роли. Примеры тому – утренняя и вечерняя поверка с докладом (фамилия, имя, отчество, год рождения, статья осуждения, сколько лет, месяцев и дней осталось отбыть), форма одежды, табличка с личными данными, форма обращения к представителям администрации, система административных наказаний, действующая на территории учреждения, помещение в штрафной изолятор на территории колонии. Названные обстоятельства порождают специфику определения адаптационной стратегии с учетом ряда субъективных качеств личности осужденного. К ним относятся: наличие криминального опыта или прежних судимостей (причем мы считаем, что наличие криминального опыта не всегда связано с судимостью и отбыванием наказания в местах лишения свободы), интеллектуальное и физическое развитие, наличие качеств лидера или ведомость, раскаяние в содеянном преступлении или преступлениях (что объясняет обращение с явкой с повинной за прошлые деяния), уровень правосознания – стремление к правопослушному поведению. Эти факторы влияют на формирование трех диаметрально противоположных стратегий: активное движение в сторону исправления, формирование социально одобряемого, правопослушного поведения; пассивно-конформистское, приспособленческое отношение к происходящему, ограничение общения узким кругом проверенных подельников или земляков; активное противодействие режиму учреждения, сохранение субкультурных криминальных принципов и традиций. Соответственно, от вышеизложенных позиций и установок осужденного будет зависеть и последующая ресоциализация.

Понятие ресоциализации в отечественной и международной пенитенциарной науке рассматривается многоаспектно. Среди популярных трактовок следует назвать: процесс интеграции лиц, отбывших наказание, в систему общественных отношений посредством восстановления утраченных социальных ценностей [4]; комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в

профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы или подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера [5].

В. И. Селиверстов определяет ресоциализацию как приспособление осужденного к социальной среде, усвоение им правил, норм социальных позиций, установок, приобретение навыков, позволяющих нормально жить в обществе [6, с. 148].

Интересна точка зрения М. С. Рыбака, подошедшего к рассмотрению сущности ресоциализации с позиции корректировки свойств личности осужденного в направлении придания ей черт, необходимых и достаточных для жизни в определенной положительной или нейтральной общественной безопасности социальной группе, определенной микросреде [7, с. 64].

Л. В. Яковлева предлагает предусмотреть в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве цель социальной адаптации, которая подразумевает принятие осужденным ценностей и норм российского общества, включение осужденных в общественную жизнь в качестве правопослушных членов социума, не совершающих преступления. Исправление явилось бы средством достижения цели социальной адаптации [8, с. 14].

Наиболее оправданным, по нашему мнению, является определение ресоциализации в качестве процесса взаимодействия на конструктивной основе заинтересованных организаций, состоящих из системы исправительных учреждений, общественных организаций и муниципальных учреждений, частных и юридических лиц, с участием самих осужденных, а также службы пробации. Целью такого взаимодействия является предоставление осужденным возможности сформировать навыки правопослушного поведения для позитивного участия в жизни социума.

По отношению к лицам, освобождаемым из колоний для несовершеннолетних, как нам представляется, речь должна идти именно о процессе ресоциализации в плотном контакте с социально-педагогической реабилитацией, так как социально-педагогическая реабилитация закреплена в качестве одной из задач в тексте федерального закона № 120-99 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [9].

Рассматривая историческую ретроспективу основ ресоциализации в нашей стране, нельзя не остановиться на деятельности Общества попечительного о тюрьмах, учрежденного 19 июля 1819 г. Одним из постулатов общества было понимание того, что никакое улучшение и совершенствование жизни в тюрьме не удержит человека от повторного совершения преступлений, если, выйдя из места лишения свободы, он не найдет поддержки и помощи в организации жизни после освобождения. Поэтому наряду с другими функциями организация занималась подготовкой заключенных к освобождению и оказанием помо-

щи освободившимся в устройстве на работу, едой и одеждой. С целью предоставления крова вышедшим из тюрьмы организовывались убежища для их временного пристанища. В связи с большим объемом деятельности в этом направлении появились самостоятельные общества, ориентированные именно на оказание помощи выходящим из тюрем (так называемый патронат). Приведем названия этих обществ: общества покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения, общества пособия лицам, освобождаемым из мест заключения, общества патроната [10, с. 122–136]. Следует заметить, что ряд обществ учреждался с узконаправленной целью оказания помощи несовершеннолетним, освобождаемым из мест заключения. Деятельность по ресоциализации состояла в подготовке заключенного к выходу из места заключения, помощи в привыкании к жизни на свободе с тем, чтобы не допустить повторного совершения преступления. Одним из важных этапов этой работы было посещение членами обществ патроната осужденных, выяснение намерений последних после освобождения, оказание помощи в установлении связи с семьей, устройстве на работу, поиске места жительства, приобретении предметов первой необходимости. Появившиеся позже как раз в результате позитивной деятельности Общества попечительного о тюрьмах наблюдательные комиссии соединяли два начала: официальные и общественные силы. Это достигалось включением в их состав как профессиональных юристов (прокурора, директоров мужского тюремного комитета), членов, назначаемых министром внутренних дел, так и лиц, выдвинутых городской думой. Основной функцией этой структуры было осуществление контроля за деятельностью администрации исправительного учреждения без вмешательства в управление. Примечательно, что комиссии принимали участие в организации труда в местах лишения свободы, нравственном и религиозном воспитании, ходатайствовали по вопросам помилования, смягчения наказания, условно-досрочного освобождения. К ее членам любой осужденный мог обратиться с жалобой на условия содержания. Наблюдательные комиссии являли собой общественный элемент в местном тюремном деле [11, с. 242–244].

В отечественной пенитенциарной науке выделяют несколько этапов ресоциализации: допенитенциарный, пенитенциарный и постпенитенциарный. К допенитенциарному этапу относят процедуру расследования и вынесение судебного решения о наказании, пенитенциарному – процесс адаптации осужденного к условиям исполнения уголовного наказания непосредственно в местах лишения свободы, постпенитенциарному – освобождение и социальную адаптацию к условиям жизни в обществе на правах гражданина, уравниваемого в правах.

Идея востребованности социальной реинтеграции осужденных возникла уже в первой половине XIX в., когда в обществе впервые встал вопрос о важ-

ности применения мер исправления, а не наказания осужденных. Главным средством достижения цели исправления стало внушение заключенным веры и стремления к покаянию на основе нравственных принципов [12, с. 53].

Рассматривая этапы ресоциализации как структурно выстроенный конвейер правовоспитательного воздействия, проводимого в отношении лица, попавшего в поле зрения правоохранительных органов по факту противоправного деяния, считаем необходимым проанализировать их, опираясь на опыт правоприменительной деятельности конкретного пенитенциарного учреждения.

Так, несовершеннолетний, совершивший преступление, находящийся под следствием, к которому применена мера пресечения в виде содержания под стражей, помещается в следственный изолятор, расположенный на территории, где находятся взрослые преступники. Даже при строгом разделении этих контингентов допускаются нежелательные контакты, их невозможно избежать. Сама атмосфера следственного изолятора способствует распространению криминальной субкультуры, что влечет негативные последствия как для находящегося под следствием, так и для процесса расследования конкретного преступления. Результатом этого нередко становятся противодействие правоохранительной системе и отказ подсудимого от сотрудничества со следствием. При расследовании практически каждого уголовного дела возникают ситуации, не позволяющие в полном объеме доказать силами следственного органа, его процессуальными действиями факт совершения преступления. Сотрудничество подозреваемого на фазе расследования освобождает правоохранителей от значительного количества процессуальных действий, направленных на сбор доказательств, дополнительную проверку версий совершения преступления. Разумеется, любые признательные показания не должны браться на веру без тщательной проверки, сопоставления фактов и сбора доказательств всеми законными способами. Рассматривая сотрудничество подозреваемого со следствием как внутренний психологический процесс, происходящий в его сознании, необходимо отметить, что чем раньше начнется позитивное взаимодействие, тем быстрее возможно достижение цели – установление всех фактов, обстоятельств, условий совершения преступления. Человек, сознавший раз, пусть даже в мелком событии или обстоятельстве, получивший позитивный отклик со стороны следователя (конечно, после проверки его версии), обязательно пойдет дальше – от менее значимого к более значимому, что значительно облегчит расследование. Вместе с тем следователь, проверяя ту или иную версию подсудимого, имеет возможность убедиться в его искренности, наметить и осуществить задачи по сбору необходимых доказательств, используя его признания. На практике это выглядит так: рассказал об известных обстоятельствах или фактах – поясни,

почему ты так считаешь, и приведи веские аргументы. Такая методика психологического воздействия позволяет выстроить диалог, получить информацию, которая в дальнейшем должна быть проверена, подтверждена и закреплена следственно-процессуальными средствами. Очень многое здесь зависит от мастерства и опыта дознавателя. От него требуются мгновенная реакция на ставшую известной информацию, умение вести диалог, построить вопрос так, чтобы ответ на него предполагал продолжение общения, не обрывал логической цепочки. Изучая материалы допросов, следователь часто сталкивается с ситуациями, когда было бы полезно раздвинуть рамки вопроса, получить большее, однако если это откладывается, то при следующей встрече это сделать уже проблематично. Поэтому, готовясь к следственному действию, необходимо проработать наиболее вероятные тактики поведения подследственного, просчитать вероятные ответы, преподносимые как версии случившегося.

Негативным последствием влияния криминальной субкультуры, особенно на несовершеннолетних, является неоправданное желание взять всю вину или большую ее часть на себя, в результате чего возможен уход от ответственности настоящего исполнителя преступления. Подросток, попадая в сложную криминальную ситуацию, заблуждается, надеясь, что с учетом возраста его ответственность будет минимизирована. Подобные «советы» дают более взрослые участники преступного деяния, применяя наряду с уговорами жесткие меры в виде запугивания и насилия.

Одним из путей минимизации влияния криминальной субкультуры посредством исключения любых контактов со взрослыми преступниками была бы организация следственных изоляторов для несовершеннолетних непосредственно в воспитательных колониях. Эта идея не нова для отечественной и международной пенитенциарной практики. Такой опыт уже существовал, когда на базе воспитательной колонии для несовершеннолетних организовывалось помещение, функционирующее в режиме следственного изолятора (далее – ПФРСИ). Этим достигалась минимизация контактов с уголовной субкультурой и ослаблялась эмоциональная нагрузка на подростка, так как режим содержания в данном учреждении достаточно прозрачен и контролируем. Это позволяет объективно и без помех проводить расследование преступления, выполнять необходимые следственные действия, исключает фактор страха подростка за будущее, помогает избежать взятия на себя чужой вины, запутывания следствия.

Существующая практика расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних изобилует фактами давления на участников уголовного процесса со стороны как непосредственного окружения подозреваемого, так и находящихся на свободе подельников.

Положительно в контексте расширения функций использования рассматриваемой структуры в целях

объективного расследования можно оценить и возможность проведения определенных следственных действий, например допросов, очных ставок, опознания, на территории ПФРСИ. Это исключает лишние перевозки подозреваемых непосредственно в отделы МВД, конвои, вооруженное сопровождение во время осуществления дознания, что поможет разгрузить конвойные подразделения. Гораздо эффективнее, когда следователь прибывает на территорию учреждения для проведения следственных действий, где созданы необходимые условия для работы – отдельное охраняемое и оборудованное помещение. Как известно, при наступлении продолжительных праздничных дней подозреваемые, находящиеся в отделах внутренних дел, перевозятся в следственные изоляторы, а это затраты на транспорт, использование конвойных подразделений, а самое негативное – возможность общения несовершеннолетних с преступным элементом и приобретение криминального опыта. При таком общении со взрослыми преступниками даются «дельные советы», как вести себя в период проведения дознания, как противодействовать расследованию. Также возможна утечка информации о ходе расследования, что в дальнейшем способно вызвать активность со стороны оставшихся на свободе заинтересованных лиц. Если же подозреваемый будет находиться на территории воспитательной колонии в ПФРСИ, все вышеперечисленное можно избежать или минимизировать. Заметим еще, что на территории ПФРСИ возможно использование оперативно-розыскной деятельности, так как в учреждении имеется профессиональный оперативный состав.

После проведения судебного заседания, вступления приговора в законную силу осужденный прибывает в колонию, где начинается процесс его изучения сотрудниками администрации, которые анализируют прежде всего документы (приговор, материалы следствия), содержащие значительный объем информации об осужденном, причинах, условиях, мотивах совершения преступления. По этим источникам возможно судить о внутреннем отношении осужденного к преступлению, полноте доказывания факта совершения преступления, а также, что немаловажно, признании вины и личном раскаянии в содеянном. Много зависит от тяжести совершенного преступления, обстоятельств его совершения, поведения осужденного, признания или непризнания вины как во время следствия, так и в судебном заседании. Отношение осужденного к признанию вины имеет большое значение в плане психологического настроя на отбывание наказания. Так, если осужденный признал вину в содеянном преступлении, полностью согласен с тем, что разоблачен следствием, его вина подтверждена следственными действиями, проведенными с соблюдением норм УПК РФ, закреплена полученными законным путем доказательствами, с ним будет легче работать в учреждении исполнения наказания. В противном случае неизбежно наблюдается в поведении

осужденного отрицание режима содержания, враждебное отношение к сотрудникам уголовно-исполнительной системы, что в конечном счете затрудняет адаптацию в учреждении.

При проведении комплексного психологического исследования личности прибывшего осужденного службой психологического сопровождения учреждения создается его психологический портрет, устанавливаются индивидуальные черты характера, отношение к совершенному преступлению, намечается план работы с ним. Исследования отечественных психологов, работающих в пенитенциарной системе, доказывают, что принудительная изоляция несовершеннолетнего, состоящая в полном лишении подростка прежнего привычного окружения людей, блокировании информационных процессов и потребностей, и возникающий в результате этого эмоциональный и психологический кризис приводят к усилению отрицательных эмоций и выплескиваются в формы агрессивного поведения. Нередко агрессия направлена на самого себя, но в большинстве случаев она проявляется в нарушении режима содержания, негативном отношении к администрации, посягательствах на жизнь и здоровье осужденных, находящихся рядом. Поэтому в данный период на первое место будет выходить процесс адаптации личности к новым социальным условиям. Здесь у индивида возникает острая необходимость определения статусно-ролевой установки в межличностных отношениях в коллективе воспитанников.

Процесс адаптации в пенитенциарном учреждении усложняется наличием ряда факторов. К ним можно отнести наличие устойчивой системы регламентированного поведения осужденных, присутствие устоявшихся традиций, ритуалов и неписаных правил определения места или ниши каждого осужденного в иерархии сообщества колонии, трансформации стереотипов поведения. С учетом вышеизложенного определяется адаптационная стратегия коллектива администрации в отношении каждого осужденного. При ее избрании необходимо учитывать субъективные качества личности конкретного несовершеннолетнего: статусно-ролевое положение в криминальном сообществе (наличие криминального опыта), отношение (позитивное или негативное) к вынесенному приговору и, соответственно, исполнению наказания, наличие или отсутствие раскаяния за содеянное преступление, умственно-интеллектуальное развитие, наличие качеств лидера или подверженность влиянию, состояние здоровья и физические показатели.

С момента попадания осужденного в учреждение возможно задействование оперативных служб – оперативное сопровождение с целью сбора информации с помощью подсобного аппарата. Данные, добытые в процессе оперативного изучения, в дальнейшем помогут в установлении контактов с осужденным, а уже установленный контакт возможно использовать в работе по выяснению обстоятельств нераскрытых пре-

ступлений. Результатом этого может стать получение явки с повинной по совершенному ранее преступлению.

В целях стимулирования позитивного отношения к процессу перевоспитания в стенах исправительного учреждения администрация в сугубо индивидуальном порядке рассматривает возможность помещения осужденного в определенные условия содержания: обычные, льготные, строгие. Такая градация позволяет некоторым образом классифицировать контингент, разделив воспитанников на категории: сознательно вставших на путь исправления, окончательно не определившихся или отрицающих перевоспитание. В рамках этого подхода реализуются методики стимулирующего характера, направленные на привитие осужденным позитивных правоисполнительных ценностных ориентаций, и исключается возможность негативного воздействия со стороны отрицательно настроенного контингента. Кандидаты на условно-досрочное освобождение (УДО) – это всегда воспитанники, находящиеся на льготных условиях содержания.

В реализации педагогических методик комплексного воспитания участвуют все сотрудники колонии, работающие с отрядом. Существует так называемый основной треугольник (воспитатель, мастер производственного обучения, учитель), но также в процессе воспитания принимают участие начальники отряда, сотрудники службы режима, психологической службы, оперативной части, представители общественных организаций, которые осуществляют свою деятельность согласно планам подразделений и служб.

Что касается именно описываемого учреждения исполнения наказания, то в нем уже длительное время используется практика функционирования двух ПТУ, то есть имеется возможность получения воспитанником нескольких специальностей. У каждого осужденного есть дневник, где отмечаются все его заслуги и нарушения. Существует и электронная его версия, которая доступна для ознакомления руководству колонии, а при необходимости представленными в нем сведениями может воспользоваться вышестоящий аппарат ГУФСИН (электронная система АКУС). Отслеживание поведения воспитанника позволяет убедиться в правильности принятого решения о помещении его, например, в льготные условия, и в дальнейшем соответствующая информация будет играть важную роль при освобождении по УДО. Такая система контроля за поведением осужденных позволяет развить воспитательную активность сотрудников колонии. К примеру, замечание относительно формы одежды любого сотрудника администрации в адрес воспитанника – действие воспитательного характера. Проводя изучение дневника осужденного, можно сделать выводы о наличии у него осознанного желания встать на путь исправления. Необходимо отметить деятельность оперативной части учреждения, так как использование подсобного аппарата, имею-

щегося спектра методик получения информации и психологического воздействия на воспитанника приносит свои результаты (от отправки извинительных писем потерпевшим, возмещения материального ущерба до написания явки с повинной по совершенным ранее и не раскрытым преступлениям на свободе). Работа по нераскрытым преступлениям проводится системно. Одним из ее элементов является получение информации по запросам розыскных отделов МВД от лиц, отбывающих наказание. При подаче ходатайства о применении УДО оперативная часть дает свою оценку поведению воспитанника.

Обратимся к вопросу условно-досрочного освобождения. По мнению ряда исследователей, преждевременное достижение целей наказания и возникновение различных по своему характеру обстоятельств связано, во-первых, с минимальными возможностями несовершеннолетних в плане возмещения причиненного ущерба (вреда), нанесенного преступлением, во-вторых, податливостью несовершеннолетних исправительно-воспитательному воздействию, способностью подростков переносить ограничения и лишения, связанные с отбыванием наказания [13, с. 283].

По мнению российских исследователей, правовая природа освобождения от отбывания наказания состоит в том, что он рассматривается как средство индивидуализации. Индивидуализация наказания заключается в том, что при назначении судом меры наказания – вида и размера государственного принуждения – проводится исследование юридически значимых особенностей как самого преступления, так и личности человека, его совершившего. Освобождение от отбывания наказания – вид поощрения для отдельных осужденных. Осужденный стремится доказать снижение опасности своего нахождения в обществе, чтобы быть со своими близкими и родными. Как средство индивидуализации уголовного наказания предлагает рассматривать институт освобождения от отбывания наказания С. В. Данелян [14, с. 16].

По мнению С. И. Зельдова, под освобождением от отбывания наказания понимается акт правосудия, осуществленный в предусмотренной законом форме в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления, и полностью либо частично (под условием) освобождающий осужденного от лишений или ограничений прав, являющихся содержанием назначенного приговором наказания (без замены его иным видом наказания), но с сохранением судимости [15, с. 14].

Здесь необходимо поподробнее осветить правовые последствия наличия судимости. Общеизвестным является утверждение, что судимость – это «возникающий с момента осуждения виновного комплекс ограничений его прав и свобод и возложенных на него законом дополнительных обязанностей в течение установленного законом срока» [16, с. 317].

Рассматривая уголовно-правовые последствия судимости, М. В. Грамматчиков предложил система-

тизацию, выделив следующие направления: обстоятельство, влияющее на квалификацию преступления; основание для признания рецидива преступлений; обстоятельство, влияющее на назначение наказания; обстоятельство, исключающее освобождение лица от уголовной ответственности; обстоятельство, ограничивающее возможность освобождения от наказания [17, с. 17].

В настоящее время в научной литературе широко обсуждаются вопросы участия потерпевшего в уголовно-исполнительном процессе. Международными стандартами по защите жертв преступлений, Конституцией Российской Федерации потерпевшим гарантировано право на защиту, доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба [18, с. 182]. Не принимать во внимание данные обстоятельства в процессе воспитательного процесса осужденного было бы необъективно. Так, согласно Федеральному закону от 30.03.2015 № 62-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации по вопросам участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора» администрация учреждения, исполняющего наказание, обязана в день направления представления или ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении или при замене неотбытой части наказания более мягким его видом известить об этом потерпевшего. Реализацией личного права потерпевшего является его желание присутствовать непосредственно на судебном заседании или участвовать в нем посредством видео-конференц-связи. Однако с учетом того, что подавляющее большинство потерпевших или их законных представителей не хотят такого участия по разным причинам, представляется целесообразным внести в ч. 2.1 ст. 399 УПК РФ следующие уточнения: «Потерпевший, его законный представитель могут участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видео-конференц-связи, либо выразить свое мнение в письменном виде». По нашему мнению, учет вышеназванных обстоятельств – необходимое и достаточное условие, характеризующее осужденного, вставшего на путь исправления.

Одним из эффективных средств воздействия на осужденных на протяжении всего срока нахождения в учреждении выступает деятельность представителей религиозных конфессий. Так, воспитательная колония в г. А. находится в непосредственной близости от женского монастыря, который осуществляет ряд мероприятий по оказанию нравственно-реабилитационной помощи посредством проведения духовно-просветительских бесед при личных встречах воспитанников с сестрами. С руководством монастыря достигнута договоренность по включению священнослужителей в работу воспитательной колонии. В указанное время на территорию колонии в сопровождении сотрудника режима проходит пред-

ставитель монастыря, который не в непосредственном присутствии представителя администрации, но в зоне визуального контроля проводит беседу. На территории колонии имеется молельная комната, оснащенная всем необходимым, в ней по определенным датам проходят богослужения. Работа служителей монастыря с осужденными – это их послушание, поэтому они относятся к ней с особым трепетом. Руководство колонии не раз обращало внимание на обязательность, исполнительность участвующих в этой деятельности. Поселок, где расположена колония, к сожалению, не имеет своего прихода, наличие которого было бы большим подспорьем в работе по осуществлению богослужбной деятельности и духовно-пастырского окормления воспитанников.

Важную роль в процессе перевоспитания осужденных играет родительский комитет колонии. Наиболее активные его члены чаще других имеют возможность общаться со своими детьми и привлекаются в качестве сопровождающих при проведении мероприятий (выходы в физкультурно-оздоровительный комплекс, посещения театра). Все это проводится только в светлое время суток и не должно занимать более 8 часов. В воспитательном процессе приветствуется инициатива родителей по организации встреч с известными людьми. Частые гости колонии – студенты психолого-педагогического факультета филиала ННГУ им. Н. И. Лобачевского, проводящие воспитательные мероприятия, посвященные знаменательным датам, а также концерты.

Рассматривая процесс нахождения осужденного в колонии как непрерывный воспитательный комплекс, требующий как начальной стадии, так и конечной, было бы логично предусмотреть возможность перехода на следующую ступень – в колонию-поселение. Колонию-поселение можно сделать отдельным структурным подразделением воспитательной колонии. Для этого есть материально-техническая база, необходимые условия охраны и режима. Подобный опыт существует и представляет собой организацию общежитий за пределами колонии с режимом надзорного контроля. То есть воспитанники проживают за пределами колонии, находятся без охраны, но под надзором. Они могут иметь гражданскую одежду, свое питание, обеспечены коммунальными услугами, используют пропуска установленного образца. В течение дня выполняют работы в подсобных хозяйствах, на производстве или складских объектах на территории поселка. Во время перемещения должны соблюдать установленный маршрут передвижения. В дневное и ночное время ответственный по колонии осуществляет плановые, а также и внезапные проверки соблюдения требований содержания данного контингента. В ночное время надзор над ними осуществляется как непосредственно сотрудником, так и с помощью технических средств, выведенных на пульт централизованного управления охраной колонии.

Имея перед глазами реальный пример функционирования данного структурного подразделения в конкретной колонии, нужно заметить, что для него было подобрано помещение, представляющее собой отдельно стоящее, изолированное двухэтажное здание, расположенное на расстоянии 50 м от дежурной части. Здание оснащено необходимыми коммуникациями, в нем предусмотрены отдельные помещения для питания, проживания и проведения досуга. Помещения оборудованы камерами наблюдения, выведенными на пульт дежурной части колонии. Таким образом, организован постоянный контроль за контингентом. Руководителем этой структуры назначен конкретный сотрудник, который имеет право принимать решения в отношении осужденных в зависимости от конкретных обстоятельств.

По истечении срока исполнения наказания и выхода бывшего осужденного на свободу наступает этап постпенитенциарной ресоциализации. К сожалению, социальная неустроенность и отсутствие гарантированного рабочего места обуславливают тот факт, что лицами, освобожденными из мест лишения свободы, совершается каждое третье преступление. Наиболее вероятно совершение новых преступлений в первый год после его освобождения. Этот год должен стать периодом социальной реабилитации освобожденного с соответствующим социально-правовым обеспечением, созданием условий для начала новой жизни. Для активного противодействия совершению преступлений необходимо участие в процессе ресоциализации не только сотрудников исправительных учреждений, но в большей мере общественных структур на местах. Полномочия руководителей исправительных учреждений (например, рассмотрение заявлений и принятие соответствующих решений по оказанию содействия в трудовом и бытовом устройстве конкретным лицам [19]) не могут быть реализованы в полной мере в силу недостаточного финансирования, а порой и ненадлежащего отношения со стороны представителей муниципальных образований. Так как сам по себе этот этап подразумевает работу по сопровождению бывшего осужденного с целью оказания помощи в социальной адаптации, наблюдается большая зависимость от наличия социально значимых структур в конкретном месте. Речь идет о практике функционирования центров социальной адаптации для лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Основная задача этих центров – путем оказания реальной помощи в трудоустройстве, обеспечения минимума жилищных условий, психологического и юридического сопровождения добиться снижения рецидива среди контингента освободившихся из мест лишения свободы. К сожалению, не каждый город имеет возможность содержать такой центр с полагающейся инфраструктурой, которая включает в себя: возможности трудоустройства на предприятие, ведь в коллективе социализация проходит наиболее эффективно; наличие жилого фонда, способного в определенной степени удовлетворить потребности

центра; достаточное количество специалистов психологического и юридического плана, которые бы могли на базе центра осуществлять работу по сопровождению лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Вышеназванные методы постпенитенциарной адаптации и ресоциализации нашли отражение в федеральном законе «О пробации в Российской Федерации», который подписан был 06.02.2023, опубликован 09.02.2023 и вступит в силу с 01.01.2024. Содержание данного закона в настоящее время во многом отвечает назревшей необходимости государственного участия в судьбе граждан, отбывших наказание в местах лишения свободы. Сотрудниками описанного нами пенитенциарного учреждения приветствуются положения федерального закона, направленные на более эффективное участие в этом процессе уголовно-исполнительных инспекций с учетом расширения их функций и обеспечения кадрового состава, подготовленного с учетом реалий сегодняшнего дня.

Выводы

Оперативные сводки правоохранительных органов содержат информацию о рецидивах, что вызывает большую негативную реакцию социума. Повторное совершение преступления ранее осужденными говорит о возврате к преступной деятельности лиц, прошедших полный спектр перевоспитания в пенитенциарном учреждении, и, к сожалению, подтверждает, что пенитенциарная система не срабатывает

или срабатывает не полностью в определенных аспектах. Деятельность учреждений, исполняющих наказания, строго регламентирована действующим законодательством и направлена именно на выполнение назначенного приговора суда, что предполагает в течение срока отбывания осужденным наказания сначала сделать все, чтобы приучить его к назначенному исполнению наказания, заставляя безоговорочно подчиниться режиму содержания, а затем попытаться вернуть жизненные ценности и позитивные установки в откорректированной форме. Данная цель вполне достижима при наличии слаженности в работе механизма исправления, который может быть представлен в виде определенного конвейера. На примере изучения опыта работы учреждения исполнения наказания воспитательной колонии в г. А. мы показали систему применения средств и методов перевоспитания осужденных в пределах учреждения. Однако полноценной эта деятельность будет только тогда, когда станет использоваться весь спектр возможностей общества по возвращению в социум ранее осужденных граждан путем проведения на необходимом уровне социальной адаптации и ресоциализации. Принятый федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» призван решить основную задачу пенитенциарного законодательства – возвращение осужденного в социум с гарантией отказа от преступной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Трунцевский Ю. В. Международное пенитенциарное право : лекция. М., 2001. 48 с.
2. Уткин В. А. Международные стандарты уголовно-исполнительной деятельности и стереотипы их восприятия // Уголовная юстиция. 2016. № 2. С. 89–96.
3. Николаев А. М. Законодательная криминализация деяний на нижнем уровне их общественной опасности в свете системных принципов законотворчества и дидактики уголовного права // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 484–498.
4. Адоевская О. А. О возможности и пределах учета международного опыта ресоциализации осужденных к лишению свободы // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 4. С. 68–72.
5. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : федер. закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
6. Уголовно-исполнительное право России : учеб. для студентов по специальности «Юриспруденция» и направлению «Юриспруденция» / [В. В. Геранин и др.]; под ред. В. И. Селиверстова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2014. 447 с.
7. Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики / под ред. В. П. Малкова. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 2004. 478 с.
8. Яковлева Л. В. Институт освобождения от наказания в российском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 54 с.
9. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федер. закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 23.07.2008) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177
10. Беляева Л. И. Патронат в России (XIX в. – нач. XX в.). 2-е изд., испр. и доп. Воронеж, 2001. 137 с.
11. Познышев С. В. Очерки тюрьмоведения. 2-е изд., испр. и доп. М., 1915. 299 с.
12. Перемолотова Л. Ю. Проблемные аспекты ресоциализации личности осужденного // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 53–58.
13. Малинин В. Б. Энциклопедия уголовного права. СПб., 2008. Т. 11. Уголовная ответственность несовершеннолетних. 450 с.
14. Данелян С. В. Освобождение от отбывания наказания в уголовном законодательстве Российской Федерации: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. 25 с.
15. Зельдов С. И. Освобождение от наказания и от его отбывания. М., 1982. 137 с.
16. Уголовное право. Общая часть : учеб. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2008. 560 с.

17. Грамматчиков М. В. Судимость: исторический, уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2002. 23 с.
18. Сэндуляк К. И. Потерпевший в разрешении вопросов об условно-досрочном освобождении: уголовно-процессуальные моменты // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2014. Т. 24, вып. 4. С. 182–186.
19. Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 13.01.2006 № 2 (ред. от 26.12.2019) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 7. С. 242–254.

REFERENCES

1. Truntsevskii Yu.V. *Mezhdunarodnoe penitentsiarnoe pravo: lektsiya* [International penitentiary law: lecture]. Moscow, 2001. 48 p.
2. Utkin V.A. International standards of penal enforcement activity and stereotypes of their perception. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2016, no. 2, pp. 89–96.
3. Nikolaev A.M. Legislative criminalization of acts at the lower level of their public danger in the light of the systemic principles of lawmaking and didactics of criminal law. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2009, no. 3, pp. 484–498.
4. Adoevskaya O.A. On the possibility and limits of taking into account the international experience of resocialization of persons sentenced to imprisonment. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2017, no. 4, pp. 68–72. (In Russ.).
5. *Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarushenii v Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 23.06.2016 № 182-FZ* [On the basics of the system of crime prevention in the Russian Federation: Federal Law No. 182-FZ of June 23, 2016]. Access from the reference legal system “ConsultantPlus”.
6. Geranin V.V. et al. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: ucheb. dlya studentov po spetsial'nosti "Yurisprudentsiya" i napravleniyu "Yurisprudentsiya"* [Penal law of Russia: textbook for students in the specialty “Jurisprudence” and the direction “Jurisprudence”]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow, 2014. 447 p.
7. Rybak M.S. *Resotsializatsiya osuzhdennykh k lisheniyu svobody: problemy teorii i praktiki* [Resocialization of prisoners sentenced to imprisonment: problems of theory and practice]. Ed. by Malkov V.P. Saratov, 2004. 478 p.
8. Yakovleva L.V. *Institut osvobozhdeniya ot nakazaniya v rossiiskom prave: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Institute of release from punishment in Russian law: Doctors of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2003. 54 p.
9. On the basics of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 (as amended July 23, 2008). In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 1999, June 28. No. 26. Art. 3, 177. (In Russ.).
10. Belyaeva L.I. *Patronat v Rossii: (19 v. - nach. 20 v.)* [Patronage in Russia: (19th century – beginning of the 20th century)]. Voronezh, 2001. 137 p.
11. Poznyshchev S.V. *Ocherki tyur'movedeniya* [Essays on prison studies]. Moscow, 1915. 299 p.
12. Peremolotova L.Yu. Problem aspects of resocialization of convicts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, Tomsk, 2017, no. 24, pp. 53–58. (In Russ.).
13. Malinin V.B. *Entsiklopediya ugolovnogo prava. Tom 11. Ugolovnaya otvetstvennost' nesovershennoletnikh* [Encyclopedia of Criminal Law. Volume 11. Criminal liability of minors]. Saint Petersburg, 2008. 450 p.
14. Danelyan S.V. *Osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya v ugolovnom zakonodatel'stve Rossiiskoi Federatsii: Teoreticheskie, zakonodatel'nye i pravoprimeritel'nye aspekty: avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal record: historical, criminal-legal and criminal-executive aspects: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Makhachkala, 2006. 25 p.
15. Zel'dov S.I. *Osvobozhdenie ot nakazaniya i ot ego otbyvaniya* [Release from punishment and from serving it]. Moscow, 1982. 137 p.
16. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': ucheb.* [Criminal law. General part: textbook]. Ed. by Inogamovoi-Khegai L.V., Rarog A.I., Chuchaev A.I. Moscow, 2008. 560 p.
17. Grammatnikov M.V. *Sudimost': istoricheskii, ugolovno-pravovoi i ugolovno-ispolnitel'nyi aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal record: historical, criminal-legal and criminal-executive aspects: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnoyarsk, 2002. 23 p.
18. Sendulyak K.I. The victim in resolving issues of parole: criminal procedural moments. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2014, vol. 24, no. 4, pp. 182–186. (In Russ.).
19. On the approval of the Instructions on assistance in labor and household arrangements, as well as assistance to convicts released from serving sentences in correctional institutions of the penal system: order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 2 of January 13, 2006 (as amended December 26, 2019). In: *Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti* [Bulletin of Normative acts of Federal executive authorities]. 2006. No. 7. Pp. 242–254. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ САМОХВАЛОВ – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права историко-филологического факультета Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Арзамас, Россия, herrysam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7932-6238>

АНДРЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ САНТАШОВ – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник по социологическим исследованиям научно-исследовательского отдела факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, профессор кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, santashov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1044-1697>

IGOR Yu. SAMOKHVALOV – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of History, Social Studies and Law of the History and Philology Faculty of the Arzamas Branch of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas, Russia, herrysam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7932-6238>

ANDREI L. SANTASHOV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Chief Researcher for Sociological Research of the Research Department of the Faculty of Training of Scientific Pedagogical Personnel and Organization of Research Work of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, santashov@list.ru, <https://orcid.org/0000000310441697>

Статья поступила 28.02.2023

Научная статья

УДК 343.8:343.98.06:343.988

doi 10.46741/2686-9764.2023.62.2.007

Данные, составляющие криминалистическую характеристику умышленного причинения осужденными вреда жизни и здоровью, и их корреляции

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

Академия ФСИН России, Рязань, Россия

matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>**ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ДЕЧКИН**

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия,

olegd4105@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4956-8655>

Реферат

Введение: статья посвящена рассмотрению основных данных, составляющих криминалистическую характеристику умышленного причинения осужденными вреда жизни и здоровью (ст. 105, 111, 112 и 115 УК РФ) в условиях мест лишения свободы, и их корреляции. *Цель:* на основе анализа и обобщения теоретических и практических материалов предпринимается попытка сформулировать наиболее характерный комплекс данных, составляющих криминалистическую характеристику этих деяний, а также раскрыть их содержание. Подготовка статьи предполагала использование *методов:* обобщения, сравнения, аналогии, конкретизации, абстрагирования, а также статистического, контент-анализа, сравнительно-правового методов исследования. *Результаты:* приводится процентное содержание различных криминалистических сведений, которые позволят ориентировать методические рекомендации по расследованию и непосредственно саму практику раскрытия и расследования. Показывается, как осуществлять противоправные действия без применения средств совершения преступлений и с помощью специально приготовленных, обнаруженных на месте межличностного конфликта осужденных, а также описывается комбинированный способ, в процессе которого реализуются физическая сила человека и орудия причинения вреда жизни и здоровью. Рассматривая составляющие способа совершения преступлений, авторы обращают внимание на корреляции, которые позволяют установить различные обстоятельства совершения преступления. В частности, высказывается мнение, что в местах лишения свободы неофициальные нормы поведения осужденных выступают общей корреляцией совершения преступлений против личности, в том числе и являющихся предметом данного исследования. Речь идет о тех случаях, когда осужденные, ориентируясь на специфические условия, контингент отбывающих наказание, готовили приспособления для причинения вреда жизни и здоровью заранее, как бы на всякий случай, чтобы постоять за себя, ответить на возможные оскорбления, используя такой предмет. В статье четко обозначена взаимосвязь места преступлений и средства, способа осуществления, а также времени и места противоправной деятельности. *Выводы:* с опорой на имеющиеся исследования обоснованы авторские позиции по исследуемым проблемам.

Ключевые слова: преступления против жизни и здоровья; осужденный; лишение свободы; криминалистическая характеристика; данные; корреляции; способ совершения преступления; сокрытие; обстановка; место; время.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Шурухнов Н. Г., Дечкин О. М. Данные, составляющие криминалистическую характеристику умышленного причинения осужденными вреда жизни и здоровью, и их корреляции // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 175–185. doi 10.46741/2686-9764.2023.62.2.007.

Data Constituting the Forensic Characteristic of Convicts' Intentional Infliction of Harm to Life and Health and Their Correlations

NIKOLAI G. SHURUKHNOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia
matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

OLEG M. DECHKIN

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia, olegd4105@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4956-8655>

Abstract

Introduction: the article considers key data constituting the forensic characteristic of convicts' intentional infliction of harm to life and health (articles 105, 111, 112 and 115 of the Criminal Code of the Russian Federation) in places of deprivation of liberty and their correlation. *Purpose:* based on the analysis and generalization of theoretical and practical materials, to formulate the most characteristic set of data that make up the forensic characteristic of these acts, as well as disclose their content. *Methods:* generalization, comparison, analogy, concretization, abstraction, as well as statistical and content analysis, and comparative legal research methods. *Results:* the article presents the percentage composition of various forensic data that help develop methodological recommendations for investigation and the practice of disclosure and investigation of crimes. The article shows how illegal actions are carried out without and with the use of means of committing crimes found at the scene of interpersonal conflict of convicts. A combined method presupposes the use of both physical strength of a person and instruments of harming life and health. Considering components of the method of committing crimes, the authors pay attention to correlations that help establish various circumstances of the crime commission. In particular, the authors express an opinion that in places of deprivation of liberty unofficial norms of behavior of convicts act as a general correlation of the commission of crimes against the person, including those that are the subject of this study. It is those cases when convicts relying on specific conditions and the contingent prepare devices to cause harm to life and health in advance, as if just in case, to stand up for themselves and respond to possible insults using such an object. The article clearly identifies the correlation between the crime scene and means and methods of the crime commission, as well as the correlation between the time and the crime scene. *Conclusion:* based on the available research, the authors' own ideas on these issues are substantiated.

Keywords: crimes against life and health; convicted person; deprivation of liberty; forensic characteristic; data; correlations; method of a crime commission; concealment; situation; scene; time.

5.1.4. Criminal law sciences.

Citation: Shurukhnov N.G., Dechkin O.M. Data constituting the forensic characteristic of convicts' intentional infliction of harm to life and health and their correlations. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 175–185. doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.007.

Введение

Проведенное нами исследование показало¹, что содержание криминалистической характеристи-

ки² умышленного причинения осужденными вреда жизни и здоровью в условиях мест лишения свободы (ст. 105, 111, 112 и 115 УК РФ) составляют следующие

¹ При подготовке исследования в период с 2019 по 2021 г. изучено мнение 79 сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, из них 42 следователей и 37 дознавателей, а также 62 следователей Следственного комитета Российской Федерации из 6 субъектов Российской Федерации (Республика Коми, Архангельская, Вологодская, Кировская, Пензенская и Свердловская области), имеющих опыт расследования преступлений против жизни и здоровья.

² Криминалистическая характеристика как информационная модель совершения преступления, представленная совокупностью типичных данных, служит базой формирования методики расследования. Она особенно важна на начальных этапах расследования (предварительном и первоначальном), поскольку, как правило, в эти периоды уполномоченные должностные лица, принимающие решения о расследовании, испытывают определенный дефицит информации. Указанные сведения о совершении аналогичных преступлений позволяют выдвинуть обоснованные версии, определить оптимальные пути расследования конкретного преступления.

щие сведения, относящихся: к способам совершения преступлений, включая подготовку и приемы сокрытия, – 80 %; орудиям (приспособлениям), служащим для причинения вреда жизни или здоровью осужденных, – 56 %; обстановке, в которой происходило противоправное деяние, – 72 %; месту и времени совершения преступления – 76 %; свойствам личности преступника – 92 %, потерпевшего – 86 %; следам и предметам, оставленным на месте происшествия, – 68 %; мотивам, побуждавшим совершить преступное посягательство, – 63 %; обстоятельствам, способствовавшим преступным деяниям, – 52 %. Мы привели основной комплекс данных, составляющих криминалистическую характеристику, но содержательно, в силу объема научной статьи, рассмотрим только отдельные из них.

Данные о способах совершения преступлений, включая подготовку и приемы сокрытия

В силу теоретической и практической значимости способ совершения преступления был и остается предметом пристального внимания ученых-криминалистов [1; 2; 3, с. 8–14; 4]. Своей информационной составляющей, отраженной в обстановке совершения преступления, он представляет интерес и для практических работников, деятельность которых связана с раскрытием и расследованием преступлений. Данные о способе совершения преступления, полученные во время осмотра места происшествия, всякий раз позволяют установить комплекс обстоятельств, раскрывающих содержание противоправного деяния. Если же прогнозировать корреляции способа совершения преступления с другими составляющими преступления, свойствами личности субъекта, то объем полезной для раскрытия преступления информации значительно увеличивается.

Отмеченные положения в полной мере относятся и к способам умышленного причинения вреда жизни и здоровью, совершенного осужденными в местах лишения свободы. Для анализируемых преступных деяний способ представляет собой набор определенных действий, приемов, навыков, сгруппированных в определенное поведение индивидуума, намерения которого и реализуются определенным образом [5, с. 125–126].

Основатель криминалистического учения о способе совершения преступления Г. Г. Зуйков включал в его содержание «систему взаимосвязанных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных совокупностью объективных и субъективных факторов» [6, с. 16]. Таким образом, по Г. Г. Зуйкову, способ совершения преступления включает: действия (поведение) по подготовке, совершению и сокрытию преступления. Данный подход был расширен В. Ф. Ермоловичем, который привел конкретизирующие способ совершения преступления обстоятельства. По его мнению, он включает систему «умышленных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, охватываемых единым преступным замыслом, детерминированных психо-

физическими качествами личности преступника (его соучастников) и избирательным использованием им соответствующих условий, места, времени, а также учетом возможных действий (бездействий) со стороны потерпевшего, иных лиц» [7, с. 54–55].

Разрабатывая учение о способе совершения преступления, исследователи пришли к мысли о построении соответствующей классификации. При ее реализации использовались различные основания, в том числе и составляющие (содержание), где ведущая роль отводилась поведению и действиям преступника. В результате научных изысканий виды способа совершения преступлений получили наименования: «полноструктурный» и «неполноструктурный». Так, О. Н. Алексиеенко и А. В. Варданян отмечают: «Неполноструктурный способ охватывает лишь два из трех вариантов действий по достижению преступного результата: или действия по подготовке и совершению преступления; или действия по совершению преступления и сокрытию своей причастности к преступлению» [8, с. 36]. Таким образом, полноструктурный способ должен включать все три компонента, указывающие на его насыщенность, содержательность: характер подготовки и последующих действий преступника, умысел, поведение после совершения противоправного деяния.

По нашим данным, в 36 % случаев (от общего количества преступлений)¹ способ причинения умышленного вреда жизни и здоровью осужденными был полноструктурным и включал комплекс разнообразных действий, различающихся как по содержанию, так и по направленности. Подготовка к совершению исследуемой группы преступлений включала в себя комплекс разнообразных действий, которые в зависимости от конкретной ситуации были единичными или комбинированными. В первую очередь они были связаны с поиском орудий совершения преступления. Преступник после формирования умысла на причинение вреда жизни, здоровью предпринимал активные действия по отысканию орудия (приспособления, предмета) для совершения преступления. Продолжительность поиска зависела от обстановки и временного интервала, отделяющего формирование преступного умысла от его непосредственной реализации. Если умысел на причинение вреда жизни или здоровью возникал у осужденного внезапно (на бытовой почве), то времени на создание благоприятной обстановки для совершения преступления не было, в результате чего криминальная ситуация развивалась бессистемно. Наиболее вероятным орудием, как правило, становился подручный предмет, находящийся рядом в момент совершения противоправного деяния.

¹ При подготовке исследования в период с 2015 по 2021 г. проанализировано 167 уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст. 105, 111, 112 и 115 УК РФ, совершенных осужденными в местах лишения свободы, в 9 субъектах Российской Федерации (республиках Башкортостан, Коми, Красноярском крае, Архангельской, Вологодской, Кемеровской, Кировской, Новосибирской и Ярославской областях).

Напротив, если умысел возникал заблаговременно и являлся для «жертвы» тайной, то у намеревающегося совершить противоправное деяние был определенный временной запас выбора момента и места совершения преступления, а также подыскания орудия (приспособления), продумывания способа совершения преступления. В таких случаях на подготовку орудия (приспособления) для совершения преступления затрачивалось значительное время, и сами они были наиболее разнообразными (заостренный небольшой кусок металла (различной геометрической формы), гвоздь большой длины, кусок проволоки из прочного металла, делалась удавка из частей одежды, белья, заточки из ложки, супинатора обуви). Для причинения вреда жизни или здоровью иногда специально оборудовалась обувь, в носок или на подошву которой ставились (вставлялись) пластины из различного металла. Предварительно отыскивались места для устройства тайников, позволяющих хранить такие предметы в определенном месте или в частях одежды, обуви, предметах интерьера. Обратим внимание, что в приведенных ситуациях просматривалась корреляция между *временем подготовки к совершению преступления – орудием (приспособлением защиты – нападения) – местом его сокрытия и быстрого извлечения*.

При подготовке к совершению противоправного деяния устанавливались маршрут следования будущей жертвы в пределах производственной и жилой зон, ее рабочее и спальное места, близкое окружение, а также время с тем расчетом, чтобы в определенном месте и промежутке отсутствовали очевидцы (или их было минимальное количество, желательно из числа единомышленников).

В процессе изучения следственной практики (без специального анализа) просматривалась корреляция между *местом – используемыми орудиями – способом совершения преступления*. В зависимости от места совершения противоправных действий в исправительных учреждениях осужденные прибегали к разным предметам, средствам, приспособлениям, орудиям преступления либо обходились без них. Так, в помещениях штрафного изолятора, камерного типа в большинстве случаев подобные преступления совершались путем использования непосредственно мышечной силы человека без применения каких-либо орудий – удушение кистями рук, предплечьем, нанесение ударов ногами, руками либо головой. В отдельных случаях осужденные использовали удавки, изготовленные из частей одежды, а также заточки, сделанные из ложек, гвоздей, которые удалось пронести в эти помещения, извлечь из различного рода конструкций. Здесь подчеркнем следующее: чем ограниченнее пространство перемещения осужденного (его контакты с разнообразной окружающей средой, людьми), тем специфичнее (примитивнее) орудия для причинения вреда жизни и здоровью и способы его осуществления.

Обратим внимание на то, что в местах лишения свободы традиции (неофициальные нормы поведе-

ния осужденных) нередко выступают *общей корреляцией совершения преступлений против личности*, в том числе ставшие и предметом данного исследования. Речь идет о тех выявленных случаях, когда осужденные, ориентируясь на специфические традиции (неофициальные нормы поведения), готовили приспособления для нападения, обороны заранее, как бы на всякий случай, чтобы постоять за себя, ответить на возможные оскорбления, используя такой предмет. Нами было установлено 44 % случаев, когда умышленное причинение телесных повреждений осуществлялось с помощью таких орудий, средств, приспособлений.

В 64 % случаев (от общего количества преступлений) способ умышленного причинения вреда жизни и здоровью осужденными являлся неполноструктурным. Преступления рассматриваемой группы совершались без подготовки, с внезапно возникшим умыслом. Выявленная закономерность говорит о том, что умысел на причинение вреда жизни и здоровью возникал спонтанно, под воздействием определенных факторов (условий, обстоятельств). Это может быть связано с возникновением межличностного конфликта, произошедшего между отбывающими наказание в виде лишения свободы. Применительно к неполноструктурному способу орудия совершения преступлений специально не готовились. Для указанной цели использовались:

- рабочий инвентарь, предназначенный для металлообработки, сырье для изготовления готовой продукции (кусок металлической трубы, металлический прут, штангенциркуль, напильник, молоток, кувалда) – 12 %;

- производственный инструмент, предназначенный для выполнения швейных, строительных, сантехнических работ, работ по ремонту обуви, без дополнительного приспособления его для нанесения телесных повреждений и находящийся у лица, причиняющего вред жизни и здоровью (ножницы, сапожный нож, мастерок, молоток каменщика, газовый ключ сантехника), – 8 %;

- хозяйственно-бытовой инвентарь, предназначенный для уборки помещений, территорий, или его части (ручки от лопат, граблей, метел, швабр или они сами) – 16 %;

- бытовой инвентарь или его составляющие (разделочная доска, разогретый утюг, чайник, металлическая ложка), а также предметы упаковки пищевых продуктов (банки из-под тушенки, консервов) – 4 %. Отметим, что в силу специфической обстановки исправительного учреждения в обычных условиях вред жизни и здоровью бытовыми предметами наносился чаще и составлял 40 % [8, с. 37];

- предметы, случайно оказавшиеся на месте происшествия (часть кирпича, асфальта, камень, часть доски, металлическая труба), – 8 %;

- предметы интерьера, оснащения жилых помещений (табурет, лестница, дужка от кровати) – 5 %. В практике имели место случаи, когда дужка кровати заранее была специально размонтирована (спилены

заклепки, которыми она крепилась). После чего находилась в незакрепленном состоянии как средство, которое могло бы служить для защиты или нападения (это готовилось для упреждения, на всякий случай, чтобы не оказаться униженным кем-то из осужденных);

– иные предметы, жидкости, используемые в качестве средства причинения вреда здоровью или жизни (кипящая вода, высушенный хлеб, машинка для стрижки волос), – 17 %.

Умышленное причинение потерпевшему телесных повреждений при помощи рук, ног и орудий преступления имело место в 30 % случаев (от общего количества преступлений). Это выступает комбинированным способом совершения рассматриваемых преступлений, который состоит в беспорядочном сочетании физической силы ног, рук и каких-то специально подготовленных либо обнаруженных на месте, где совершаются противоправные деяния, орудий. Очередность нанесения ударов зависит от расстояния, на котором находятся субъект преступления и пострадавший, а также стереотипа, выработанного тренировками (нередко осужденные посещают спортивные залы, где проводят специальные тренировки для себя). Это может быть удар ногой, рукой, а после этого каким-то орудием или предметом (ручка хозяйственно-бытового инструмента).

Умышленное причинение повреждений жизни и здоровью без использования орудий и средств с помощью реализации физической силы рук, ног, головы нападавшего составило 26 % (от общего количества преступлений). Для сравнения отметим, что в обычных условиях при совершении преступлений против жизни и здоровья на удары ногами и руками приходится 17,4 % [8, с. 37].

Следует иметь в виду, что среди отбывающих наказание в виде лишения свободы есть категория лиц, которые постоянно занимаются специальными физическими упражнениями, в том числе осваивают приемы бокса, рукопашного боя, кикбоксинга, тайского бокса, армейского рукопашного боя. Для этого находятся соответствующие «тренеры», либо навыки приобретаются самостоятельно, с использованием специальной литературы. Как правило, помещения и свободное время для этого имеются. Задача администрации исправительного учреждения состоит в том, чтобы обозначенную категорию осужденных держать на особом учете, так как они либо по своему желанию стараются проверить свои навыки на других лицах, с которыми у них возникли неприязненные отношения, либо делают это по просьбе близкого окружения. Объясняя противоправное поведение, они мотивируют его потребностью защитить своего товарища от притеснений, оскорблений (которые являются унижительными) другими осужденными. Еще раз скажем о том, что указанная категория осужденных осваивает специальные приемы не только для поддержания физической подготовки, но и чтобы постоять за себя (здесь просматривается роль специфических традиций мест лишения свободы).

Способ совершения преступлений, связанных с умышленным причинением вреда жизни и здоровью осужденными в местах лишения свободы, характеризуют не только орудия (приспособления), но и количество лиц, принимающих участие в противоправной деятельности (в одиночку или группой лиц) [9, с. 7]. По нашим данным, 84 % рассматриваемых преступлений совершено осужденными в одиночку, 16 % – группой лиц.

Существует *корреляция* между количеством лиц (группой лиц), принимающих участие в преступлении, и другими обстоятельствами противоправной деятельности: объектом (планируемой жертвой) преступного посягательства; целями преступления и задачами конкретных соучастников; орудиями причинения вреда жизни и здоровью потерпевшего – ролью каждого из соучастников; местом и временем совершения преступления; маршрутом удаления соучастников с места происшествия; характером уничтожения улик; поведением после совершения преступления (интенсивностью сокрытия); формированием алиби.

Все перечисленное входит в предмет подготовки к совершению преступления и, как правило, не представляет особой сложности для установления в процессе расследования. Во всех приведенных случаях просматривается еще одна взаимосвязь – обстановка совершения преступления.

По своему содержанию самостоятелен процесс подготовки к совершению преступлений, предусмотренных ст. 105, 111, 112 и 115 УК РФ, когда осужденный (причисляющий себя к категории так называемых авторитетов либо приближенных к ним), реализуя преступный замысел, не намеревается самостоятельно реализовывать противоправное деяние. Речь идет о поручении лицу, находящемуся от него в определенной зависимости. В таких ситуациях проводится подробный инструктаж того, кто будет осуществлять противоправные действия.

Что касается приемов сокрытия преступлений обозначенной группы, то они активно используются лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы. Это объясняется и предыдущим опытом совершения преступлений, собственного поведения во время судопроизводства и опытом сокамерников по следственным изоляторам и отбыванию наказания в исправительном учреждении. Как показал анализ практики, в 75 % случаев осужденные, активно препятствовали расследованию путем уничтожения следов и орудий совершения преступления, дачи ложных показаний или отказа от них, фальсификации улик, воздействия на других осужденных с целью дачи ложных показаний. По своей целевой направленности приемы сокрытия представляют собой одну из форм противодействия расследованию и установлению истины в уголовном судопроизводстве [10, с. 234].

Приемами сокрытия умышленного причинения вреда жизни и здоровью, совершенного осужденными в местах лишения свободы, выступают опре-

деленные действия, направленные на воспрепятствование получению следователем, дознавателем значимой для установления истины по делу информации, ее искажение или уничтожение. В одних случаях указанные приемы, как мы отмечали, входят в структуру способа совершения преступления, то есть когда у злоумышленника (злоумышленников) присутствует единый преступный умысел, охватывающий все стадии противоправной деятельности (подготовку, совершение и сокрытие), в других – намерения на сокрытие преступных деяний у данных лиц возникают внезапно, в связи с изменившимися обстоятельствами (на различных этапах уголовного судопроизводства).

В качестве основных приемов сокрытия, используемых осужденными после совершения преступлений, относящихся к нашему предмету исследования, можно назвать: уничтожение, сокрытие следов, орудий преступления и иных уличающих предметов; создание ложного алиби преступником или иными лицами; исключение (вывод) непосредственного участия отдельных осужденных из механизма преступления (когда преступное деяние совершено в составе группы лиц); искажение информации о событии преступления (инсценировка некриминального события, сообщение о получении травмы в результате падения с высоты собственного роста и др.); сокрытие, уничтожение трупа.

Данные об обстановке совершения преступления

Любое преступление, будь оно умышленное или неосторожное, протекает в определенной обстановке [11–17]. С одной стороны, она оказывает прямое влияние на протекание, динамику преступления, объясняя его механизм в целом, а с другой – указывает на закономерности образования следов и их носителей при расследовании противоправного деяния.

На сегодняшний день в криминалистике существует значительное количество определений понятия «обстановка совершения преступления». Наиболее полным и содержательным является определение, предложенное Н. П. Яблоковым. По его мнению, под обстановкой совершения преступления понимается система различного рода взаимодействующих между собой объектов, явлений и процессов, характеризующих условия места и времени, вещественные, природно-климатические, производственные, бытовые и иные условия окружающей среды, а также других факторов объективной реальности, определяющих возможность, условия и обстоятельства совершения преступления [18, с. 38–39]. Характеризуя обстановку, исследователь говорит об окружающей (внешней) среде события противоправного деяния, а также выделяет ее отдельные объекты, явления и процессы, взаимосвязанные между собой. Представляется, что это правильно, а для анализа преступлений против жизни и здоровья, совершенных осужденными в местах лишения свободы, – принципиально. Окружающая (или внешняя) среда, в которой совершается

преступное деяние и в дальнейшем ведется расследование, специфична и обусловлена видом режима исправительного учреждения, его территориальной расположенностью, площадью, скоплением большого числа лиц, имеющих криминальный опыт, профилем и интенсивностью производственной деятельности, типовым характером всех коммуникаций этих учреждений, предопределяющих обстановку совершения преступления.

Территориальная ограниченность и закрытость исправительного учреждения позволяют в кратчайшие сроки обнаружить противоправное деяние, преступника, следы и иные объекты, имеющие значение для его раскрытия и расследования. В то же время ограниченная территория и большая концентрация на ней осужденных осложняют сохранение материальных следов (пятна крови, следы пальцев рук, обуви), орудий преступления и в целом первоначальной обстановки преступления [19, с. 260].

В местах лишения свободы преступники и их окружение, как правило, имеют возможность наблюдать за ходом работы следователя, дознавателя и иных уполномоченных лиц на территории учреждения, получать необходимые сведения о расследовании, проведении отдельных процессуальных, следственных действий, оперативно-розыскных, режимных и иных мероприятий от других осужденных. С учетом данной специфики указанные лица могут разрабатывать разные способы противодействия расследованию преступлений.

Несмотря на это, ограниченность территории исправительного учреждения способствует и наиболее быстрому установлению лиц, совершивших противоправные деяния. Другими словами, существуют *корреляции* между обстановкой и кругом осужденных, которые могут быть заподозрены в совершении преступлений против жизни и здоровья, а также между определенным местом, временем, способом. Это лица одного отряда, проживающие в одном помещении, работающие в одну смену, на одном объекте, размещающиеся на одном изолированном участке, а также ранее совершавшие аналогичные уголовно наказуемые деяния определенным способом [20, с. 65].

Территориальная ограниченность, закрытость, а также значительное скопление людей на конкретной территории позволяют быстро получить информацию и о самих преступлениях, связанных с умышленным причинением вреда жизни и здоровью. Данная оперативность обеспечивается круглосуточным надзором за осужденными, который осуществляют сотрудники исправительного учреждения по месту нахождения осужденных в камерах, общежитиях, на производственных объектах, а также в целом на территории жилых и производственных зон. Наши исследования показали, что в 43 % случаев информация о преступлениях рассматриваемой группы поступала в дежурную часть ИУ в течение одного часа, в 38 % – от одного до трех часов, в 19 % – от трех и более часов.

В местах лишения свободы обеспечена возможность быстрого получения сведений, характеризующих преступника, потерпевшего (пострадавшего) и других участников произошедшего события. Такая информация сосредоточивается в личных делах, хранящихся в подразделениях специального учета, а также в оперативных, воспитательных подразделениях, медицинских частях, психологической службе либо в других отделах и службах. Сведения, характеризующие осужденного, облегчают подготовку субъектов расследования к проведению отдельных процессуальных и следственных действий [21, с. 88].

На протяжении значительного времени изучая процесс совершения преступлений в местах лишения свободы, мы пришли к своеобразному выводу о том, что существуют *корреляции* между спецификой обстановки конкретного исправительного учреждения, социальной средой, преступной деятельностью, механизмом противоправной деятельности, поведением осужденных во время расследования. Все перечисленное обуславливает дополнительную (конкретную) специфику расследования преступлений, наличие действенного взаимодействия [22] дознавателя, следователя с оперативными уполномоченными, представителями службы безопасности того учреждения, в котором совершено преступление.

Из этого следует, что информация об обстановке совершения осужденными преступлений, связанных с умышленным причинением вреда жизни и здоровью в условиях исправительного учреждения, – одна из важных и необходимых характеристик данных противоправных деяний. Несмотря на то что обстановка в местах лишения свободы весьма специфична, при этом она тесно связана с другими составляющими криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 105, 111, 112 и 115 УК РФ, одними из которых выступают сведения о месте и времени совершения преступных деяний.

Данные о месте и времени совершения преступлений

Определяя значимость этих сведений, В. А. Образцов отмечает, что отсутствие такой информации у субъектов расследования негативно влияет на установление, изобличение личности преступника и иных обстоятельств совершенного преступного деяния [23, с. 91].

В контексте нашего исследования местом совершения преступления является исправительное учреждение. Согласно ч. 1 ст. 74 УИК РФ к учреждениям такого рода относятся исправительные, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные и иные учреждения. В свою очередь, исправительные колонии в зависимости от режима отбывания наказания подразделяются на колонии-поселения, колонии общего, строгого и особого режимов (ч. 2 ст. 74 УИК РФ). Как показало изучение практики, 91 % преступлений, связанных с умышленным причинением вреда жизни и здоровью, совершается осужденными в исправительных колониях. Объясняется это с тем,

что колонии составляют основную часть всех учреждений уголовно-исправительной системы, в которых свыше 90 % лиц отбывает наказания в виде лишения свободы [24, с. 6–23]. Большинство анализируемых преступных деяний приходится на колонии строгого режима (65 %), в колониях особого режима совершается 17 % преступных деяний, в колониях общего режима – 14 %, в колониях-поселениях – 4 %. Примерно аналогичные данные приводит С. В. Расторопов, исследуя преступления, предусмотренные ст. 111 УК РФ (64 % – строгий, 24 % – особый, 12 % – общий режим) [25, с. 68]. Выявленная закономерность подтверждается и официальной статистикой. Она указывает на то, что в колониях строгого и особого режимов отбывают наказание осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления, чаще совершенные неоднократно. К тому же в таких исправительных колониях более высокая концентрация осужденных, а также тесные межличностные контакты.

Наиболее распространенными местами совершения преступлений являются: общежития для осужденных – 42 %; производственные помещения (цеха, участки) – 20 %; локальные (изолированные) участки общежитий для осужденных – 12 %; столовая и прилегающая к ней территория – 8 %; карантинные помещения для приема вновь прибывших осужденных – 5 %; лечебно-бытовые объекты (баня, медицинская часть) и прилегающие к ним территории – 5 %; территория, связанная с исполнением дисциплинарного наказания (штрафной изолятор, помещение камерного типа), – 3 %; культурно-досуговые объекты (клуб, спортзал) и прилегающие к ним территории – 3 %; иные места исправительных колоний – 2 %.

Исходя из приведенных данных, общежитие осужденных является наиболее типичным местом, где совершаются преступления против жизни и здоровья. Объяснить данное обстоятельство можно тем, что на сравнительно небольшой замкнутой территории располагается значительное количество осужденных, многие из которых при этом по различным причинам не заняты на производстве. Им свойственны эмоциональная неустойчивость, раздражительность, неадекватные эмоциональные реакции, конфликтность в разных ситуациях, стремление к доминированию, самоутверждению, подавлению других [26, с. 71].

Несмотря на ограниченность территории исправительного учреждения и концентрацию на ней значительного количества людей, осужденные, планирующие совершить преступления рассматриваемой группы, также стараются использовать определенные места, для которых характерны уединенность, безлюдность, слабая освещенность и низкая просматриваемость аппаратурой видеорегистрации. Это позволяет злоумышленнику (злоумышленникам) прежде всего избежать очевидцев происшествия, какого-либо вмешательства со стороны сотрудников, а также в дальнейшем уничтожить материальные следы, орудия преступления и скрыться с места происшествия. В зависимости от времени суток данными

местами в учреждениях являются бытовые комнаты, комнаты для хранения продуктов питания, умывальники, туалеты, комнаты хранения личных вещей, лестничные площадки, коридоры, раздевалки, душевые, складские, иные небольшие и отдаленные помещения [27; 28, с. 118].

Любое явление, событие, в том числе умышленное причинение вреда жизни и здоровью, совершенное осужденными в местах лишения свободы, не может существовать вне времени. Его следует рассматривать не только как календарную дату, конкретное время совершения преступления, но и как совокупность иных временных данных: время года, суток, нахождения осужденного в определенных местах исправительного учреждения и пр. Это позволяет наиболее быстро установить преступника, очевидцев происшествия, иных свидетелей, а также выяснить иные источники доказательств [29, с. 110].

Анализ уголовных дел показал, что 59 % преступлений, предусмотренных ст. 105, 111, 112 и 115 УК РФ, совершалось осужденными при нахождении основной части начальствующего состава за пределами исправительного учреждения – с 17 до 8 часов следующих суток. В вечернее время (с 17 до 22 часов) совершено 28 % преступлений, в ночное время (с 22 до 6 часов) – 51 % и ранним утром (с 6 до 8 часов) – 21 %.

Изучение уголовных дел вскрыло *корреляцию* между промежутком времени с 22 до 6 часов и организованным характером, продуманностью противоправной деятельности, сокрытием следов, отсутствием очевидцев преступлений. Существует взаимосвязь и между подготовкой и указанным временем противоправной деятельности. Совершение преступления в такой временной интервал позволяет злоумышленнику (злоумышленникам) заставить враг-жертву, лишит ее возможности выбрать тактику эффективной защиты от нападения, избежать очевидцев происшествия, вмешательства сотрудников исправительного учреждения, уничтожить следы, орудия преступления и максимально скрытно покинуть место происшествия.

Преступления, связанные с умышленным причинением вреда жизни и здоровью, совершаемые в промежуток времени с 8 до 17 часов (период полного рабочего дня начальствующего состава и работников исправительного учреждения), в большинстве случаев (41 %) являются спонтанными, в результате развития краткосрочных конфликтных ситуаций среди осужденных.

Выводы

Подводя итог изложенному, выделим следующее:

1. Криминалистическую характеристику умышленного причинения осужденными вреда жизни и здоровью в условиях мест лишения свободы составляют следующие типичные сведения, относящиеся: к способам совершения преступлений, включая подготовку и приемы сокрытия; орудиям (приспособлениям), служащим для причинения вреда жизни или здоровью осужденных; обстановке, в которой происходило противоправное деяние; месту и времени совершения преступления; свойствам личности преступника и потерпевшего; следам и предметам, оставленным на месте происшествия; мотивам, побуждавшим совершить преступление посягательство; обстоятельствам, способствовавшим преступным деяниям.

2. На основе анализа, обобщения теоретических и практических материалов показаны основные корреляции между способом совершения преступления и физической подготовкой преступника; местом совершения и орудиями, способом реализации замысла; временем и местом противоправной деятельности; групповым характером и механизмом преступления. Следует сказать и о том, что в местах лишения свободы неофициальные нормы поведения осужденных выступают общей *корреляцией* совершения преступлений против жизни и здоровья. Речь идет о тех выявленных случаях, когда осужденные, ориентируясь на специфические условия и контингент отбывающих наказание, готовили приспособления для причинения вреда жизни и здоровью заранее, чтобы постоять за себя, ответить на возможные оскорбления, используя такой предмет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бессонов А. А. Способ преступления как элемент его криминалистической характеристики // Проблемы в российском законодательстве. 2014. № 4. С. 171–173.
2. Зуйков Г. Г. Установление способа совершения преступления при помощи криминалистических экспертиз и исследований. М., 1970. 45 с.
3. Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976. 28 с.
4. Куранова Э. Д. Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений // Вопросы криминалистики. 1962. № 6–7. С. 152–166.
5. Ишигеев В. С. Проблемы теории и практики расследования преступлений против личности, совершенных в местах лишения свободы // Уголовно-правовые и криминалистические аспекты : моногр. Иркутск, 2002. 217 с.
6. Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления // Социалистическая законность. 1971. № 11. С. 14–19.
7. Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск, 2001. 304 с.
8. Алексиевич О. Н., Варданян А. В. Использование знаний о способах преступлений против жизни и здоровья в выявлении и разоблачении ложного алиби // Юристы-Правоведь. 2008. № 6. С. 35–38.

9. Медведев С. И. Расследование убийств и причинение телесных повреждений в исправительно-трудовых учреждениях : учеб. пособ. Рязань, 1987. 72 с.
10. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики : учеб. : в 3 т. М., 1979. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. 407 с.
11. Анненкова Т. С. Обстановка совершения преступления и криминалистические методы ее исследования : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 225 с.
12. Бессонов А. А. Обстановка преступления как элемент его криминалистической характеристики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 6 (101). С. 158–163.
13. Букаева И. Н. Обстановка совершения преступления, получение и использование информации о ней при расследовании уголовных дел : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. 222 с.
14. Гавло В. К. Обстановка преступления как структурный компонент криминалистической характеристики преступления // Проблемы совершенствования тактики и методики расследования преступлений : сб. науч. тр. Иркутск, 1980. С. 49–55.
15. Дечкин О. М., Шурухнов Н. Г. Основания криминалистической классификации преступлений, причиняющих умышленный вред жизни и здоровью, совершенных осужденными, отбывающими наказание в местах лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 4 (56). С. 778–790.
16. Ишигеев В. С. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. 142 с.
17. Куликов В. И. Обстановка совершения преступлений и ее криминалистическое значение : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. 238 с.
18. Яблоков Н. П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика преступлений : сб. науч. тр. М., 1984. С. 34–40.
19. Мальчук О. И., Румянцев Н. В. Криминалистический анализ обстановки совершения преступлений осужденными // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2. С. 259–261.
20. Шурухнов Н. Г. Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. 508 с.
21. Нуждин А. А. Специфика обстановки совершения осужденными преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1 (88). С. 87–91.
22. Шурухнов Н. Г. Факторы, обуславливающие потребность, и специфика правовых оснований взаимодействия следователей, дознавателей с уполномоченными лицами оперативных подразделений ФСИН России // Экономика. Право. Общество. 2022. Т. 7, № 4 (32). С. 92–99.
23. Образцов В. А. Выявление и изблечение преступника. М., 1997. 333 с.
24. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, январь–декабрь 2021 г. : информац.-аналит. сб. Тверь, 2022. 436 с.
25. Расторопов С. В. Борьба с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью граждан в исправительных колониях : моногр. М. ; Рязань, 2000. 254 с.
26. Михайлова В. П., Трофимова М. В. Взаимосвязь агрессии и акцентуации характера у осужденных с разным типом девиантного поведения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2009. № 3 (39). С. 71–78.
27. Акчурин А. В., Шруб М. П. Криминалистическая характеристика преступлений против жизни и здоровья, совершаемых осужденными в местах лишения свободы. Рязань ; Минск, 2018. 33 с.
28. Акчурин А. В., Миролубов С. Л. Вопросы криминалистической характеристики умышленного причинения тяжкого вреда здоровью осужденными, отбывающими наказание в исправительных колониях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 117–124.
29. Селиванов Н. А. Вещественные доказательства (криминалистическое и уголовно-процессуальное исследование). М., 1971. 198 с.

REFERENCES

1. Bessonov A.A. The method of crime as an element of its criminalistic characteristics. *Problemy v Rossiiskom zakonodatel'stve = Problems in Russian Legislation*, 2014, no. 4, pp. 171–173. (In Russ.).
2. Zuikov G.G. *Ustanovlenie sposoba soversheniya prestupleniya pri pomoshchi kriminalisticheskikh ekspertiz i issledovanii* [Establishing the method of committing a crime with the help of forensic examinations and research]. Moscow, 1970. 45 p.
3. Kolesnichenko A.N. *Obshchie polozheniya metodiki rassledovaniya otdel'nykh vidov prestuplenii* [General provisions of the methodology of investigation of certain types of crimes]. Kharkov, 1976. 28 p.
4. Kuranova E.D. On the main provisions of the methodology of investigation of certain types of crimes. *Voprosy kriminalistiki = Issues of Criminology*, 1962, no. 6–7, pp. 152–166. (In Russ.).
5. Ishigeev V.S. *Problemy teorii i praktiki rassledovaniya prestuplenii protiv lichnosti, sovershennykh v mestakh lisheniya svobody: ugolovno-pravovye i kriminalisticheskie aspekty: monog.* [Problems of theory and practice of investigation of crimes against the person committed in places of deprivation of liberty: criminal law and forensic aspects: monograph]. Irkutsk, 2002. 217 p.
6. Zuikov G.G. Criminalistic doctrine of the method of committing a crime. *Sotsialisticheskaya zakonnost' = Socialist Legality*, 1971, no. 11, pp. 14–19. (In Russ.).
7. Ermolovich V.F. *Kriminalisticheskaya kharakteristika prestuplenii* [Criminalistic characteristics of crimes]. Minsk, 2001. 304 p.

8. Aleksienko O.N., Vardanyan A.V. The use of knowledge about the methods of crimes against life and health in identifying and exposing a false alibi. *Yurist''-Pravoved'' = Lawyer-Legal Expert*, 2008, no. 6, pp. 35–38. (In Russ.)
9. Medvedev S.I. *Rassledovanie ubiistv i prichinenie telesnykh povrezhdenii v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh: ucheb. posob.* [Investigation of murders and infliction of bodily injuries in correctional labor institutions: textbook manual]. Ryazan, 1987. 72 p.
10. Belkin R.S. Forensic means, techniques and recommendations: textbook. In: *Kurs sovetskoi kriminalistiki: v 3 t. T. 3* [Course of Soviet criminalistics: in 3 volumes. Volume 3]. Moscow, 1979. 407 p.
11. Annenkova T.S. *Obstanovka soversheniya prestupleniya i kriminalisticheskie metody ee issledovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [The situation of the commission of a crime and forensic methods of its research: Candidate of Sciences (Law)]. Saratov, 2007. 225 p.
12. Bessonov A.A. Crime situation as an element of its criminalistic characteristics. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2014, no. 6 (101), pp. 158–163. (In Russ.)
13. Bukaeva I.N. *Obstanovka soversheniya prestupleniya, poluchenie i ispol'zovanie informatsii o nei pri rassledovanii ugovolnykh del: diss. ... kand. yurid. nauk* [The situation of the crime commission, obtaining and using information about it in the investigation of criminal cases: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Tyumen, 2005. 222 p.
14. Gavlo V.K. Crime situation as a structural component of criminalistic characteristics of crime. In: *Problemy sovershenstvovaniya taktiki i metodiki rassledovaniya prestuplenii: sb. nauch. tr.* [Problems of improving tactics and methods of crime investigation: collection of scientific papers]. Irkutsk, 1980. Pp. 49–55. (In Russ.)
15. Dechkin O.M., Shurukhnov N.G. Grounds for criminalistic classification of crimes against human life and health committed by convicts serving imprisonment sentences in places of deprivation of liberty. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 778–790. (In Russ.)
16. Ishigeev V.S. *Obstanovka soversheniya prestupleniya kak element ego kriminalisticheskoi kharakteristiki: diss. ... kand. yurid. nauk* [The crime scene as an element of its forensic characteristic: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saint Petersburg, 1996. 142 p.
17. Kulikov V.I. *Obstanovka soversheniya prestuplenii i ee kriminalisticheskoe znachenie: diss. ... kand. yurid. nauk* [The crime scene and its criminalistic significance: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1983. 238 p.
18. Yablokov N.P. The situation of the commission of a crime as an element of its criminalistic characteristics. In: *Kriminalisticheskaya kharakteristika prestuplenii: sb. nauch. tr.* [Forensic characteristic of crimes: collection of scientific papers]. Moscow, 1984. Pp. 34–40. (In Russ.)
19. Mal'chuk O.I., Rummyantsev N.V. Criminalistic analysis of the situation of crimes committed by convicts. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2017, no. 2, pp. 259–261. (In Russ.)
20. Shurukhnov N.G. *Rassledovanie i preduprezhdenie prestuplenii, sovershaemykh osuzhdennymi v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Investigation and prevention of crimes committed by convicts in correctional labor institutions: Doctor of Sciences (Law)]. Moscow, 1991. 508 p.
21. Nuzhdin A.A. Specifics of the situation when convicted persons commit crimes in institutions of the penal enforcement system. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2015, no. 1 (88), pp. 87–91. (In Russ.)
22. Shurukhnov N.G. Factors determining the need and the specifics of the legal grounds for the interaction of investigators, interrogators with authorized persons of operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo = Economics. Law. Society*, 2022, vol. 7, no. 4 (32), pp. 92–99. (In Russ.)
23. Obraztsov V.A. *Vyavlenie i izoblichenie prestupnika* [Identification and exposure of the criminal]. Moscow, 1997. 333 p.
24. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii, yanvar'-dekabr' 2021 g.: informats.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system of the Russian Federation, January–December 2021: information and analytical collection]. Tver, 2022. 436 p.
25. Rastoropov S.V. *Bor'ba s umyshlennym prichineniem tyazhkogo vreda zdorov'yu grazhdan v ispravitel'nykh koloniyakh: monogr.* [The fight against intentional infliction of serious harm to the health of citizens in correctional colonies: monograph]. Moscow, Ryazan, 2000. 254 p.
26. Mikhailova V.P., Trofimova M.V. Interrelation of aggression and accentuation of character in convicts with different types of deviant behavior. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2009, no. 3 (39), pp. 71–78. (In Russ.)
27. Akchurin A.V., Shrub M.P. *Kriminalisticheskaya kharakteristika prestuplenii protiv zhizni i zdorov'ya, sovershaemye osuzhdennymi v mestakh lisheniya svobody* [Criminalistic characteristics of crimes against life and health committed by convicts in places of deprivation of liberty]. Ryazan; Minsk, 2018. 33 p.
28. Akchurin A.V., Mirolyubov S.L. Issues of criminalistic characteristics of intentional infliction of grievous bodily harm of convicts serving sentences in correctional colonies. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 2017, no. 2 (28), pp. 117–124. (In Russ.)
26. Selivanov N.A. *Veshchestvennye dokazatel'stva (kriminalisticheskoe i ugovolno-protsessual'noe issledovanie)* [Material evidence (forensic and criminal procedural research)]. Moscow, 1971. 198 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

NIKOLAI G. SHURUKHNOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher at the Research Institute of

Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России, Рязань, Россия, matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ДЕЧКИН – старший преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, olegd4105@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4956-8655>

the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

OLEG M. DECHKIN – Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Law Enforcement Intelligence Operations of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, olegd4105@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4956-8655>

Статья поступила 26.03.2023

Условный характер применения замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания как путь совершенствования данного института уголовного права

МИКАЭЛ РАФАЭЛЕВИЧ БАЛАСАНОВ

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия,
balasanovmikael@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6251-765X>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются возможности совершенствования применения норм института замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (далее – замена наказания) посредством установления условий, при которых данный вид освобождения от наказания может быть отменен судом с реальным отбыванием неотбытой части наказания. *Цель:* на основе анализа научной литературы, доктринальных позиций, законодательных положений, примеров судебной практики обосновать перспективность и целесообразность введения условного характера применения замены наказания. *Методы:* исторический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм, теоретические методы формальной и диалектической логики. *Результаты:* ретроспективный обзор отечественного уголовного законодательства показал, что замена наказания изначально рассматривалась как форма условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, ввиду чего ей был свойственен аналогичный условный характер. С течением времени институт замены наказания становится более самостоятельным и одновременно приобретает безусловный характер применения. В рамках действующего правового регулирования осужденные, которые после применения в отношении их ст. 80 УК РФ злостно уклоняются от отбывания заменяющего наказания, оказываются в неоправданно льготном положении. Также имеются существенные риски, связанные с посткриминальным поведением лица, положение которого в результате замены наказания улучшилось. Более того, указанная замена наказания предполагает, что осужденный и в дальнейшем будет вести себя правомерно. Однако правовых механизмов, обеспечивающих гарантию правомерного поведения осужденного после применения замены наказания, не предусмотрено. Приведенные обстоятельства определяют перспективность введения условного характера применения замены наказания, что, как представляется, способно разрешить обозначенные проблемы. *Выводы:* в результате проведенного исследования в целях совершенствования и оптимизации института замены наказания обосновывается введение условного характера его применения, а также предлагается дополнение и изменение ст. 80 УК РФ.

Ключевые слова: освобождение от наказания; замена наказания; условный характер; условия применения; поощрение; стимулирование; справедливость.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Баласанов М. Р. Условный характер применения замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания как путь совершенствования данного института уголовного права // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 186–195. doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.008.

Original article

Conditional Nature of the Application of the Substitution of the Unserved Part of Punishment with a Milder Penalty as a Way to Improve This Criminal Law Institution

MIKAEL R. BALASANOVRussian State University of Justice, Moscow, Russia, balasanovmikael@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6251-765X>**Abstract**

Introduction: the article discusses the way to improve the application of norms of the institution of the substitution of the unserved part of punishment with a milder penalty (hereinafter – punishment substitution) by establishing conditions under which this type of exemption from punishment can be canceled by the court with the actual serving of the unserved part of the punishment. *Purpose:* based on the analysis of scientific literature, doctrinal positions, legislative provisions, and examples of judicial practice, to substantiate the prospects and expediency of introducing a conditional nature of the application of a sentence substitution. *Methods:* historical, comparative legal, method of interpretation of legal norms, theoretical methods of formal and dialectical logic. *Results:* a retrospective review of domestic criminal legislation showed that the substitution of punishment was initially considered as a form of conditional early release from serving a sentence, which is why it was characterized by a similar conditional nature. Over time, the institution of punishment substitution has become more independent and at the same time acquired an unconditional nature of application. Within the framework of the current legal regulation, convicts who, after the application of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation, maliciously evade serving a substitute sentence, find themselves in an unjustifiably preferential position. There are also significant risks associated with the post-criminal behavior of a person whose situation has improved as a result of the punishment replacement. Moreover, this substitution of punishment implies that the convicted person will continue to behave lawfully. However, there are no legal mechanisms that guarantee the law-abiding behavior of a convicted person after the application of a sentence substitution. These circumstances determine prospects for the introduction of a conditional nature of the application of punishment substitution. *Conclusion:* as a result of the conducted research, in order to improve and optimize the institution of punishment substitution, the introduction of the conditional nature of its application is justified, as well as the addition and amendment of Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed.

Keywords: release from punishment; substitution of punishment; conditional nature; conditions of application; encouragement; stimulation; justice.

5.1.4. Criminal law sciences

For citation: Balasanov M.R. Conditional nature of the application of the substitution of the unserved part of punishment with a milder penalty as a way to improve this criminal law institution. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 186–195. doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.008.

Введение

Одной из ключевых задач уголовно-правовой доктрины является разрешение актуальных проблем, рассмотрение и анализ перспектив развития как уголовного права в целом, так и его отдельных институтов. При этом вектор научной мысли во многом задает актуальность того или иного правового феномена, которая в свою очередь обуславливается различными факторами: социально-экономическими, политическими условиями жизни общества и существованием государства; аспектами стратегического целеполагания в области нормативного регулирования; деятельностью законодателя по корректировке содержания уголовного закона, его реализацией на практике.

Так, одним из направлений уголовной политики, обозначенных в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на

период до 2030 года, является снижение числа осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, а также гуманизация уголовного законодательства и практики его применения в области назначения, исполнения наказаний, что обуславливает актуальность исследований в области видов освобождения от наказания, в частности межотраслевого института замены наказания как важного средства поощрительного и стимулирующего воздействия на осужденных. Замена наказания не только обеспечивает индивидуализацию его исполнения, но и воплощает собой прогрессивную систему исполнения наказания, основанную на принципах последовательности и постепенности снижения уровня уголовной репрессии. Вышеуказанное стало причиной роста интереса со стороны научного сообщества к замене наказания и связанным с ней вопросам.

В соответствии со ст. 80 УК РФ замена наказания имеет безусловный, окончательный характер, согласно которому вопрос ее отмены не ставится даже в случае последующего неправопослушного поведения осужденного. Таким образом, считаем допустимым утверждать, что законодателем избран исключительно ретроспективный подход. При этом результаты обзора специальной литературы демонстрируют: в подавляющем большинстве научных работ условный характер применения замены наказания, как правило, не подвергается анализу, а лишь констатируется. Однако среди ученых все же находятся как сторонники легализованной позиции, так и придерживающиеся противоположной точки зрения.

Например, О. В. Конкина полагает, что замена наказания обоснованно имеет безусловный характер, поскольку: 1) условный характер свойственен условно-досрочному освобождению, предполагающему больше льгот для осужденного; 2) в УК РФ предусмотрена возможность замены наказания на более строгое в случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания [1, с. 69–70]. А. А. Урусов, наоборот, отмечает необходимость условного характера применения рассматриваемого вида освобождения от наказания, аргументируя свою позицию возможным неоправданно льготным положением лиц, злостно уклоняющихся от отбывания заменяющего наказания после применения к ним ст. 80 УК РФ [2, с. 128].

Неоднородность точек зрения относительно поднятого вопроса прослеживается и в науке уголовного права советского периода. Так, А. Л. Цветинович предлагал сделать замену наказания условной [3, с. 162–163]. С этим не соглашался Ю. М. Ткачевский, «ибо если осужденный злостно уклоняется от исполнения наказания, назначенного в порядке замены, то возможна его замена другим, более тяжким наказанием в установленном законе порядке» [4, с. 38].

Из приведенного следует, что обращение к теме применения замены наказания не ограничивается лишь двадцать первым столетием, а свойственно и веку двадцатому. В этой связи в рамках проводимого исследования будет уместно обратиться к краткому историческому обзору уголовного законодательства Советской России в интересующей нас области.

Основная часть

Трансформация характера применения замены наказания в советский период истории.

Рассмотрение института замены наказания в ретроспективе советского уголовного законодательства позволяет сделать вывод о постепенной трансформации данного института, что коснулось и изменения характера его применения. Основы юридического родства институтов условно-досрочного освобождения и замены наказания, признаки которого отчетливо прослеживаются и сегодня, были заложены именно советским законодателем.

Согласно УК РСФСР 1922 г. замена наказания рассматривалась как форма условно-досрочного освобождения и имела аналогичный условный характер [5]. Такая же модель регулирования была свойственна для Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик 1924 г. и УК

РСФСР 1926 г. Наличие двух форм условно-досрочного освобождения советские теоретики объясняли необходимостью сочетания общего и специального предупреждения: «если осужденным совершено повторное или тяжкое преступление, то в этом случае предупреждению преступности скорее всего соответствует замена лишения свободы более мягким видом наказания» [5, с. 6].

С принятием в 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик степень самостоятельности замены наказания как института увеличилась: хотя замена наказания по-прежнему и регламентировалась в той же статье, что и условно-досрочное освобождение, она перестала рассматриваться как его форма, приобрела безусловный характер применения [4, с. 38] и нашла свое отражение в наименовании статьи. Вместе с тем и указанные Основы, и УК РСФСР 1960 г. содержали положение, в соответствии с которым, «применяя условно-досрочное освобождение от наказания или замену неотбытой части наказания более мягким наказанием, суд может возложить на определенный трудовой коллектив, с его согласия, обязанность по наблюдению за условно-досрочно освобожденным в течение неотбытой части назначенного судом срока наказания или за лицом, которому неотбытая часть наказания заменена более мягким наказанием, и проведению с ним воспитательной работы». По нашему мнению, данный этап можно охарактеризовать как переходный, когда условность применения замены наказания уже не предусматривалась, однако за лицом, в отношении которого была применена рассматриваемая замена, допускался некий квази-контроль, проходящий на probation и возлагаемый на трудовой коллектив, ввиду чего прослеживаются общие черты с условным освобождением.

В рамках одной статьи условно-досрочное освобождение, а также замена наказания рассматривались и в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., где уже не содержалось предписания о возможности суда возложить на трудовой коллектив определенные функции. Однако данный документ так и не был введен в действие.

Несомненно, советский опыт представляет интерес и в наши дни, а также позволяет сделать вывод, что условный характер применения замены наказания имеет свое место в истории развития отечественного уголовного законодательства. Возвращаясь к настоящему, отметим: по нашему мнению, является целесообразным рассмотреть возможность вновь придать замене наказания условный характер применения. Далее мы аргументируем выдвинутую позицию, рассмотрев значение условного характера для изучаемого института с различных сторон.

Условный характер применения замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания как способ устранения неоправданно льготного положения лиц, злостно уклоняющихся от отбывания заменяющего наказания.

Вопросы злостного уклонения от отбывания наказания нередко обсуждаются в уголовно-правовой доктрине [6; 7]. Однако в гораздо меньшей степени

уделяется внимание проблеме злостного уклонения от отбывания заменяющего наказания лицом, в отношении которого применена ст. 80 УК РФ.

В соответствии с ч. 3 ст. 80 УК РФ, а также абзацем 2 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» при определении срока заменяющего наказания суд должен учитывать, что: 1) он не может быть больше максимального срока наказания, предусмотренного Общей частью УК РФ для этого вида наказания (за исключением принудительных работ); 2) его верхний предел должен устанавливаться с учетом положений ч. 1 ст. 71 УК РФ. Следовательно, определение срока заменяющего наказания не представляет собой механической операции по пересчету, как, например, это установлено для замены более мягкого наказания на более строгое, когда применению подлежат ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53.1 УК РФ. Таким образом, в зависимости от того, ухудшает или улучшает правовое положение осужденного замена наказания, применяется разная методика определения окончательного срока наказания, а законодательный подход к применению ст. 80 УК РФ предполагает достаточную степень судебного усмотрения. Тем не менее на сегодняшний день с учетом имеющихся ограничений, прописанных в уголовном законе и разъяснениях пленума, в практике устоявшимся является правило равенства срока заменяющего наказания сроку неотбытой части заменяемого наказания [8, с. 21].

В этой связи возникает проблема, когда осужденный, в отношении которого была применена замена наказания, злостно уклоняется от отбывания заменяющего, более мягкого наказания. Дело в том, что такому лицу срок наказания будет определяться исходя из правил, регламентированных в ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53.1 УК РФ. Так, одному дню лишения свободы или одному дню принудительных работ соответствуют: два дня ограничения свободы, три дня исправительных работ или ограничения по военной службе, восемь часов обязательных работ.

Основываясь на имеющемся правовом регулировании с учетом устоявшейся судебной практики, для наглядности указанной проблемы смоделируем ситуацию. Лицо С. осуждено на четыре года лишения свободы за совершение тяжкого преступления. Согласно ч. 2 ст. 80 УК РФ для замены наказания на его более мягкий вид (за исключением принудительных работ) осужденному С. необходимо отбыть не менее половины срока наказания в виде лишения свободы, что составляет два года. По отбытии двух лет в отношении С. применена замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания в виде исправительных работ сроком на два года. Не начав отбывать заменяющее наказание, осужденный злостно уклонился от его отбывания. Суд по представлению уголовно-исполнительной инспекции по правилам ч. 4 ст. 50 УК РФ заменил два года исправительных работ на восемь месяцев лишения свободы, что в

три раза меньше, чем первоначально не отбытые два года. Таким образом, исключительно путем перерасчетов сроков наказания осужденный оказывается в неоправданно льготном положении, что вряд ли можно назвать справедливым.

Полагаем, условный характер применения замены наказания позволит разрешить указанную проблему. Данная модель регулирования подразумевает, что в случае злостного уклонения осужденного от отбывания заменяющего наказания (например, в виде исправительных работ) суд по представлению органа, исполняющего наказание, может постановить об отмене указанной замены наказания и исполнении оставшейся неотбытой части наказания по приговору суда.

Отметим, что в ч. 6 ст. 53.1 УК РФ законодатель предусмотрел замену принудительных работ более строгим наказанием в случае уклонения, а также признания осужденного к принудительным работам злостным нарушителем порядка и условий отбывания принудительных работ. В связи с этим считаем целесообразным для отмены замены наказания в виде лишения свободы на более мягкое наказание в виде принудительных работ предусмотреть аналогичные основания.

Если же лицо отбыло часть заменяющего наказания, то это необходимо учесть. Допустим, осужденный С. все же отбыл один год исправительных работ, а уже после злостно уклонился от отбывания оставшейся части наказания. В соответствии с предлагаемой нами схемой отбытый осужденным один год исправительных работ необходимо перевести в лишение свободы из расчета один день лишения свободы за три дня исправительных работ. Таким образом, производится перерасчет отбытого лицом одного года исправительных работ на четыре месяца лишения свободы. Отменяя в отношении осужденного С. замену наказания, следует вычесть из двух лет лишения свободы, которые были заменены ему на два года исправительных работ, полученные четыре месяца. В результате после отмены замены наказания осужденный С. должен будет отбыть один год восемь месяцев лишения свободы.

Однако условный характер применения замены наказания не исчерпывается возможностью ее отмены в случае злостного уклонения от отбывания заменяющего наказания. Иным аспектом его проявления является действие условного характера при совершении лицом, в отношении которого применена ст. 80 УК РФ, в период отбывания более мягкого наказания нового преступления. В таком случае при назначении наказания по совокупности приговоров суд должен исходить из неотбытой части наказания, назначенного по приговору суда, учитывая при этом отбытую часть заменяющего наказания в порядке, продемонстрированном выше.

Ввиду сферы применения замены наказания осужденный, которому лишение свободы было заменено на принудительные работы, может в дальнейшем претендовать на замену неотбытой части принудительных работ на еще более мягкое наказание. Об этом свидетельствует и абзац 2 п. 4.1 указанного

выше постановления пленума. В связи с этим закономерен вопрос: как будет действовать условный характер применения замены наказания, если в отношении лица ст. 80 УК РФ применена не единожды? Полагая, в этом случае при совершении лицом нового преступления «исходным» наказанием следует считать не назначенное по приговору суда, а определенное в постановлении о применении первой замены наказания. Аналогичного подхода следует придерживаться и в той ситуации, когда осужденный злостно уклонился от отбывания заменяющего наказания, назначенного ему в результате повторной замены наказания.

По нашему мнению, предложенный вариант регулирования в большей мере соответствует принципу справедливости. Он препятствует осужденным, которые после применения в отношении их ст. 80 УК РФ злостно уклоняются от отбывания заменяющего наказания, искусственно сокращать срок наказания. Тем самым такие лица не оказываются в неоправданно льготном положении, обусловленном разностью правил по пересчету сроков наказания в зависимости от вида замены наказания, улучшающей или ухудшающей условия для осужденного.

Условный характер применения как выражение стимулирующего начала замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Научная литература характеризуется многообразием подходов ученых к определению содержания замены наказания. Несмотря на плюрализм позиций, большинство авторов сходятся во мнении, что замена наказания предполагает не только поощрение, но и стимулирование. Так, С. Л. Бабаян отмечает, что замена наказания «является комплексным, межотраслевым, поощрительным институтом, реализующим функцию освобождения от отбывания наказания путем замены этого наказания более мягким видом наказания и стимулирующим правопослушное поведение» [9, с. 224]. По мнению Р. Р. Халилова, сущность замены наказания состоит как в поощрении, так и в стимулировании осужденного, вставшего на путь исправления [10, с. 24]. Д. Н. Матвеев приходит к заключению, что замена наказания применяется в целях стимулирования исправления, закрепления его результатов и предупреждения совершения осужденным новых преступлений [11, с. 7].

Ввиду дифференциации в науке стимулирования на негативное и позитивное [12; 13] заметим, что в рамках анализируемой замены наказания речь идет именно о последнем виде. В свою очередь «стимулирование в праве, – пишет О. В. Левин, – это процесс, направленный на побуждение человека к активной деятельности путем создания заинтересованности в достижении поощряемого результата, включающий критерий правового одобрения активного правомерного поведения, вследствие чего субъект приобретает какие-либо положительные последствия» [14, с. 8].

В контексте поощрительных институтов представляется допустимым рассматривать стимулирование как в узком, так и в широком смыслах слова. В первом варианте стимулирование проявляется исключительно в факте возможного поощрения и дальше этого факта не распространяется. Иными словами,

стимулирование полностью охватывается поощрением, становится его атрибутом. Лицо, осознавая благоприятную перспективу, испытывает мотивацию до тех пор, пока не достигнет позитивного результата. Во втором варианте стимулирование имеет продолжающийся характер, выходит за пределы поощрения, когда достигнутое благо не означает окончания действия стимула, а наоборот, являет собой новый импульс, направляя осужденного на дальнейшее правопослушное поведение.

Относительно замены наказания вернее исходить из значения стимулирования именно в широком смысле слова. Это объясняется тем, что данная замена ориентирована на максимальную эффективность наказания, то есть на достижение в кратчайшие сроки, допустимые уголовным законом, его целей посредством минимальных затрат. Поэтому интерес государственного механизма в вопросе реализации рассматриваемого вида освобождения от наказания главным образом определяется скорейшим исправлением осужденного. Применяя рассматриваемую замену в отношении лица, отбывающего наказание, государство не только положительно оценивает его поведение, но и оказывает ему доверие, признавая за ним позитивную тенденцию к исправлению и рассчитывая, что осужденный в дальнейшем будет ее развивать. Отсюда мы приходим к выводу, что действительность примененной замены наказания необходимо оценивать через призму посткриминального поведения осужденного. Соответственно, и ее оправданность возможно установить постфактум, когда осужденный после изменения своего положения в благоприятную сторону по-прежнему ведет себя правопослушно.

Значение рассматриваемого института состоит и в оптимизации, установлении соответствия между личностью осужденного и применяемым в его отношении уровнем уголовной репрессии. Если осужденный не ощущает дискомфорта от наказания, то оно обесценивается. Однако есть и обратная сторона медали: если осужденный испытывает излишний дискомфорт, чем необходимо, исходя из имеющегося набора обстоятельств, то он не просто не исправляется, а подвергается еще большей деформации.

Диспозиция ст. 80 УК РФ предписывает, что при разрешении вопроса о применении замены наказания суд должен учитывать поведение осужденного в течение всего периода отбывания наказания. Следовательно, можно предположить, что замена наказания содержит в себе два начала: ретроспективное (поощрение) и перспективное (стимулирование), имеет двойственный характер, поскольку основана на фактах прошлого, но обращена в будущее. Однако правовых механизмов, обеспечивающих гарантию правопослушного поведения осужденного после применения замены наказания, не предусмотрено. В результате неоправдание проявленного государством доверия никак не влияет на положение такого лица.

Также мы убеждены, что введение условного характера применения замены наказания никак не ущемляет прав осужденных. Если лицо в действи-

тельности встало на путь исправления, то условный характер никак его не обременяет. В ином случае, возникает вопрос оправданности примененной в отношении такого лица замены наказания.

Следует согласиться с В. В. Степановым, который рассматривает возможность отмены условно-досрочного освобождения как элемент стимулирования, что повышает эффективность данного института, а также делает вывод о соответствии основных задач испытательного срока целям уголовного наказания [15, с. 23]. Учитывая юридическую близость институтов условно-досрочного освобождения и замены наказания, вполне допустимым представляется проведение аналогии. Условный характер замены наказания соответствует стимулирующему заряду, который она в себе заключает, и, как следствие, обеспечивает еще большую эффективность. Заинтересованность осужденного в дальнейшем правоопослушном поведении укрепляется. Это способствует достижению целей исправления и предупреждения совершения новых преступлений, а также уменьшает степень риска, связанного с возможным последующим девиантным поведением осужденного.

Условный характер применения замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания как фактор уменьшения степени риска.

Мы разделяем мнение М. М. Бабаева о том, что «любой приговор, постановление или определение любого суда во все времена – это решение, принятое в условиях относительной ограниченности информации об обстоятельствах совершенного преступления, личности виновного лица, а также о подлинном содержании правовых норм, подлежащих применению» [16, с. 169]. Действительно, принимаемое судом решение всегда предполагает оценку конкретного набора фактов. Оценка, в свою очередь, неразрывно связана с ее субъектом и в определенной мере является выражением его внутренних качеств, установок, принципов. Субъективизм оценки в судебной деятельности подтверждается не только рассуждениями, но и текстом закона: судья оценивает «доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» (ст. 17 УПК РФ).

Основополагающее значение оценка имеет и при разрешении ходатайства или представления о замене наказания. Суду необходимо оценить степень исправления осужденного, данные о его личности, его отношение к труду и учебе во время отбывания наказания, имеющиеся поощрения, взыскания, их характер, наличие или отсутствие социальных связей. Усложняется данная задача достаточным уровнем абстрактности материального основания замены наказания в уголовном законодательстве, а также отсутствием конкретных и универсальных критериев оценки поведения осужденного.

Всякая оценочная деятельность как деятельность субъективная неизбежно предполагает риск неправомерности оценки. Исследуя общую теорию риска, А. А. Арямов приходит к заключению, что под ним целесообразно понимать «сознательно волевое по-

ведение лица, направленное на достижение правомерного результата в ситуации с неоднозначными перспективами развития, предполагающей вероятное наступление неблагоприятных последствий, повлекшее причинение прогнозируемого вреда» [17, с. 25]. По мнению иностранных исследователей, модель доктрины регулирования рисков в правовой деятельности имеет важное значение, поскольку тесным образом связана с процессом принятия судами решений [18, с. 428].

Однако неустранимость риска как данности не исключает возможности уменьшения его степени. В этом контексте особое значение приобретает прогнозирование, относящееся к одной из форм научного предвидения. Проблеме прогнозирования рисков как в процессе отправления уголовного правосудия в целом, так и в практике реализации институтов освобождения от наказания в частности особый интерес уделяется в зарубежной юриспруденции [19; 20]. Также достаточно исследованными являются типичные ситуации, когда причиняющее вред лицо действует в состоянии риска, что проявляется при совершении неосторожных преступлений [21], при действиях в условиях крайней необходимости [22] и т. д.

Применительно к замене наказания как поощрительному и стимулирующему институту, обращенному в будущее, направленному на достижение целей наказания, прогноз позволяет рассмотреть перспективу результативности ее применения. Мы исходим из позиции, согласно которой, если в период отбывания заменяющего наказания осужденный ведет себя неправомерно, что, например, может выражаться в злостном уклонении от отбывания наказания, примененному в отношении его замену наказания вряд ли можно назвать оправданной.

Обратим внимание, что и в отечественной науке предпринимались попытки разработки и внедрения прогностического подхода при разрешении вопроса об освобождении от наказания, позволяющего определить вероятность совершения лицом нового преступления [23]. В то же время на основании анализа массива статистических данных делается вывод о значительном количестве осужденных, повторно совершивших преступление после освобождения от наказания, что заставляет «задуматься над существующими подходами к перспективам применения института освобождения от наказания в судебной практике» [24, с. 331]. Несмотря на это, назвать прогностический подход утвердившимся в практической деятельности нельзя: суды нечасто располагают документами, содержащими прогноз поведения осужденного в будущем, а если такой документ и наличествует, то не всеми инстанциями он воспринимается одинаково.

Например, Рыбинский городской суд Ярославской области, отказывая осужденному Н. в удовлетворении ходатайства о замене наказания, в обоснование своих выводов указал, что Н. в 2021 г. имел только одно поощрение, в 2022 г. не имел поощрений, трудоустроен непродолжительный период времени. Суд также сослался на результаты психологического об-

следования, в соответствии с которыми у осужденного имеет место средняя вероятность девиации. Апелляционная инстанция критически отнеслась к данному обстоятельству и, обратившись к п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», закрепляющему отсутствие права у судов отказывать в УДО или замене наказания по основаниям, не содержащимся в законе, указала: «Однако, вопреки данным требованиям, суд сослался на результаты психологического обследования, не обосновав, как наличие средней вероятности девиации, выявленное у осужденного, влияет на разрешение его ходатайства» [25]. В результате указанное послужило одним из доводов для отмены постановления суда первой инстанции и направления дела на новое рассмотрение.

В правоприменительной практике встречаются и противоположные примеры, когда отказ в удовлетворении ходатайства о замене наказания на основании в том числе результатов психологического обследования оценивался вышестоящим судом как верный и обоснованный. Что примечательно, такие прецеденты имеют место в той же Ярославской области. Так, суд первой инстанции отказал в удовлетворении ходатайства о замене наказания, поскольку установил: у осужденного Л. за длительное время пребывания в местах лишения свободы количество полученных поощрений исчисляется единицами; положительная динамика поведения наблюдается непродолжительный период; осужденным было допущено два нарушения порядка отбывания наказания, одно из которых было допущено в следственном изоляторе до вступления приговора в силу, а другое снято досрочно; за период отбывания наказания Л. не проявлял инициативы ни к трудоустройству, ни к обучению в профессиональных образовательных учреждениях; результаты психологического обследования свидетельствуют о наблюдении у осужденного средней вероятности девиации [26].

Как следует из проанализированных судебных актов, говорить об однозначном отношении к прогностическому подходу не приходится даже в рамках судебной практики одного субъекта. В этой связи можно констатировать, что прогноз как фактор уменьшения степени риска при принятии решения о замене наказания не является устоявшимся, а потому вопрос преодоления такого риска остается открытым.

Представляется, что условный характер применения является оптимальным вариантом для снижения степени риска возможной неоправданности замены наказания. Преимущества легализации такого подхода предполагают следующее: во-первых, в случае проявления девиантного поведения, выразившегося в злостном уклонении от отбывания заменяющего наказания, осужденный возвращается к «исходному» положению. В нашем понимании это предотвращает ущерб интересам не только государства, заинтересованного в позитивной, развивающейся тенденции правомерного поведения осужденного, но и общества, потерпевших от совершенного преступления;

во-вторых, возможность отмены замены наказания действует стимулирующим образом, подавляя желание неправопослушного поведения, что, в свою очередь, является проявлением исправительного воздействия.

Заключение

Итак, результат обзора уголовного законодательства советского периода в интересующей нас области демонстрирует, что первоначально замена наказания рассматривалась как форма условно-досрочного освобождения, а потому имела аналогичный условный характер. В дальнейшем путь развития рассматриваемого института был нацелен на самостоятельность, что, в частности, привело к безусловному характеру его применения. В ходе проведенного исследования нами была предпринята попытка обосновать целесообразность установления условного характера применения замены наказания в рамках современного уголовного законодательства. По нашему мнению, это позволило бы усовершенствовать данный институт. Интерес к условному характеру применения замены наказания обусловлен сразу несколькими составляющими:

1. Условный характер применения замены наказания является эффективным способом устранения неоправданно льготного положения лиц, злостно уклоняющихся от отбывания заменяющего наказания. На примере было продемонстрировано, что действующее регулирование позволяет осужденным, которые после применения в их отношении ст. 80 УК РФ злостно уклоняются от отбывания заменяющего наказания, оказываться в неоправданно льготном положении, обусловленном разностью правил по пересчету сроков наказания в зависимости от вида замены наказания, улучшающей или ухудшающей условия для осужденного. Указанная ситуация не только создает предпосылки для злоупотреблений, но и не соответствует принципу справедливости.

2. Условный характер применения замены наказания может и должен рассматриваться как выражение стимулирующего начала замены наказания, как гарантия дальнейшего правомерного поведения осужденного. Данное обстоятельство приобретает особое значение, поскольку институт замены наказания имеет не только поощрительную, но и стимулирующую составляющую. Причем стимулирование в данном случае следует толковать как продолжающийся процесс, который выходит за пределы поощрения, когда достигнутое благо не означает окончания действия стимула, а наоборот, являет собой новый импульс, направляя осужденного на дальнейшее правомерное поведение. Полагаем, оправданность примененной замены наказания возможно установить постфактум, когда осужденный после изменения своего положения в благоприятную сторону по-прежнему ведет себя правомерно, а это в свою очередь коррелирует с эффективностью указанного вида освобождения от наказания. Условный характер подкрепляет заинтересованность осужденного в дальнейшем позитивном поведении, что способствует достижению целей исправления и предупреждения совершения новых преступлений.

3. Условный характер применения замены наказания выступает в роли фактора уменьшения степени риска последующего девиантного поведения осужденного. Любое судебное решение связано с риском негативных последствий, поскольку предполагает оценочную деятельность. В контексте применения замены наказания это особенно актуально, поскольку легализованное в ст. 80 УК РФ материальное основание не относится к числу конкретных, а ни уголовный закон, ни постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 не содержат критериев оценки степени исправления осужденного. Более того, на сегодняшний день не нашел широкого распространения и прогностический подход, призванный уменьшить степень указанного риска. Поэтому считаем, что условный характер применения является оптимальным вариантом для снижения степени риска возможной неоправданности замены наказания, поскольку в случае девиантного поведения осужденного позволяет вернуть его к «исходному» положению, тем самым предотвратив ущерб интересам как государства, общества, так и потерпевших от совершенного преступления.

На основании вышеизложенного представляется целесообразным дополнить ст. 80 УК РФ следующими положениями:

«5. Если в течение отбывания заменяющего наказания:

а) осужденный уклонился от отбывания принудительных работ, либо был признан злостным нарушителем порядка и условий отбывания принудительных работ, либо злостно уклонился от отбывания иного наказания, суд по представлению органа, исполняющего наказание, может постановить об отмене замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания и исполнении оставшейся неотбытой части наказания по приговору суда;

б) осужденный совершил преступление, суд отменяет замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания и назначает ему наказание по правилам, предусмотренным статьей 70 настоящего Кодекса.

6. В случае отмены замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания отбытый осужденным срок заменяющего наказания подлежит зачету по правилам, предусмотренным статьей 71 настоящего Кодекса.

7. Если осужденному неотбытая часть наказания в виде лишения свободы была заменена принудительными работами, то в дальнейшем неотбытая часть наказания в виде принудительных работ может быть заменена еще более мягким видом наказания. В отношении указанных лиц суд, отменяя замену принудительных работ на более мягкий вид наказания, исходит из оставшейся неотбытой части принудительных работ, а не лишения свободы.»

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конкина О. В. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000. 229 с.
2. Урусов А. А. Проблемы уголовно-правового регулирования замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Вестник Кузбасского института. 2020. № 2 (43). С. 122–133.
3. Цветинович А. Л. Досрочное освобождение от наказания по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. 243 с.
4. Ткачевский Ю. М. Замена уголовного наказания в процессе исполнения. М., 1982. 134 с.
5. Ефимов М. А. Условно-досрочное и досрочное освобождение по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1958. 16 с.
6. Демидов О. Г. Уклонение от наказания: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 189 с.
7. Чорная У. В. Последствия злостного уклонения от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы (уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2015. 179 с.
8. Пудовочкин Ю. Е., Генрих Н. В. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания: проблемы судебной практики // Уголовное право. 2022. № 5 (141). С. 13–25.
9. Бабаян С. Л. Поощрительные институты уголовно-исполнительного права (теория и практика применения) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 592 с.
10. Халилов Р. Р. Меры уголовно-правового поощрения позитивного поведения осужденных, отбывающих лишение свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2021. 25 с.
11. Матвеев Д. Н. Замена наказания как институт уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 27 с.
12. Голик Ю. В. Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения: вопросы теории. Новосибирск, 1992. 80 с.
13. Звечаровский И. Э. Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование. Иркутск, 1993. 123 с.
14. Левин О. В. Стимулирование в праве: теоретические и практические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2006. 26 с.
15. Степанов В. В. Проблемы теории и практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (на примере Тамбовской области) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 29 с.
16. Бабаев М. М. Риск-ориентированное правосудие // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 2. С. 167–180.
17. Арямов А. А. Общая теория риска (юридический, экономический и психологический анализ). М., 2009. 173 с.
18. Kent M. B., Denning Brannon P. Judicial Doctrine as Risk Regulation // Tennessee Law Review. 2015. Vol. 82. Pp. 405–442.

19. Hannah-Moffat K. Algorithmic Risk Governance: Big Data Analytics, Race and Information Activism in Criminal Justice Debates // *Theoretical Criminology*. 2018. Vol. 23, iss. 4. Pp. 453–470.
20. Greene J., Dalke I. «You're Still an Angry Man»: Parole Boards and Logics of Criminalized Masculinity // *Theoretical Criminology*. 2021. Vol. 25, iss. 4. Pp. 639–662.
21. Güngerich A., Walpen A. Rechtliche Aspekte eines risiko- und effizienzbasierten Sicherheitskonzepts // *Sicherheit & Recht*. 2011. No 2. Pp. 105–117.
22. Nash J. R. The Supreme Court and the Regulation of Risk in Criminal Law Enforcement // *Boston University Law Review*. 2012. Vol. 92, no 1. Pp. 171–225.
23. Дядченко Е. А., Ежова О. Н. Система оценки осужденных при направлении материалов в суд для решения вопроса об условно-досрочном освобождении // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2010. № 12 (103). С. 39–45.
24. Андрианов В. К., Пудовочкин Ю. Е., Толкаченко А. А. Институт освобождения от наказания в аспекте прогнозирования и рискологии // *Всероссийский криминологический журнал*. 2022. Т. 16, № 3. С. 329–341.
25. Апелляционное постановление Ярославского областного суда № 22-1638/2022 от 4 августа 2022 г. по делу № 4/16-99/22. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HVZjxa2UN8bO/?regular-> (дата обращения: 05.03.2023).
26. Апелляционное постановление Ярославского областного суда № 22-1868/2021 от 5 октября 2021 г. по делу № 4/17-369/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hdWIUNWBj3bW/?regular-> (дата обращения: 05.03.2023).

REFERENCES

1. Konkina O.V. *Zamena neotbytoi chasti nakazaniya bolee myagkim vidom nakazaniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Substitution of the unserved part of the punishment with a milder type of the penalty: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ryazan, 2000. 229 p.
2. Urusov A.A. Problems of criminal law regulation of replacement of the unserved part of punishment with a milder type of punishment. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2020, no. 2 (43), pp. 122–133 (In Russ.).
3. Tsvetnikov A.L. *Dosrochnoe osvobozhdenie ot nakazaniya po sovetskomu ugovnomu pravu: dis. ... kand. yurid. nauk* [Early release from punishment under Soviet criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1973. 243 p.
4. Tkachevskii Yu.M. *Zamena ugovnogo nakazaniya v protsesse ispolneniya* [Replacement of criminal punishment in the course of execution]. Moscow, 1982. 134 p.
5. Efimov M.A. *Uslovno-dosrochnoe i dosrochnoe osvobozhdenie po sovetskomu ugovnomu pravu: avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk* [Parole and early release in Soviet criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Leningrad, 1958. 16 p.
6. Demidov O.G. *Uklonenie ot nakazaniya: ugovno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk* [Evasion of punishment: criminal law and criminological aspects: Candidate of Sciences (Law) degree dissertation]. Ryazan, 2004. 189 p.
7. Chornaya U.V. *Posledstviya zloznogo ukloneniya ot otbyvaniya nakazanii, ne svyazannykh s lisheniem svobody (ugovno-pravovoi i ugovno-ispolnitel'nyi aspekty): dis. ... kand. yurid. nauk* [Consequences of malicious evasion from serving sentences not related to imprisonment (criminal law and penal enforcement aspects): Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ryazan, 2015. 179 p.
8. Pudovochkin Yu.E., Genrikh N.V. Replacement of the unserved part of the punishment with a more lenient one: problems of judicial practice. *Ugovnoe pravo = Criminal Law*, 2022, no. 5 (141), pp. 13–25. (In Russ)
9. Babayan S.L. *Pooshchritel'nye instituty ugovno-ispolnitel'nogo prava (teoriya i praktika primeneniya): dis. ... d-ra yurid. nauk* [Incentive institutions of criminal-executive law (theory and practice of application): Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2014. 592 p.
10. Khalilov R.R. *Mery ugovno-pravovogo pooshchreniya pozitivnogo povedeniya osuzhdennykh, otbyvayushchikh lishenie svobody: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Measures of criminal-legal encouragement of positive behavior of convicts serving imprisonment: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan, 2021. 25 p.
11. Matveev D.N. *Zamena nakazaniya kak institut ugovnogo prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Substitution of punishment as an institute of criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan, 2006. 27 p.
12. Golik Yu.V. *Ugovno-pravovoe stimulirovanie pozitivnogo povedeniya: voprosy teorii* [Criminal law stimulation of positive behavior: questions of theory]. Novosibirsk, 1992. 80 p.
13. Zvecharovskii I.E. *Postkriminal'noe povedenie: ponyatie, otvetstvennost', stimulirovanie* [Post-criminal behavior: concept, responsibility, stimulation]. Irkutsk, 1993. 123 p.
14. Levin O.V. *Stimulirovanie v prave: teoreticheskie i prakticheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Stimulation in law: theoretical and practical aspects: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Nizhny Novgorod, 2006. 26 p.
15. Stepanov V.V. *Problemy teorii i praktiki uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya (na primere Tambovskoi oblasti): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of theory and practice of parole from serving a sentence (on the example of the Tambov Oblast): Candidate of Legal Sciences dissertation abstract]. Moscow, 2009. P. 29.
16. Babaev M.M. Risk-oriented justice. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 167–180. (In Russ.).
17. Aryamov A.A. *Obshchaya teoriya riska (yuridicheskii, ekonomicheskii i psikhologicheskii analiz)* [General theory of risk (legal, economic and psychological analysis)]. Moscow, 2009. 173 p.
18. Kent M.B. Jr., Denning B.P. Judicial doctrine as risk regulation. *Tennessee Law Review*, 2015, vol. 82, pp. 405–422.
19. Hannah-Moffat K. Algorithmic Risk Governance: Big Data Analytics, Race and Information Activism in Criminal Justice Debates. *Theoretical Criminology*, 2018, vol. 23, no. 4, pp. 453–470.
20. Greene J., Dalke I. "You're still an angry man": parole boards and logics of criminalized masculinity. *Theoretical Criminology*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 639–662.

21. Güngerich A., Walpen A. Rechtliche Aspekte eines risiko- und effizienzbasierten Sicherheitskonzepts. *Sicherheit & Recht*, 2011, no. 2, pp. 105–117. (In German).
22. Nash J.R. The Supreme Court and the regulation of risk in criminal law enforcement. *Boston University Law Review*, 2012, vol. 92, no. 1, pp. 171–225.
23. Dyadchenko E.A., Ezhova O.N. The system of evaluation of convicts when sending materials to the court to resolve the issue of parole. *Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy = News of the Penal System*, 2010, no. 12 (103), pp. 39–45. (In Russ.).
24. Andrianov V.K., Pudovochkin Yu.E., Tolkachenko A.A. The institute of release from punishment in the aspect of forecasting and risk management. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 3, pp. 329–341. (In Russ.).
25. *Apellyatsionnoe postanovlenie Yaroslavskogo oblastnogo suda № 22-1638/2022 ot 4 avgusta 2022 g. po delu No. 4/16-99/22* [Appeal decision of the Yaroslavl Regional Court No. 22-1638/2022 of August 4, 2022 in case No. 4/16-99/22]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/HVZjxa2UN8bO/?regular-> (accessed March 5, 2023).
3. *Apellyatsionnoe postanovlenie Yaroslavskogo oblastnogo suda № 22-1868/2021 ot 5 oktyabrya 2021 g. po delu No. 4/17-369/2021* [Appeal Decision of the Yaroslavl Regional Court No. 22-1868/2021 of October 5, 2021 in case No. 4/17-369/2021]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/hdWIUNWBJ3bW/?regular-> (accessed March 5, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МИКАЭЛ РАФАЭЛЕВИЧ БАЛАСАНОВ – аспирант кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, Москва, Россия, balasanovmikael@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6251-765X>

MIKAEL R. BALASANOV – Postgraduate Student of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice, Moscow, Russia, balasanovmikael@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6251-765X>

Статья поступила 24.03.2023

Административное усмотрение в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний: теоретико-доктринальное осмысление

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СТАРОСТИН

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия
SASTAROSTIN@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>

Реферат

Введение: статья посвящена изучению вопросов, связанных с развитием и формированием доктрины административного усмотрения в российской правовой науке, законодательным регулированием административного усмотрения и дискреционных полномочий субъектов публичной администрации. *Цель* настоящего исследования заключается в попытке теоретико-доктринального осмысления института административного усмотрения с учетом специфики деятельности Федеральной службы исполнения наказаний. *Методы:* в основе проведенного исследования лежит диалектический метод научного познания. В статье использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция и т. д.), частнонаучные и специальные (сравнительно-правовой, формально-юридический) методы познания. *Результаты:* дана общая характеристика и проанализирован объем понятий «административное усмотрение», «усмотрение в праве» и «дискреция» («дискреционные полномочия»), рассмотрены логические связи между их содержанием с точки зрения доктринального понимания. Исследованы проблемы реализации административного усмотрения на практике. Раскрыт дуализм административного усмотрения в уголовно-исполнительной системе в части реализации мер противодействия коррупции в сфере исполнения уголовных наказаний. *Выводы:* на основе изучения отечественного и зарубежного опыта обозначены возможные перспективы развития института административного усмотрения в деятельности публичной администрации, в том числе в деятельности ФСИН России. Подчеркивается межотраслевой характер административного усмотрения. Раскрыт вопрос о современной роли административного усмотрения в деятельности ФСИН России с учетом специфики сферы правореализации.

Ключевые слова: административное усмотрение; дискреция; дискреционные полномочия; уголовно-исполнительная система; ФСИН России; публичная администрация.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Старостин С. А. Административное усмотрение в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний: теоретико-доктринальное осмысление // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 196–202. doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.009.

Original article

Administrative Discretion in Activities of the Federal Penitentiary Service: Theoretical and Doctrinal Interpretation

SERGEI A. STAROSTIN

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia

SASTAROSTIN@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the study of issues related to the development and formation of the administrative discretion doctrine in Russian legal science, legislative regulation of administrative discretion and discretionary powers of subjects of public administration. *Purpose:* to present a theoretical and doctrinal interpretation of administrative discretion with regard to the specifics of activities of the Federal Penitentiary Service. *Methods:* our research is based on the dialectical method of scientific cognition. The article uses general scientific (analysis, synthesis, induction, etc.), private scientific and special methods of cognition (comparative legal, formal legal). *Results:* a general characteristic of concepts, such as administrative discretion, discretion in law and discretion (discretionary powers), is presented and logical connections between the content of these concepts in terms of their doctrinal understanding are considered. Problems of implementing administrative discretion in practice are studied. The dualism of administrative discretion in the penal system in terms of the implementation of anti-corruption measures in the field of execution of criminal penalties is revealed. *Conclusion:* based on the study of domestic and foreign experience, possible prospects for developing the institution of administrative discretion in the activities of public administration, including in the Federal Penitentiary Service of Russia, are indicated. The intersectoral nature of administrative discretion is emphasized. The issue of the modern role of administrative discretion in activities of the Federal Penitentiary Service of Russia, taking into account the specifics of the sphere of legal realization, is revealed.

Key words: administrative discretion; discretion; discretionary powers; penal system; Federal Penitentiary Service of Russia; public administration.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Starostin S.A. Administrative discretion in activities of the Federal Penitentiary Service: theoretical and doctrinal interpretation. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 196–202. doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.009.

Введение

В отношении административного усмотрения ни в отечественной правовой науке, ни в законотворческой деятельности до настоящего времени не выработано единого подхода. Данное обстоятельство обуславливает необходимость обсуждения доктрины административного усмотрения, которая, по мнению многих ученых, «находится в зачаточном состоянии и в основном сводится к несколько растерянной констатации ее существования, а также лаконичным замечаниям о необходимости ее ограничения законом» [1].

Представленная нами цитата была взята из статьи, опубликованной К. В. Давыдовым в 2017 г. Автор ссылается на работы восьми отечественных исследователей, написанные ими в период с 1968 по 2014 г. Полагаем, что сделанная К. В. Давыдовым выборка работ (как временная, так и личностная) нерепрезентативна и неоправданно рандомна. В частности, ученый ссылается на И. С. Самощенко, А. П. Коренева, А. Н. Жеребцова и некоторых других юристов, но «забывает» про В. Н. Дубовицкого, Ю. А. Тихомирова, Ю. Н. Старилова, Ю. П. Соловья, О. Н. Шерстобова, П. П. Серкова, О. В. Кораблину, Т. Г. Слюсареву, А. В. Гирвиц и очень многих других не менее авторитетных ученых.

Думается, что позиции восьми упомянутых в статье авторов, при всем уважении к каждому из них, вряд ли отражают все богатство той палитры взглядов на административное усмотрение, которым уже сегодня располагает отечественная административно-правовая наука. Впрочем, в конце сноски К. В. Давыдов пишет «и др.», чем как бы намекает на то, что сходно с названными авторами мыслят еще и другие, в том числе перечисленные нами ученые.

В контексте проводимого нами анализа статьи К. В. Давыдова нельзя не отметить, что одним из ис-

точников, на которые он ссылается, является работа С. Г. Шевцовой под названием «Усмотрение, произвол, убеждение: лингвистический, доктринальный и законодательный подходы», опубликованная в «Евразийском юридическом журнале». С. Г. Шевцова приходит к более чем конкретному выводу о том, что «вопрос о соотношении правовых категорий усмотрения и произвола до сих пор не получил однозначного разрешения» [2, с. 50].

По-своему интересно и обращение К. В. Давыдова к статье студента Саратовской государственной юридической академии А. С. Черемисиной «Принцип целесообразности в деятельности органов исполнительной власти», которая была опубликована в журнале «Административное право и процесс» и занимает всего две журнальных страницы [3]. Не умаляя способностей начинающего исследователя высказать свою позицию по сложному и дискуссионному вопросу, заметим, что в этой статье отсутствуют какие-либо указания на несформированность доктрины административного усмотрения в силу того, что она посвящена совершенно иному вопросу.

Следует отметить, что многие выводы К. В. Давыдова получили резкое несогласие Ю. П. Соловья, который отмечает, что заявленный вопрос повисает в воздухе, не раскрывается подробнее, не аргументируется более основательно, отсутствует сопоставление с позициями других исследователей. Спорить с таким утверждением, конечно же, можно, однако спорящее лицо заранее оказывается в невыгодной, априори проигрышной позиции, так как автор этого утверждения всегда может заявить, что на самом деле он имел в виду нечто абсолютно иное, нежели то, что только что было опровергнуто.

На основании вышеизложенного следует констатировать, что в настоящее время в научной среде сформировались различные взгляды на правовую

природу административного усмотрения и его значение в государственном управлении.

Методы исследования

В основе проведенного нами исследования лежит диалектический метод научного познания. В процессе написания статьи использовались общенаучные методы познания, специальные методы юридической науки и отдельные частные методы общественных наук.

К общенаучным методам, используемым в работе, можно отнести следующие: индукции и дедукции, сравнения и аналогии, синтеза и обобщения, статистики и системного анализа. Для решения поставленных задач исследования повсеместно применялись частнонаучные методы в области юриспруденции – сравнительно-правовой и нормативно-логической. Отдельные проблемы были рассмотрены в качестве межотраслевых, существующих на стыке отраслей права, что было обусловлено поставленными задачами комплексного анализа отношений в рамках рассматриваемой темы.

Обсуждение

Усмотрение вообще и административное усмотрение в частности являются междисциплинарными (межнаучными) категориями, поэтому их прежде всего необходимо избавить от смысловых и содержательных наслоений других наук. Всегда необходимо отдавать себе отчет, насколько существенное значение имеет ошибка в выборе того или иного решения, поведения. О важности этого утверждения для ФСИН России скажем чуть позже.

Юрист-исследователь должен четко понимать, что один и тот же институт может одновременно быть правовым, социальным, экономическим, философским, этическим и т. д., однако в его распоряжении как специалиста юридического профиля находится только правовой инструментарий. Соответственно, для того чтобы, например, не изучать психологическую сторону вопроса посредством формально-догматического метода, необходимо сначала «отделить зерна от плевел» – развести между собой психологический и юридический аспекты проблемы. Сказанное в полной мере относится и к другим социальным и гуманитарным наукам, представители которых демонстрируют научный интерес к реализации дискреционных полномочий.

Для уяснения природы административного усмотрения было бы очевидно недостаточным всего лишь продемонстрировать, какие его стороны являются предметом изучения права, а какие – предметом иных наук (философии, экономики, социологии, истории и многих других). Не менее важно ответить на элементарные, на первый взгляд, вопросы: к какой отрасли юридического знания (как фундаментального, так и отраслевого, прикладного) относится административное усмотрение? только ли к административному праву и административному процессу? возможно, ко всему публичному праву в целом? И даже уже на этом этапе обсуждения затронутой темы образуется серьезный задел для научной дискуссии.

С одной стороны, представители некоторых отраслей юридической науки однозначно считают все,

что связано с реализацией дискреционных полномочий органами исполнительной власти и их должностными лицами, своей вотчиной. Например, Л. А. Шарнина в своей докторской диссертации отмечает, что «в конституционном праве наряду с особым, присущим только ему, конституционным усмотрением, существуют традиционно выделяемые виды усмотрения – судебное и административное» [4, с. 123].

Эта позиция необычна сама по себе, но еще необычнее констатирующая интонация предложения, которая еще более усиливается посредством использования наречия «традиционно». При этом автор не делает ссылок на работы, в которых представлена соответствующая концепция, что дает основания подразумевать, что последняя уже давно стала общим местом конституционно-правовой науки.

В этом году мы будем отмечать 30-летие Конституции Российской Федерации. Можно утверждать, что за прошедшее с 1993 г. время состоялась крупнейшая в отечественной истории конституционализация общественных отношений. А значит, мы не сильно прогрешим против истины, если скажем, что все отечественные правовые и так или иначе связанные с ними институты давно имеют либо непосредственное, либо опосредованное конституционное наполнение. Однако из этого не следует, что, например, фидуциарные сделки или убийства по найму входят в предметную сферу конституционного права.

В российской юридической литературе встречается и другой, также привлекающий внимание своей категоричностью подход, когда ученый-отраслевик заявляет, что в его отрасли права административного усмотрения не может быть (не должно быть) по определению.

Так, представитель одной из школ финансового права О. Н. Горбунова пишет, что «регулировать финансовую деятельность государства невозможно с помощью норм административного права ни в коем случае», потому что «в таком регулировании немедленно появится усмотрение и волюнтаризм», а в финансовом праве «каждая норма... основана на ее экономическом содержании, которое объективно и не зависит от воли людей» [5, с. 87]. Эта точка зрения имеет весьма рациональную аргументацию, но все-таки нельзя не возразить О. Н. Горбуновой: как же в таком случае быть с финансовым планированием, неужели и в нем не найдется места для дискреции?

Вышеизложенное позволяет подвести некоторые итоги.

Во-первых, в российских работах были предприняты попытки дифференцировать различные составляющие административного усмотрения (философскую, экономическую, этическую и т. д.) и оставить в нем только те элементы, которые прямо или опосредованно имеют отношение к праву. Следует подчеркнуть, что в настоящее время эта работа не окончена, но и начата она не вчера.

Во-вторых, определенные взгляды на административное усмотрение имеют представители не только административно-правовой, но и конституционно-правовой, финансово-правовой и других отраслевых наук. Кроме того, дискреции посвящены

фундаментальные исследования теоретиков права, на которых мы не стали заострять внимание [6]. Таким образом, пока российская юридическая наука демонстрирует не растерянность перед проблемной категорией, а онтологическую и методологическую уверенность, порой доходящую до крайностей.

Следующий естественный шаг для формирования доктрины административного усмотрения – ограничение данного вида усмотрения от других его видов. Для того чтобы понять, например, как осуществлять контроль за деятельностью судебных органов и органов исполнительной власти, очень важно определиться (как теоретически, так и практически), в чем состоят сходства и различия административной дискреции и судебной дискреции. Нетрудно догадаться, что и этот вопрос не был обделен вниманием российских правоведов [7–9], причем складывается впечатление, что судебное усмотрение было изучено даже более тщательно, нежели административное.

Итак, напрашивается следующий вывод: единой российской доктрины административного усмотрения, действительно, не существует, но только по той причине, что этих доктрин много, и некоторые авторы (например, Ю. П. Соловей) вполне могут претендовать на то, чтобы конкретные доктрины связывались исключительно с их именем. И пребывают эти доктрины не в зачаточном состоянии, а в том прекрасном возрасте, когда они могут успешно бороться за место под солнцем.

В контексте обсуждения рассматриваемой нами темы нельзя не признать то обстоятельство, что все вопросы, которые были затронуты ранее, в значительной степени носят тривиальный характер, поскольку административное усмотрение изучалось еще в Российской империи, затем в Советском Союзе и, наконец, в постсоветской России. С учетом традиционно высокого уровня отечественной юриспруденции и квалификации российских юристов было бы странно даже предполагать, что за этот гигантский промежуток времени наша юридическая мысль не представила «от себя» по дискутируемой проблеме вообще ничего. Разумеется, данный тезис не соответствует объективной реальности, и выше нами вкратце было продемонстрировано почему.

Заканчивая краткий анализ доктрины административного усмотрения, коротко остановимся на другом не менее важном аспекте проблемы – реализации административного усмотрения на практике. Возьмем, к примеру, чрезвычайные административно-правовые режимы.

Так, в марте 2020 г. в целях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в г. Москве, Московской области, а также в регионах Дальнего Востока, Сибири, Урала, Поволжья был введен режим повышенной готовности. Могли ли органы власти ввести какой-нибудь иной режим, например режим чрезвычайной ситуации? Конечно, могли. А по какой причине был введен именно этот режим, а не другой? Неизвестно.

Полагаем, что искать какие-либо конспирологические причины этого не стоит, поскольку все соответствующие теории легко объяснить глупостью или

невежеством авторов. В приведенных примерах мы имеем дело с административным усмотрением, выраженным в управленческом дискреционном решении, мотивы которого до сих пор скрыты от широкой общественности. Почему это важно? Потому что каждый чрезвычайный административно-правовой режим ограничивает права, свободы и законные интересы значительного числа граждан России.

С теоретических высот возникает отчетливое понимание того, что мотивы каждого принятого дискреционного решения должны быть рано или поздно (лучше рано, чем поздно) преданы огласке, но на практике это происходит не всегда. И задача науки в данной ситуации – не открывать какие-либо новые горизонты, а предложить реальные юридические гарантии для обеспечения прав населения при реализации органами государственной власти своих дискреционных полномочий. Принимающему решению надо ясно понимать юридические последствия того или иного решения, предвидеть возможные ошибки и осознавать степень своей ответственности.

Обратимся в качестве примера к вопросу о применении административного усмотрения в деятельности ФСИН России. Обозначенная нами проблема уже поднималась ранее, поэтому очень коротко остановим свой взгляд на некоторых наиболее существенных работах. Прежде всего, здесь нужно упомянуть статью П. В. Голодова «Административное усмотрение в управленческой практике учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» [10]. В ней содержатся интересные тезисы, связанные с реализацией дискреционных полномочий учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Не менее любопытна и другая статья П. В. Голодова под названием «Правоприменительный риск в управленческой практике учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» [11].

Определенный вклад в изучение затронутой проблемы сделан Е. В. Наумовым в статье «Административное усмотрение как детерминант коррупции при исполнении наказаний» [12]. Существуют и другие работы, но на них мы не станем останавливаться отдельно. Отметим лишь то, что, на наш взгляд, этих работ явно недостаточно по сравнению с масштабами коррупции, которые выявляются по всей нашей стране в целом, и отдельные проявления которой встречаются, в частности, в системе ФСИН России [13].

Действительно, в доктрине административного усмотрения существует расхожее и, в общем-то, справедливое мнение о том, что административное усмотрение является одним из главных источников административного произвола и коррупции. Но не менее верно и то, что дискреционные полномочия позволяют органам исполнительной власти и их должностным лицам максимально гибко и оперативно реагировать на возникающие в их деятельности угрозы, что позволяет нам прийти к выводу о том, что дискреция является одной из форм проявления усмотрения как общеправового феномена. С учетом вышеизложенного нельзя не привести цитату Э. Шмидт-Ассмана, который представляет дискрецию как «административное взвешивание критери-

ев правильности при соблюдении цели закона» [14, с. 205–207].

С онтологических позиций в этом заключается дуализм административного усмотрения [15], особенно характерный для УИС: его осуществление может приводить как к положительным, так и к отрицательным последствиям. Кроме того, одно и то же действие, совершенное в рамках административного усмотрения, может порождать как незначительные негативные, так и значительные позитивные результаты и наоборот.

В указанных статьях П. В. Голодова данная мысль, вроде бы, признается, но как-то подспудно, между строк, в то время как, по нашему мнению, она является главной доктринальной предпосылкой для любых рассуждений о дискреции органов исполнительной власти, а тем более дискреции должностных лиц учреждений и органов системы исполнения наказаний, которым нередко приходится действовать в экстремальных условиях.

Ученые и практики должны понимать, что в некоторых случаях невозможно исполнить одну обязанность, не нарушив другую, или защитить одно право, не поправ другого. Поэтому основная задача правоприменителя в подобного рода ситуациях – сперва взвесить риски, а уже потом принимать решение.

Достаточно обратить внимание на то, насколько часто принимавшиеся органами публичной власти в условиях COVID-19 решения выходили за правовые рамки, нарушали конституционно установленные права и свободы граждан (введение режимов повышенной готовности, установление административной ответственности с помощью технических средств фиксации и т. п.). При этом нельзя не признать и наличие позитивных последствий от принятых решений, которые, осмелимся полагать, позволили нам относительно легко справиться с распространением COVID-19 и не допустить массовой гибели людей.

Как известно, сущность уголовной ответственности заключается в обязанности виновного лица претерпевать определенные лишения за совершение преступного деяния. В свою очередь, органы и учреждения уголовно-исполнительной системы призваны обеспечить реализацию уголовной ответственности и тем самым так или иначе ограничить права и свободы осужденных. Процесс принятия решений в сфере государственного управления всегда ориентирован на принятие оптимального решения, позволяющего достичь поставленной цели с учетом имеющихся ресурсов и ограничений. Если в органах исполнительной власти позитивной направленности усмотрение главным образом выражается в поиске наиболее хорошего решения, то в системе ФСИН России – в выборе наименее плохого решения. Это принципиальное отличие «обычного» административного усмотрения от усмотрения «уголовно-исполнительного», на которое, к сожалению, до настоящего времени не обращалось внимания.

В частности, в 2020 г. главным государственным санитарным врачом ФСИН России был введен временный запрет на предоставление длительных и краткосрочных свиданий с осужденными (постановление главного государственного санитарного

врача ФСИН России от 16.03.2020 № 15 «О введении дополнительных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мер, направленных на недопущение возникновения и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», приказ ФСИН России от 19.03.2020 № 196 «О неотложных мерах по предупреждению распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) в ФСИН России»). Осуществление данного вида ограничительных мероприятий было продиктовано санитарно-эпидемиологической обстановкой, которая сложилась не только в Российской Федерации, но и в мире в связи с пандемией, вызванной распространением коронавирусной инфекции [16, с. 113]. Вместе с тем введенные карантинные меры в виде запрета на предоставление свиданий в учреждениях уголовно-исполнительной системы, с одной стороны, нарушали право осужденных на общение с близкими и свидания с ними, а с другой – позволили сдержать и в ряде случаев даже предотвратить массовое распространение COVID-19 среди осужденных и спасти их жизни, так как условия изоляции не позволили бы в полной мере соблюсти все необходимые профилактические меры, в частности обеспечить необходимую социальную дистанцию.

Важно, что принятие подобного рода решений должно исключать административный произвол со стороны властных субъектов. Как указывает лорд Томас Бингхэм, «при осуществлении государственных полномочий необходима определенная свобода усмотрения со стороны государственных должностных лиц, но при этом такое усмотрение обязательно должно быть подконтрольным» [17]. В частности, на необходимость судебной проверки возможных нарушений основных прав и свобод, допущенных административными органами, указывали А. У. Брэдли и К. Д. Эвинг [18, с. 630–631]. При этом в деятельности органов правосудия также не исключаются элементы усмотрения [19].

Почему обозначенные обстоятельства крайне значимы? Потому что именно при реализации усмотрения при осуществлении негативной государственно-управленческой деятельности во главу угла необходимо ставить риски, то есть такие факторы, которые неизбежно вызовут отрицательные последствия. В этом состоит суть риск-ориентированного подхода. И в этом плане П. В. Голодов совершенно справедливо обращается к теме правоприменительного риска (другой вопрос, что ему, возможно, следовало бы использовать иной, более узкий и соответствующий обсуждаемой проблеме термин «административно-правовой риск»). Любой правоприменительный риск, по утверждению Г. Брэбана, должен быть реализован «в точном соответствии с законодательством, даже если речь будет идти об усмотрении» [20, с. 192–195].

Таким образом, административно-правовые риски являются важнейшей составляющей реализации дискреционных полномочий ФСИН России, что в сочетании с двойственной природой административного усмотрения делает их одной из самых сложных проблем административного права и административного процесса как таковых.

Результаты

Административное усмотрение является важным элементом государственного управления, позволяющим оперативно, с учетом сложившейся ситуации и на основе действующего законодательства принимать управленческие решения, направленные на защиту публичных интересов.

Следует констатировать, что эффективное достижение управленческих целей в любой сфере общественных отношений невозможно без усмотрения, но оно не должно быть безграничным и бесконтрольным, несмотря на то, что направлено на оптимальное осуществление управленческих функций с учетом публичного интереса, законности и целесообразности.

Нельзя не учесть и позитивное значение применения мер административного усмотрения субъектами публичной администрации: это позволяет гибко реагировать на постоянно возникающие в жизни непредвиденные ситуации, разрешение которых не может быть в полной мере урегулировано законом.

В заключение представляется возможным прийти к выводу о том, что тематика административно-правовых рисков позволяет подчеркнуть межотраслевой характер административного усмотрения в деятельности ФСИН России. Административное усмотрение имеет очевидные генетические связи с административным и административно-процессуальным, а также уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным правом. Однако в случае с деятельностью ФСИН России появляется еще одна важная категория, которую непосредственно затрагивают дискреционные полномочия сотрудников данной службы, – конституционные права и свободы человека и гражданина. Административное усмотрение во внутриорганизационных отношениях нуждается в глубокой научной и законодательной проработке ввиду динамичности и отсутствия системности законодательства, регулирующего эти отношения. Поэтому интерес конституционалистов к административному усмотрению вполне объясним и оправдан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Давыдов К. В. Дискреция и ошибки законодателя // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 2. С. 57–65.
2. Шевцов С. Г. Усмотрение, произвол, убеждение: лингвистический, доктринальный и законодательный подходы // Евразийский юридический журнал. 2011. № 11 (42). С. 48–52.
3. Черемисина А. С. Принцип целесообразности в деятельности органов исполнительной власти // Административное право и процесс. 2013. № 3. С. 66–67.
4. Шарнина Л. А. Усмотрение в конституционном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 353 с.
5. Горбунова О. Н. Избранное. М., 2017. 542 с.
6. Никитин, А. А. Правовое усмотрение: теория, практика, техника : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2021. 514 с.
7. Денисенко В. В. Административное и судебное усмотрение в производстве по делам об административных правонарушениях: общее и особенное // Общество и право. 2013. № 1. С. 229–234.
8. Марков П. В. О соотношении административного и судебного усмотрения // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 5. С. 85–95.
9. Щепалов С. В., Зайцев Д. И. Административное и судебное усмотрение в российской науке: проблемы соотношения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 46. С. 107–118.
10. Голодов П. В. Административное усмотрение в управленческой практике учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 2 (38). С. 73–79.
11. Голодов П. В. Правоприменительный риск в управленческой практике учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 3 (39). С. 57–61.
12. Наумов Е. В. Административное усмотрение как детерминант коррупции при исполнении наказаний // Вестник Кузбасского института. 2012. № 5. С. 41–44.
13. Нагорных Р. В. Системные, институциональные и идиосинкразические факторы коррупции в зарубежных пенитенциарных системах: опыт противодействия административной дискреции // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4 (60). С. 417–424. doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.008.
14. Schmidt-Assmann E. Das allgemeine Verwaltungsrecht als Ordnungsidee. Grundlagen und Aufgaben der verwaltungsrechtlichen Systembildung. Berlin ; Heidelberg, 2006. Pp. 205–207.
15. Зайцев Д. И. Генеалогия административного усмотрения // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 3. С. 105–119.
16. Анискина Н. В. Административное принуждение в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 247 с.
17. Bingham T. The Rule of Law. London, 2010. 213 p.
18. Bradley A. W., Ewing K. D. Constitutional and Administrative Law. Sixtieth edition. Harlow, 2014. 824 p.
19. Administrative Discretion: Meaning and Grounds of Control. URL: <https://lawbhoomi.com/grounds-of-control-on-administrative-discretion/> (дата обращения: 15.03.2023).
20. Брэбан Г. Французское административное право. М., 1988. 488 с.

REFERENCES

1. Davydov K.V. Discretion and mistakes of the legislator. *Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva = Journal of Administrative Proceedings*, 2017, no. 2, pp. 57–65. (In Russ.).
2. Shevtsov S.G. Discretion, arbitrariness, persuasion: linguistic, doctrinal and legislative approaches. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2011, no. 11 (42), pp. 48–52. (In Russ.).

3. Cheremisina A.S. The principle of expediency in the activities of executive authorities. *Administrativnoe pravo i protsess* = *Administrative Law and Procedure*, 2013, no. 3, pp. 66–67. (In Russ.).
4. Sharnina L.A. *Usmotrenie v konstitutsionnom prave: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Discretion in constitutional law: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2019. 353 p.
5. Gorbunova O.N. *Izbrannoe* [The selected]. Moscow, 2017. 542 p.
6. Nikitin A.A. *Pravovoe usmotrenie: teoriya, praktika, tekhnika: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal discretion: theory, practice, technique: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2021. 514 p.
7. Denisenko V.V. Administrative and judicial discretion in proceedings on administrative offenses: general and special. *Obshchestvo i pravo* = *Society and Law*, 2013, no. 1, pp. 229–234. (In Russ.).
8. Markov P.V. On the ratio of administrative and judicial discretion. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk* = *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2011, no. 5, pp. 85–95. (In Russ.).
9. Shchepalov S.V., Zaitsev D.I. Administrative and judicial discretion in Russian Science: problems of correlation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* = *Tomsk State University Journal of Law*, 2022, no. 46, pp. 107–118. (In Russ.).
10. Golodov P.V. Administrative discretion in the management practice of institutions and bodies of the penal system. *Vestnik Instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* = *Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2017, no. 2 (38), pp. 73–79. (In Russ.).
11. Golodov P.V. Law enforcement risk in the management practice of institutions and bodies of the penal system. *Vestnik Instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* = *Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2017, no. 3 (39), pp. 57–61. (In Russ.).
12. Naumov E.V. Administrative discretion as a corruption determinant at execution of punishments. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* = *Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2012, no. 5, pp. 41–44. (In Russ.).
13. Nagornyykh R.V. Systemic, institutional and idiosyncratic factors of corruption in foreign penitentiary systems: experience in countering administrative discretion. *Penitentsiarnaya nauka* = *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 417–424. (In Russ.). doi: 10.46741/2686-9764.2022.60.4.008.
14. Schmidt-Assmann E. *Das allgemeine Verwaltungsrecht als Ordnungsidee: Grundlagen und Aufgaben der verwaltungsrechtlichen Systembildung*. Berlin, 2006. Pp. 205–207. (In German).
15. Zaitsev D.I. Genealogy of administrative discretion. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie* = *Siberian Law Review*, 2023, vol. 20, no. 3, pp. 105–119. (In Russ.).
16. Aniskina N.V. *Administrativnoe prinuzhdenie v ugovovno-ispolnitel'noi sisteme Rossiiskoi Federatsii: dis. kand. yurid. nauk* [Administrative coercion in the penal system of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2021. 247 p.
17. Bingham T. *The rule of law*. London, 2010. 213 p.
18. Bradley A.W., Ewing K.D. *Constitutional and administrative law*. Harlow, 2014. 824 p.
19. *Administrative discretion: meaning and grounds of control*. Available at: <https://lawbhoomi.com/grounds-of-control-on-administrative-discretion/> (accessed March 15, 2023).
20. Breban G. *Frantsuzskoe administrativnoe pravo* [French administrative law]. Moscow, 1988. 488 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СТАРОСТИН – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, SASTAROSTIN@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>

SERGEI A. STAROSTIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, SASTAROSTIN@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>

Статья поступила 05.05.2023

Научная статья

УДК 159.9

doi: 10.46741/26869764.2023.62.2.010

Профилактика профессиональных деструкций сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний как фактор успешности их профессиональной деятельности

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия
ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ШАМАНИН

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия, shamanin_1983@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8735-7536>

Реферат

Введение: статья посвящена изучению профессиональных деструкций сотрудников ФСИН России, вопросов их профилактики и взаимосвязи с успешностью. Обозначенная проблема является особенно актуальной, поскольку профессиональная деятельность указанных лиц связана со сложными условиями труда, требующими повышенной ответственности, психоэмоциональной стабильности и высокого уровня стрессоустойчивости. *Цель:* на основе проведенного теоретического и эмпирического исследования определить направления профилактических мероприятий по предупреждению профессиональных деструкций сотрудников ФСИН России как факторов успешности профессиональной деятельности. *Методы:* психодиагностика с использованием следующих методик: методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко, методика диагностики уровня профессионального выгорания К. Маслач, тест на стрессоустойчивость Ю. В. Щербатых, опросник «Степень хронического утомления» А. Б. Леоновой, опросник «Интегральная удовлетворенность трудом» А. В. Батаршева, метод экспертных оценок. *Результаты:* сделано предположение о том, что профессиональные деструкции сотрудников ФСИН России имеют ряд особенностей, обусловленных спецификой профессиональной деятельности. Особенно значимо это для работающих длительное время. Риск возникновения профессиональных деструкций проявляется у сотрудников по-разному как в профессиональной деятельности, так и вне ее, однако взаимосвязь между появлением деформаций и успешностью службы доказана. *Выводы:* поскольку профессиональные деструкции в самом общем виде реализуются во всех сферах жизнедеятельности личности, рассматривать их отдельно от личностных особенностей конкретного сотрудника некорректно. Профилактика их возникновения должна быть не ситуативной, а регулярной и комплексной. Более эффективна она при реализации в различных сферах (культурно-массовой, спортивной, творческой и т. д.), поскольку должна носить, с одной стороны, массовый, с другой – персонализированный характер. Оптимизация рабочих задач и гармонизация свободного времени также снижают риск.

Ключевые слова: профессиональная деятельность; профессиональные деструкции; психическое выгорание; эмоциональное выгорание; сотрудники ФСИН России; успешность деятельности; профилактика.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Лапшин В. Е., Шаманин Н. В. Профилактика профессиональных деструкций сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний как фактор успешности их профессиональной деятельности // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 203–211. doi: 10.46741/26869764.2023.62.2.010.

Original article

Prevention of Professional Destructions of Penal System Employees as a Factor of Successful Professional Activity

VITALII E. LAPSHIN

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia

ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

NIKOLAI V. SHAMANIN

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, shamanin_1983@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8735-7536>

Abstract

Introduction: this article is devoted to the study of professional destructions of penal system employees, their prevention and relationship with success. This problem is particularly relevant, since professional activities of penal system employees are associated with difficult working conditions that require increased responsibility, psycho-emotional stability and high stress tolerance. *Purpose:* on the basis of theoretical and empirical research to determine directions of preventive measures to avert professional destructions of penal system employees as effective performance factors. *Methods:* psychodiagnostics with the use of the following techniques: V.V. Boiko's method of diagnosing the emotional burnout level, K. Maslach's method of diagnosing the professional burnout level, Yu.V. Shcherbatykh's stress tolerance test, A.B. Leonova's questionnaire "Degree of chronic fatigue", A.V. Batarshcheva's questionnaire "Integral work satisfaction", the method of expert assessments. *Results:* the article suggests that professional destructions of penal system employees have a number of features due to the specifics of professional activity. These problems are of particular importance for employees who work for a long time. It is this category of employees that is most at risk of professional destructions. Risks of professional destructions are revealed both in the professional activity of penal system employees and outside it. However, the relationship between the occurrence of professional deformations and the effectiveness of professional activity of penal system employees is proven. *Conclusion:* since professional destructions in the most general form are realized in all spheres of a person's life, it is not correct to consider them separately from personal characteristics of a particular employee. Prevention of the occurrence of professional destructions should not be situational in nature, but should be regular and comprehensive. Prevention of professional destructions is more effective when it is implemented in various spheres (cultural, sports, creative, etc.), since it should be, on the one hand, large-scale and, on the other hand, personalized. Optimization of work tasks and harmonization of free time of penal system employees also reduce risks of professional destructions.

Keywords: professional activity; professional destructions; mental burnout; emotional burnout; employees of the Federal Penitentiary Service; activity effectiveness; prevention.

5.3.9. Legal psychology and security psychology.

For citation: Lapshin V.E., Shamanin N.V. Prevention of professional destructions of penal system employees as a factor of successful professional activity. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 203–211. doi: 10.46741/26869764.2023.62.2.010.

Введение

Профессиональная деятельность сотрудников ФСИН России предъявляет особые требования к их личностным и профессиональным качествам. Безусловно, разграничение личностного и профессионального довольно условно, поскольку личность человека в процессе жизнедеятельности претерпевает различные трансформации: какие-то качества развиваются, какие-то деформируются. Очевидно взаимовлияние личностных и профессиональных качеств.

Профессиональная деятельность сотрудников ФСИН России относится к конвенциональным видам деятельности, что предполагает четкую структурированность, исполнительность и консерватизм в принятии решений. Следовательно, подход к решению возникающих проблем часто носит стереотипный, практический и конкретный характер. Постоянное решение одних и тех же задач приводит к профессиональной усталости, меньшей вариативности способов выполнения деятельности, утрате или деформации профессиональных умений и навыков, а также к снижению работоспособности. Все это чревато возникновением профессиональных деструкций, ключевым элементом которых является возрастающее чувство истощения эмоциональных ресурсов профессионала [1].

С. П. Безносков рассматривал профессиональные деформации как объективное явление, негативные эффекты которого могут быть элиминированы только посредством других, непрофессиональных факторов [2].

По мнению Э. Ф. Зеер, профессионально обусловленные деструкции – это постепенно накопившиеся изменения сложившейся структуры деятельности и личности, негативно сказывающиеся на продуктивности труда, взаимодействии с другими участниками этого процесса, а также на развитии самой личности [3].

А. К. Маркова на основе обобщения исследований нарушения профессионального развития личности выделила следующие тенденции профессиональных деструкций:

- отставание, замедление профессионального развития в сравнении с возрастными и социальными нормами;
- дезинтеграция профессионального развития, распад профессионального сознания и, как следствие, нереалистические цели, ложные смыслы труда и профессиональные конфликты;
- низкая профессиональная мобильность, неумение приспособиться к новым условиям труда и дезадаптация;
- рассогласованность отдельных звеньев профессионального развития, когда одна сфера как бы забегает вперед, а другая отстает (например, мотивация к профессиональному росту есть, но мешает отсутствие целостного профессионального сознания);
- ослабление ранее имевшихся профессиональных навыков, профессиональных способностей и профессионального мышления;

– искаженное профессиональное развитие, появление ранее отсутствовавших негативных качеств, отклонений от социальных и индивидуальных норм профессионального развития, меняющих профиль личности;

– появление деформаций личности (например, эмоционального истощения и выгорания), а также ущербной профессиональной позиции;

– прекращение профессионального развития вследствие профессиональных заболеваний или потери трудоспособности [4].

Профессиональную деятельность сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний сопровождают различные стресс-факторы. К ним относятся опасность, внезапность, неопределенность, новизна средств и способов реализации деятельности в экстремальных условиях, увеличение темпов действий, а также дефицит времени.

Исходя из вышеперечисленных факторов, определяющих специфику службы в Федеральной службе исполнения наказаний, можно сказать, что она, по сути, является экстремальной. Это связано с постоянной готовностью к использованию оружия, что оказывает негативное воздействие на эмоциональное состояние сотрудников, качество социального взаимодействия, психическое и соматическое здоровье, психологическую устойчивость и успешность работы. Профессиональная деятельность сотрудников ФСИН России реализуется в объективно заданных сложных условиях, требующих сбалансированности многообразных, часто парадоксально сочетающихся личностных качеств и свойств, формирование и развитие которых возможно только в процессе длительного и трудоемкого обучения [5]. В связи с этим немаловажное значение приобретает совершенствование подбора персонала и его подготовка. В такой ситуации решающую роль играет прогноз успешности профессиональной деятельности, которая становится все более зависимой от внутренних потенциальных возможностей личности.

В настоящее время проблема успешности профессиональной деятельности остается одним из интенсивно разрабатываемых направлений психологии. В отечественной науке к этой теме обращались многие исследователи: А. А. Бодалев, В. А. Бодров, К. М. Гуревич, И. А. Жданов, Е. П. Ильин, Л. А. Копытова, М. А. Котик, А. М. Емельянов, Л. С. Нерсисян, О. А. Конопкин, А. А. Реан, В. И. Чирков и др. [6].

Различные аспекты проблемы успешности профессиональной деятельности изучались психологами силовых структур (В. С. Бердников, Е. С. Казурова, А. В. Кокурин, В. Р. Сафонов, В. Н. Смирнов и др.), что и получило отражение в специальной литературе. В этих работах показано, что одним из важнейших факторов успешности профессиональной деятельности выступают ресурсные возможности человека, которые предполагают использование саморегуляции состояний и деятельности, а также развитие определенных психологических качеств, собственно и определяющих эффективность деятельности и поведения человека в экстремальных ситуациях [7].

В рамках данной статьи мы предпримем попытку выявить взаимосвязь между показателями успешности профессиональной деятельности и компонентами профессиональных деструкций, а также определить направления профилактических мероприятий по предупреждению профессиональных деструкций сотрудников ФСИН России как факторов успешности профессиональной деятельности.

Психодиагностика осуществлялась посредством следующих методик: методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко, методика диагностики уровня профессионального выгорания К. Маслач, тест на стрессоустойчивость Ю. В. Щербатых, опросник «Степень хронического утомления» А. Б. Леоновой, опросник «Интегральная удовлетворенность трудом» А. В. Батаршева, метод экспертных оценок для изучения успешности профессиональ-

ной деятельности (в качестве критериев выступали такие параметры, как эффективность деятельности, скорость решения задач, отсутствие ошибок, эмоциональное благополучие и др.). Математико-статистическая обработка данных выполнялась на основе пакета MS Office Excel, IBM SPSS, Statistica 10.0 (корреляционный анализ по Пирсону).

Результаты и их обсуждение

В исследовании приняли участие 40 сотрудников ФСИН России в возрасте от 35 до 45 лет со стажем работы свыше пяти лет. По мнению ярославского психолога В. Е. Орла, именно пять лет являются тем сроком, когда выгорание проявляется в профессиональной деятельности. Результаты изучения уровня развития фаз эмоционального выгорания сотрудников ФСИН России с помощью методики В. В. Бойко приведены в табл. 1.

Таблица 1

Изучение фаз развития эмоционального выгорания сотрудников ФСИН России

Фаза напряжения	Фаза резистенции	Фаза истощения
75	55	40

Установлено, что у испытуемых фаза нервного напряжения сформировалась. Данный вид напряжения является предиктором возникновения профессиональных деструкций, он не константен, а имеет динамический характер. Фаза резистенции находится в стадии формирования, поскольку испытуемые стремятся к избеганию психологического дискомфорта, связанного с решением рутинных повседневных задач, снижению давления внешних обстоятельств с помощью возможных средств.

Формирование фазы истощения также находится в стадии формирования, что, на наш взгляд, отражает специфику профессиональной деятельности, поскольку эмоциональная защита в форме выгорания препятствует осуществлению последней.

Нам представляется интересным более подробно рассмотреть выраженность симптомов каждой фазы в структуре синдрома эмоционального выгорания (табл. 2).

Таблица 2

Изучение симптомов в структуре фаз развития эмоционального выгорания сотрудников ФСИН России

Фаза напряжения	Симптом переживания психотравмирующих обстоятельств	18
	Симптом неудовлетворенности собой	14
	Симптом загнанности в клетку	19
	Симптом тревоги и депрессии	24
Фаза резистенции	Симптом неадекватного избирательного эмоционального реагирования	14
	Симптом эмоционально-нравственной дезориентации	12
	Симптом расширения сферы экономии эмоций	21
	Симптом редукции профессиональных обязанностей	8
Фаза истощения	Симптом эмоционального дефицита	12
	Симптом эмоциональной отстраненности	10
	Симптом личностной отстраненности, или деперсонализации	10
	Симптом психосоматических и психовегетативных нарушений	8

В результате качественного анализа выраженности симптомов в структуре синдрома эмоционального выгорания установлено доминирование симптома тревоги и депрессии фазы напряжения. Мы связываем это с осуществлением профессиональной дея-

тельности в осложненных условиях, побуждающих к эмоциональному выгоранию как средству психологической защиты. Возможно, специфика профессиональной деятельности сотрудников ФСИН России является катализатором возникновения психоэмоци-

онального напряжения в форме переживания ситуативной или личностной тревожности, разочарования в себе, профессии или в конкретном виде профессиональной деятельности. Также к сложившимся симптомам относится симптом расширения сферы экономии эмоций, что свидетельствует о переносе профессиональных отношений в личностную плоскость. Сформированность данного симптома указывает на необходимость профилактической работы не только в профессиональном аспекте, но и в контексте

развития профессионально важных личностных качеств.

Для диагностики уровня профессионального выгорания нами была использована методика К. Маслач и С. Джексона, созданная ими в 1986 г., адаптированная в России Н. Е. Водопьяновой в 2001 г. и в 2007 г. дополненная математической моделью НИПНИ им. Бехтерева (Е. И. Лозинская и др.). По итогам эмпирического исследования были получены следующие результаты (табл. 3):

Таблица 3

Изучение профессионального выгорания сотрудников ФСИН России

Эмоциональное истощение	Деперсонализация	Редукция профессионализма
27	10	13

Таким образом, нами установлено, что у сотрудников ФСИН России в структуре трехмерного конструкта профессионального выгорания преобладает эмоциональное истощение, которое может проявляться в падении эмоционального тонуса, психической истощаемости и аффективной лабильности, пресыщении деятельностью (профессиональной и не только) либо в отказе от нее, а также в снижении удовлетворенно-

сти жизнью в целом. Однако показатели деперсонализации и редукции профессионализма находятся в пределах статистической нормы.

Для диагностики стрессоустойчивости личности сотрудников ФСИН России нами была использована методика Ю. В. Щербатых, которая позволяет оценить как общий уровень стрессоустойчивости, так и отдельные его компоненты (табл. 4).

Таблица 4

Изучение компонентов стрессоустойчивости сотрудников ФСИН России

Обстоятельства	Усложнение	Психосоматика	Деструктивное преодоление	Конструктивное преодоление
42	20	15	40	23

Как видно из представленных выше данных, для сотрудников ФСИН России характерна высокая ориентация на обстоятельства, то есть им свойственно эмоционально реагировать на обстоятельства, на которые трудно или невозможно повлиять. Также высокими являются показатели деструктивного преодоления стрессовых ситуаций. Это свидетельствует о том, что испытуемые при возникновении стрессовых ситуаций предпочитают саморазрушительные формы совладания. При этом деструктивное преодоление различно – от заедания стресса и реализации других форм зависимого пищевого поведения до употребления алкоголя или курения. И несмотря

на то, что итоговый интегральный показатель стрессоустойчивости находится в норме, качественный анализ шкал позволяет сделать выводы о необходимости профилактики деструктивных способов совладания со стрессом и формирования конструктивных копинг-стратегий.

С целью диагностики доклинических степеней хронического утомления сотрудников ФСИН России нами был использован опросник «Степень хронического утомления» А. Б. Леоновой. Для удобства графического представления мы приведем полученные данные в виде процентного выражения шкал от их максимального значения (табл. 5).

Таблица 5

Изучение хронического утомления сотрудников ФСИН России

Симптомы физиологического дискомфорта	Снижение общего самочувствия и когнитивный дискомфорт	Нарушения в эмоционально-аффективной сфере	Снижение мотивации и изменения в сфере социального общения
35 %	30 %	75 %	80 %

В результате изучения компонентов проявления хронического утомления у сотрудников ФСИН России установлены снижение мотивации и изменения в сфере социального общения. Это может существенно ухудшать работоспособность, а в некоторых моментах даже формировать отказ от деятельности и

ее срыв. Также высокими являются показатели возникновения возможных нарушений в эмоционально-аффективной сфере. Несмотря на то, что это может служить некой разрядкой, фактор является деструктивным, и его действие способно привести к возникновению конфликтов. Следовательно, сво-

временная диагностика хронического утомления чрезвычайно важна для организации профилактических и коррекционных мероприятий по предупреждению профессиональных деструкций и поддержанию общей работоспособности человека.

Исходя из теоретического анализа литературы, представляется интересным рассмотреть взаимосвязь между компонентами профессиональных деструкций и успешностью профессиональной деятельности сотрудников ФСИН России.

Для описания эффективного выполнения профессиональных обязанностей и достижения оптимального результата существует понятие «профессиональная успешность», однако критерии ее в любом виде деятельности не определены, поскольку успешность для себя и успешность для других зачастую могут быть диаметрально противоположными.

Ряд зарубежных психологов, в частности американские исследователи Д. Верунг, А. Макримман и Х. Шредер, рассматривают профессиональную успешность через дифференциацию способностей, знаний, умений и навыков, способствующих качественному выполнению профессиональных обязанностей и решению профессиональных задач. Другие ученые, в частности американский психолог, специалист в области мотивации Дж. Аткинс, ведущий представитель прагматизма и функционализма У. Джеймс, а также немецкий и американский психолог, автор концепции групповой динамики и пси-

хологической теории поля К. Левин, обращают свое внимание прежде всего на феномены мотивации достижения успеха или избегания неудач, самооценку и уровень притязаний.

Среди представителей отечественной психологической школы единого понимания успешности не существует. Выделением критериев и содержательных характеристик успешности в различное время занимались М. В. Теплинских, И. Б. Храпенко, И. В. Арендчук, А. Н. Елизаров, М. Н. Болдинова и др.

Близко нам понимание профессиональной успешности Е. А. Родионовой, которая рассматривала профессиональную успешность как комплекс высоких результатов личности, приобретенных в процессе профессиональной деятельности.

Для изучения интегральной удовлетворенности профессиональной деятельностью сотрудников ФСИН России нами были использованы методика А. В. Батаршева и метод экспертных оценок.

Поскольку в субшкалах методики А. В. Батаршева максимальные значения разнятся, нами был введен корректировочный коэффициент для каждой шкалы (для наглядности представления графических данных). Для первой, третьей и четвертой шкал корректировочный коэффициент равен 1, для второй, пятой, шестой и седьмой – 1,5, для восьмой – 3.

При изучении интегральной удовлетворенности профессиональной деятельностью сотрудников ФСИН России с помощью методики А. В. Батаршева нами были получены следующие результаты (табл. 6):

Таблица 6

Изучение интегральной удовлетворенности профессиональной деятельностью сотрудников ФСИН России

Интерес к работе	Удовлетворенность достижениями в работе	Удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками	Удовлетворенность взаимоотношениями с руководством	Уровень притязаний в профессиональной деятельности	Предпочтение выполняемой работы высокому заработку	Удовлетворенность условиями труда	Профессиональная ответственность
2,4	2,2	3,4	2	3	2,4	2,6	2,8

Очевидно, что в процессе осуществления профессиональной деятельности сотрудники ФСИН России в большей степени удовлетворены взаимоотношениями с коллегами. Также нельзя не отметить показатели уровня притязаний. Меньше всего испытываемые удовлетворены взаимоотношениями с руководством и своими достижениями. Однако также необходимо

указать, что интегральный показатель удовлетворенности находится в пределах статистической нормы.

Для осуществления экспертной оценки мы использовали авторскую анкету с критериями внешней и внутренней успешности. В качестве экспертов выступили непосредственные руководители. Были получены следующие результаты (табл. 7):

Таблица 7

Изучение успешности профессиональной деятельности сотрудников ФСИН России

Полностью успешны	Скорее успешны	Скорее неуспешны	Полностью неуспешны
15 %	40 %	40 %	5 %

Из представленных данных видно, что большинство экспертов стараются избегать категоричных суждений. По их мнению, всего лишь 15 % сотрудников полностью реализованы в профессиональной деятельности, по 40 % скорее неуспешны и скорее

успешны и лишь 5 % полностью неуспешны в своей профессиональной деятельности.

Для нахождения взаимосвязи между успешностью профессиональной деятельности и профессиональными деструкциями мы использовали кор-

реляционный анализ Пирсона, который позволяет установить прямые связи между переменными величинами по их абсолютным значениям. Для $n = 20$ $r_{кр} = 0,44$ при $p \leq 0,05$ и $r_{кр} = 0,56$ при $p \leq 0,01$.

В результате проведенного корреляционного анализа нами были установлены следующие значимые взаимосвязи.

Показатели интереса к работе по методике А. В. Батрашева положительно коррелируют с показателями конструктивного преодоления стресса ($r = 0,64$) и отрицательно – с показателями тревоги и депрессии фазы напряжения по методике Бойко ($r = -0,52$). Удовлетворенность отношениями с сотрудниками обратно взаимосвязана с показателями нарушения в эмоционально-аффективной сфере по методике А. Б. Леоновой ($r = -0,58$), показателями эмоционального истощения по методике К. Маслач ($r = -0,49$) и показателями успешности по экспертной оценке ($r = -0,70$). Положительная корреляция по данной шкале наблюдается с конструктивным преодолением стрессовой ситуации ($r = 0,50$). Уровень притязаний в профессиональной деятельности отрицательно коррелирует с показателями симптомов загнанности в клетку ($r = -0,44$), расширения сферы экономии эмоций ($r = -0,57$) по методике Бойко, редукцией профессиональных обязанностей по методике К. Маслач ($r = -0,45$), а также обстоятельной реакцией на стресс по методике Ю. В. Щербатых ($r = -0,52$).

Всемирная организация здравоохранения рекомендует следующие стратегии первичной профилактики синдрома выгорания у медицинских работников, которые, на наш взгляд, также подходят и для сотрудников ФСИН России:

1. Избегание предъявления слишком высоких требований к лицам, оказывающим помощь другим людям.

2. Обеспечение равномерного распределения удовлетворяющих заданий между сотрудниками.

3. Обучение сотрудников распределению времени и техникам релаксации.

4. Модификация работ, вызывающих слишком сильный стресс.

5. Поощрение формирования групп поддержки.

6. Поощрение сотрудников к участию в принятии решений, влияющих на условия работы и др.

Мероприятия, направленные на профилактику профессиональных деструкций, должны охватывать личностные, организационные и социальные аспекты деятельности каждого сотрудника. К основным векторам такой профилактики можно отнести:

- 1) повышение качества профотбора сотрудников;

- 2) просветительские мероприятия, имеющие целью формирование сознательного отношения к своему физическому и психическому здоровью;

- 3) повышение стрессоустойчивости;

- 4) формирование позитивного отношения к профессиональной деятельности;

- 5) раннюю диагностику синдрома и коррекцию профессиональных деформаций;

- 6) оптимизацию совместной деятельности и построение благоприятных взаимоотношений в коллективе и др.

В системе профилактических мероприятий нам представляется правомерным выделение психологического, психофизического и гигиенического направлений.

Главной целью психологического направления профилактики является максимальное содействие психическому и личностному здоровью сотрудников. Психологическая профилактика подразумевает предупреждение возможных отклонений в психическом состоянии, создание психологических условий, максимально благоприятных для осуществления профессиональной деятельности. Она включает психологическую гигиену, психологическую диагностику, психологическое консультирование, психологические тренинги, психологическое просвещение, психологическую коррекцию. Психологическая профилактика профессионально обусловленных деструкций в структуре ФСИН России предполагает создание и реализацию программ обучающих курсов, направленных на развитие социально-психологической компетенции, психологической культуры, разработку и внедрение психологических проектов по предупреждению дезадаптации, нарушений в поведении. Проведение психодиагностики позволяет выявить психофизиологические и личностные особенности сотрудников, предотвратить развитие профессионально обусловленных деформаций личности.

Психофизическая профилактика – это комплекс гигиенических, педагогических и социально-психологических мероприятий, направленных на предупреждение профессионально обусловленных деструкций и устранение факторов риска их возникновения. Актуальными методами и средствами психофизической профилактики применительно к сотрудникам ФСИН России являются психофизическая тренировка и психофизические упражнения, релаксационная гимнастика и другие техники релаксации, пальминг, аутогенная тренировка, йога, дыхательные упражнения, физические упражнения, направленные на снятие напряжения в области плечевого пояса, способствующие активизации кровообращения в ногах, нормализующие мозговое кровообращение, снимающие утомление после продолжительной работы, улучшающие кровоснабжение головного мозга, упражнения для различных отделов позвоночника, а также упражнения для глаз.

Причиной многих профессионально обусловленных деструкций является несоблюдение правил здорового образа жизни, поэтому сотрудники ФСИН России должны приобретать знания, умения и навыки по организации гигиенических мероприятий. Гигиеническими средствами профилактики профессионально обусловленных деструкций являются профилактика вредных привычек, закаливание организма, самомассаж, соблюдение режима сна и бодрствования, следование принципам рационального питания.

Основным средством профилактики профессионально обусловленных деструкций и повышения производительности труда во время трудового дня является производственная гимнастика, то есть набор физических упражнений, которые выполняются сотрудниками на рабочем месте и включаются в режим рабочего дня с целью повышения работоспособности, укрепления здоровья и предупреждения утомления. Формами производственной гимнастики являются вводная гимнастика, физкультпауза, физкультминутка, микропауза активного отдыха, оздоровительно-профилактическая гимнастика, восстановительно-профилактическая гимнастика.

Таким образом, технологии профилактики профессионально обусловленных деструкций сотрудников ФСИН России включают в себя оздоровительно-профилактические мероприятия психологической, психофизической и гигиенической направленности, а также профилактику деструктивной профессионализации во время трудового дня.

Выводы

Результаты теоретического и эмпирического исследования подтверждают риск возникновения профессиональных деструкций в самом общем виде. Поскольку профессиональные деструкции реализуются во всех сферах жизнедеятельности личности, рас-

сматривать их отдельно от личностных особенностей конкретного сотрудника не представляется возможным. По итогам эмпирического исследования были найдены значимые связи между различными компонентами профессиональных деструкций и успешностью профессиональной деятельности. Несмотря на то, что взаимосвязь профессиональных деструкций и успешности профессиональной деятельности кажется очевидной, конкретизация соотношенности конкретных компонентов представляется важной задачей. Не требующим подтверждения является факт значимости профилактических мероприятий в отношении возникновения профессиональных деструкций. В конечном счете это будет способствовать повышению успешности профессиональной деятельности сотрудников ФСИН России. При этом профилактика не должна носить ситуативный характер, а призвана быть регулярной и комплексной. Профилактика профессиональных деструкций более эффективна при реализации ее в различных сферах: культурно-массовой, спортивной, творческой и т. д., поскольку должна носить, с одной стороны, массовый, а с другой – персонифицированный характер. Оптимизация рабочих задач и гармонизация свободного времени сотрудников ФСИН России также снижают риск возникновения профессиональных деструкций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бакута А. П., Ерина И. А. Сущность феномена профессионального выгорания. 2021. № 4–1. С. 346–352.
2. Безносков С. П. Профессиональные деформации личности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3 (55). С. 167–171.
3. Зеер Э. Ф. Психология профессий : учеб. пособие для студентов вузов. М., 2015. 336 с.
4. Маркова А. К. Психология профессионализма. М., 1996. 312 с.
5. Болдырева Т. А. Семантическое пространство профессиональной успешности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2019. № 2 (47). С. 88–100.
6. Копылова Н. В., Якушенко А. А. Психологическая оценка успешности профессиональной деятельности // Педагогика & Психология. Теория и практика. 2016. № 1 (3). С. 80–82.
7. Нилова Л. А. Успешность в профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы и ее зависимость от структуры личности (по теории Э. Берна) // Перспективы науки. 2018. № 3 (102). С. 101–104.

REFERENCES

1. Bakuta A.P., Erina I.A. *Sushchnost' fenomena professional'nogo vygoraniya* [Essence of the phenomenon of professional burnout]. 2021. No. 4–1. Pp. 346–352.
2. Beznosov S.P. Professional deformations of personality. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 3(55), pp. 167–171. (In Russ.).
3. Zeer E.F. *Psikhologiya professii: ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Psychology of professions: textbook for university students]. Moscow, 2015. 336 p.
4. Markova A.K. *Psikhologiya professionalizma* [Psychology of professionalism]. Moscow, 1996. 312 p.
5. Boldyreva T.A. Semantic space of professional success of employees of the penal system. *Prikladnaya juridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2019, no. 2 (47), pp. 88–100. (In Russ.).
6. Kopylova N.V., Yakushenko A.A. Psychological assessment of professional activity success. *Pedagogika & Psikhologiya. Teoriya i praktika = Pedagogy & Psychology. Theory and Practice*, 2016, no. 1(3), pp. 80–82. (In Russ.).
7. Nilova L.A. Success in the professional activity of employees of the penal enforcement system and its dependence on the structure of personality (according to the theory of E. Bern). *Perspektivy nauki = Scientific Prospects*, 2018, no. 3 (102), pp. 101–104. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ШАМАНИН – старший преподаватель кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, shamanin_1983@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8735-7536>

VITALII E. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Psychology of Personality and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, professor at the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia; professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

NIKOLAI V. SHAMANIN – Senior Lecturer at the Department of Psychology of Personality and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, shamanin_1983@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8735-7536>

Статья поступила 21.02.2023

Научная статья

УДК 378:004

doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.011

Разработка онлайн-курсов как средство совершенствования отечественной системы непрерывного образования

МАРИЯ ЛЬВОВНА КОВАЛЕВА

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, ml.kov@bk.ru

ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ШИБАЕВ

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, 013600@inbox.ru

Реферат

Введение: в статье исследуется вопрос системности образовательного процесса в современный период, необходимости осуществления образования на основе не только непосредственного взаимодействия преподавателя и обучающегося, но и опосредованного, то есть через дистанционные формы. Но проблемой является отсутствие определенных правил и требований к созданию онлайн-курсов как цельных элементов конкретной отрасли или предмета, который преподается. *Цель:* анализ имеющихся в теоретических изысканиях и в практиках эффективных инструментов поступательного развития системы непрерывного образования в России в условиях цифровизации общества с учетом возможностей как очного, так и заочного образования. Отдельно изучается специфика формирования и внедрения в учебный процесс онлайн-курсов в системе ведомственных вузов. *Методы:* сравнительно-правовой, статистический методы описания, интерпретации. *Результаты:* авторами представлена модель системы непрерывного образования. В статье обсуждается вопрос о разработке онлайн-курсов, которые, как предполагается, позволят сделать систему непрерывного образования в России более эффективной и доступной для всех категорий граждан. Проанализирован потенциал онлайн-курсов, разработан алгоритм их проектирования применительно к системе непрерывного образования. Отдельно отмечены особенности формирования системы онлайн-курсов для ведомственных вузов, программы и режим обучения в которых могут существенно отличаться от гражданских учебных заведений. *Выводы:* использование предложенной методики обеспечит единый подход и требования к формированию онлайн-курсов для внедрения их в образовательный процесс.

Ключевые слова: непрерывное образование; проектирование; онлайн-курсы; цифровизация; потенциал; система непрерывного образования; методики непрерывного образования; использование онлайн-курсов в ведомственном вузе; сведения ограниченного доступа.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Ковалева М. Л., Шибеев Д. В. Разработка онлайн-курсов как средство совершенствования отечественной системы непрерывного образования // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 212–221. doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.011.

Original article

Development of Online Courses as a Means of Improving the Domestic Lifelong Learning System

MARIYA L. KOVALEVA

North-Western Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, ml.kov@bk.ru

DMITRII V. SHIBAEV

North-Western Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, 013600@inbox.ru

Abstract.

Introduction: the article considers a systemic nature of the modern educational process and the necessity to provide education not only on the basis of a direct teacher–student interaction, but also indirectly, i.e. through distance forms. However, there is a problem of the lack of certain rules and requirements for creating online courses as completed parts of a specific industry or subject that is being taught. *Purpose:* to analyze the effective tools available in theoretical research and practice for progressive development of the lifelong learning system in Russia in the conditions of digitalization of the society with regard to the possibilities of both full-time and correspondence education. The specifics of the formation and inclusion of online courses in the educational process of departmental universities are studied separately. *Methods:* comparative legal, statistical methods of description, and interpretation. *Results:* the authors present a model of the lifelong learning system. The article discusses development of online courses that are supposed to make a lifelong learning system in Russia more effective and accessible to all categories of citizens. Capacities of online courses are analyzed and the algorithm for designing online courses in relation to the system considered is developed. The authors highlight features of forming an online course system for departmental universities, programs and the training regime, which may differ significantly from civilian universities. *Conclusion:* the use of the proposed methodology will form a unified approach and requirements for forming online courses to implement them in the educational process.

Keywords: lifelong learning; design; online courses; digitalization; capacities; lifelong learning system; lifelong learning methods; use of online courses in a departmental university; limited access information.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Kovaleva M.L., Shibaev D.V. Development of online courses as a means of improving the domestic lifelong learning system. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 212–221. doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.011.

Введение

Тенденции, актуальные в целом для системы образования в условиях ее перехода к новому, цифровому формату, способствуют формированию особой миссии образования – адаптировать население к условиям современного мира [1]. Выполнение данной задачи возможно при условии внедрения такой модели образования, которая даст современному человеку возможность получать гибкие компетенции для самореализации, независимо от возраста, местонахождения, финансового состояния, физических особенностей и других факторов [2]. Российский и мировой опыт показывает, что система непрерывного образования как единая образовательная система, рассматривающая образование как непрерывающийся процесс, обеспечивающий поступательное развитие творческого потенциала личности в течение всего периода жизни, обладает возможностью всестороннего развития и совершенствования этой

личности [3]. В то же время нет четкой методологии процесса непрерывного образования, недостаточно раскрыт потенциал инструментов, с помощью которых организуется процесс непрерывного образования, в частности таких цифровых инструментов, как онлайн-курсы. Отсутствуют рекомендации к разработке онлайн-курсов в контексте непрерывного образования [4, с. 36–38]. Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения онлайн-курсов при их активном внедрении в систему непрерывного образования в России.

Идея непрерывного образования не нова, ее элементы можно обнаружить в работах Конфуция, Сократа, Аристотеля, Платона, Вольтера, Руссо и др. В настоящее время в большинстве стран поддерживается идея обучения в течение всей жизни [5]. В условиях глобальной цифровизации общества реализация непрерывного образования актуализируется, стремительно меняются взгляды на процесс обра-

зования, его цели, формы. Для адаптации человека к реалиям современного мира нужна такая система образования, которая может быстро реагировать на все изменения, формировать человека, способного заниматься самообразованием, желающего и умеющего постоянно учиться.

Исследователи сходятся во мнении, что именно система непрерывного образования потенциально готова решить данные задачи [6].

Модель системы непрерывного образования

Для того чтобы определить роль системы непрерывного образования, мы проанализировали Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», аналитические материалы Министерства образования и науки России и Национального фонда подготовки кадров по итогам Национального проекта «Образование» [7] и пришли к выводу, что классическая модель образования предполагает линейную траекторию (условно: детский сад – школа – вуз) с готовой организационной и управленческой структурой. В таком случае процесс образования, формируемый государством, образовательным учреждением, педагогом, отводит обучающемуся лишь роль пассивного участника образовательно-воспитательного процесса. По нашему

мнению, модель образования может быть принципиально новой. Фокус внимания обращен на интеграцию системы непрерывного образования в классическую модель системы образования. На рисунке показана авторская модель такой системы, которая наглядно демонстрирует, что блоки и уровни образования являются единой системой, а учебный процесс можно представить в виде образовательной траектории. Этому будет способствовать включение блока дополнительного образования во все остальные блоки и уровни системы. К примеру, краткосрочные учебные программы могут дать возможность получить конкретный результат людям, уже имеющим высшее образование, когда за небольшой срок они смогут освоить новую профессию, переквалифицироваться и, как следствие, сменить сферу деятельности, также попробовать себя в новой деятельности, приносящей доход, существенно расширить диапазон компетенций, определить направления для дальнейшего личного и профессионального роста [8].

Важным становится большая самостоятельность обучающихся при выборе направлений для образования, учебных ресурсов и технологий самообразования.

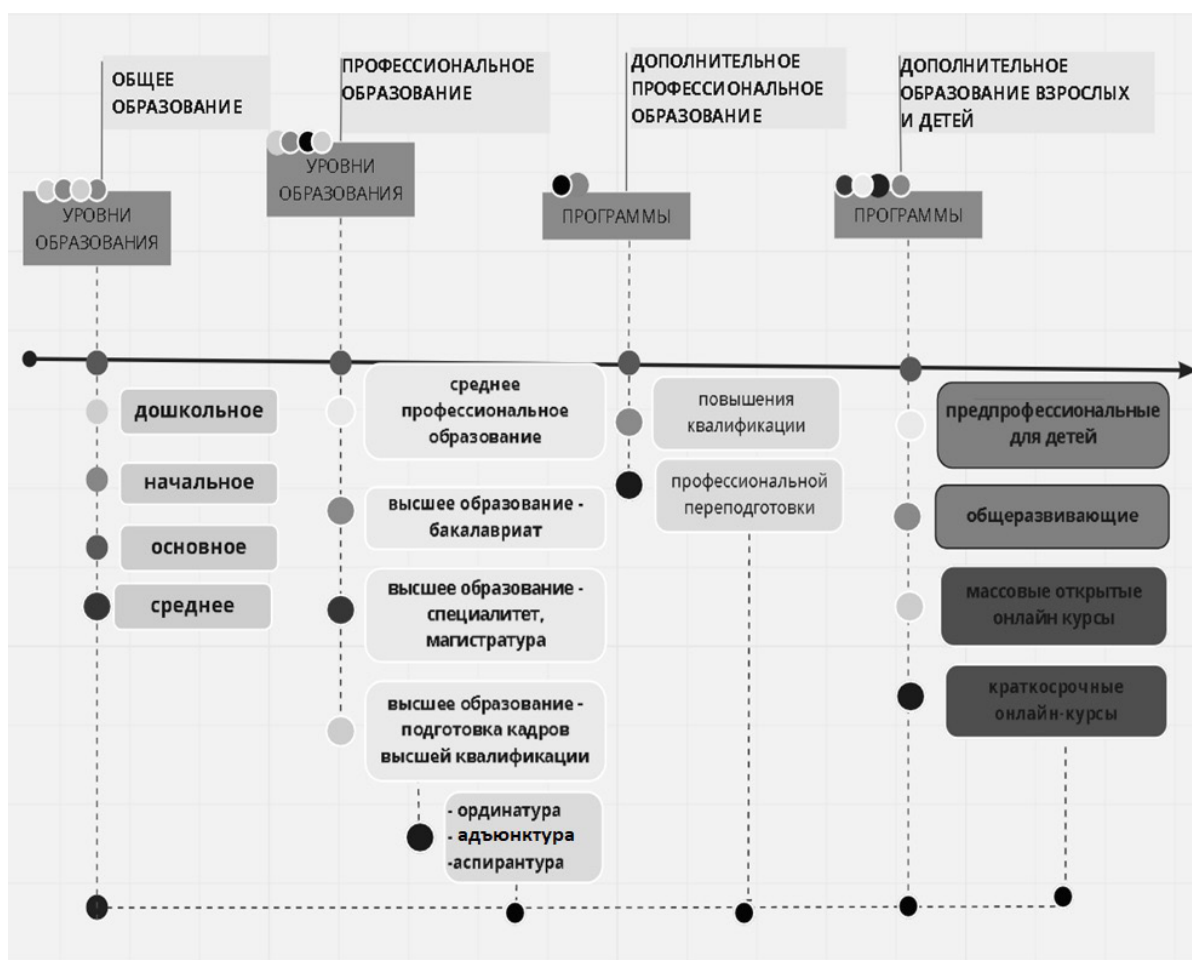

Рис. Авторская модель системы непрерывного образования

Представленная модель системы непрерывного образования предполагает практико-ориентированный подход к организации процесса обучения, учитывает тенденции, существующие на рынке труда. Модель является открытой – участниками системы непрерывного образования могут быть государство, социальные институты, образовательные организации, а также работодатели, которые сегодня активно инвестируют в развитие сотрудников, это позволяет сократить текучесть кадров, дает возможность адаптироваться под новые экономические модели. Открытость и гибкость системы непрерывного образования формируют ряд ролей, присущих непрерывному образованию в структуре классической модели образования, среди которых: 1) возможность выбора направлений обучения, форм, условий; 2) открытый рынок образовательных программ и модулей вместо заранее установленного стандарта; 3) обогащение системы образования новыми принципами, технологиями и методиками индивидуализации обучения, перспективными техническими решениями; 4) возможность адаптации системы образования к динамично изменяющимся потребностям личности, общества, экономики; 5) возможность выстраивания долгосрочной траектории индивидуального саморазвития.

Для реализации непрерывного образования необходимы новейшие инструменты и технологии [9]. Один из них – дистанционное взаимодействие всех участников процесса непрерывного образования. Такая форма делает процесс образования доступным, удобным, гибким, чаще всего осуществляется с применением онлайн-курсов [10].

В настоящее время мы наблюдаем высокий уровень спроса на онлайн-курсы. Аналитики отмечают, что к 2025 г. объем инвестиций в онлайн-образование должен достичь не 350 млрд долларов, как прогнозировалось ранее, а с учетом новой реальности объем рынка может достичь 1 трлн долларов [11].

Проанализировав причины высокого спроса на онлайн-курсы среди людей разного возраста и социального статуса, мы выяснили следующее:

- благодаря такому инструменту, как онлайн-курсы, люди, к примеру потерявшие работу, получают возможность в короткие сроки обучиться новой, более стабильной и востребованной профессии, монетизировать свое хобби;

- онлайн-курсы дают возможность получить официальный документ о переподготовке или обучении;

- онлайн-курсы реализуют индивидуальную траекторию обучения посредством персонализированного обучения, что подразумевает собственный темп обучения с учетом уровня способностей и уже имеющихся компетенций, индивидуальных требований каждого обучающегося [1];

- у обучающихся появляется возможность широкого выбора актуальных сегодня и в перспективе программ, решающих конкретные задачи обучающихся;
- такое обучение экономически целесообразно;
- процесс обучения происходит без ограничений по времени и месту занятий, позволяет лучше сбалансировать работу и учебу.

Высокий спрос подтверждает потенциал применения онлайн-курсов в системе непрерывного образования, поскольку именно такое образование создает основу для карьеры в течение всей жизни [12]. Благодаря онлайн-курсам образование становится гибким, обучающиеся получают возможность строить индивидуальные образовательные траектории, а также мобильность за счет выбора курсов, постоянного обновления компетентностей [13]. В данном контексте онлайн-курсы рассматриваются как образовательный ресурс.

В ходе исследования были проанализированы онлайн-курсы, реализуемые образовательными компаниями (edtech-компаниями), предоставляющими услуги в сегменте дополнительного образования, бизнес-образования и образования детей, рейтинг которых, по данным аналитиков, наиболее высокий (Фоксфорд, Учи.ру, Skillbox, Яндекс.Практикум, Like Центр, Нетология, SkillFactory). Онлайн-курсы данных компаний размещены в открытом доступе. Схожими параметрами изученных нами онлайн-курсов были следующие: четкая структура; учебный материал делится на уровни сложности, модули, блоки, отдельные занятия, образуя систему; программа курса строится в зависимости от результата обучения; обучающийся в финале обязательно должен достичь конкретного результата; курс включает формирование навыков, то есть является практико-ориентированным; обучение сопровождается тьюторской и методической поддержкой; четко прослеживается педагогический дизайн.

Алгоритмы создания онлайн-курсов

Указанные параметры актуализируют проблему разработки алгоритма создания онлайн-курсов, который сможет упростить выбор инструментов для подготовки и тиражирования курса, уменьшить трудозатраты на его разработку, позволит унифицировать онлайн-курсы, сохраняя специфику предмета и новаторство эксперта курса, решению которой посвящена данная работа. При составлении алгоритма онлайн-курсов мы опирались на исследования авторов, позиция которых нам наиболее близка, среди них О. Н. Таранец [14] и Г. А. Краснова [15]. Представленный ниже алгоритм разработки онлайн-курсов в системе непрерывного образования спроектирован на основе анализа онлайн-курсов edtech-компаний, речь о которых велась выше.

Таблица

Алгоритм разработки онлайн-курсов в системе непрерывного образования

Тренды (блоки)	Этапы	Мероприятия	Сроки реализации	Ожидаемый результат
1	2	3	4	5
БЛОК А.	А1. Планирование	А1.1. Разработка концепции и визуализация конечного результата (цели) курса	Индивидуальные, в зависимости от	Разработаны и представлены онлайн-

1	2	3	4	5	
Разработка онлайн-курса		A1.2. Изучение целевой аудитории	опыта, компетенций проектировщиков курса, технического обеспечения, сложности и объема самого курса. В среднем Блок А реализуется за период не более 30 календарных дней	курсы учебных дисциплин, а также MOOC	
		A1.3. Выбор формата курса (полностью онлайн или смешанное обучение)			
		A1.4. Выбор формата передачи информации (синхронно, асинхронно)			
		A1.5. Выбор методик (например, перевернутый класс, игрофикация, брейнсторминг и др.).			
		A1.6. Разработка инструкций по использованию IT-продуктов для обучающихся, инструкций по обучению в целом: ключевые даты, контактная информация, безопасность и защита данных, FAQ (часто задаваемые вопросы)			
		A2. Проектирование			A2.1. Разработка аннотации и содержания курса
		A2.2. Разработка структуры курса	A2.2.1. Определение количества модулей, тем, занятий, общей трудоемкости курса.		
		A2.2.2. Разработка ресурсов курса: видеолекции, презентации, текстовые документы, электронные учебники, примеры, результаты исследований, тесты, задания, глоссарий, гиперссылки			
		A2.3. Выбор технологической системы для «упаковки» курса (LMS) [16]			
		A2.4. Разработка системы оценки и форм контроля			
		A3. Запуск	A3.1. Создание комьюнити		
		A3.1.1. Организация чата с обучающимися, например, в Telegram			
			A3.1.2. Создание сообщества курса для обучающихся, преподавателей, экспертов (например, группа в социальной сети)	Блок В1 реализуется в среднем от 7 до 14 дней	В вузе определены концепция, цели и задачи, ответственные лица (или структура), сроки проведения онлайн-курсов, внедрены управленческие решения руководства вуза в соответствии с нормативными документами по продол-
			A3.2. Организация сопровождения обучающихся (тьюторская поддержка, консультации, чат-боты)		
			A3.2.1. Контроль активности обучающихся во время занятия в синхронном формате, удаленно, асинхронно		
A3.2.2. Проверка домашних заданий, рассылка комментариев к оценке (определение точек роста), например, через электронную почту					
A3.3. Разработка системы поощрения обучающихся					
A3.4. Обратная связь					
A3.4.1. Входное анкетирование до старта курса					
A3.4.2. Обратная связь в виде опросника после каждого занятия, в середине и в конце обучения					
Блок В. Внедрение онлайн-курса	В1. Организационная подготовка	В1.1. Изучение и проработка федеральных нормативных документов (нормативной базы) по применению дистанционных образовательных технологий и дистанционного обучения в системе высшего образования			

1	2	3	4	5
		<p>V1.2. Решение управляющего (ответственного) органа вуза об утверждении Положения об организации учебного процесса с использованием дистанционных образовательных технологий, электронного обучения, внесении дополнений и изменений в действующие локальные нормативные акты в соответствии с утвержденным положением</p> <p>V1.3. Разработка электронной информационно-образовательной среды, обеспечение технологическими средствами, информационным оборудованием</p> <p>V1.4. Дальнейшая разработка локальных нормативных актов и документов, регламентирующих формы учета всех видов занятий учащихся в ЭИОС, учет педагогической нагрузки преподавателей, порядок текущей и промежуточной аттестации</p>		<p>жению работы над совершенствованием процесса разработки и реализации онлайн-обучения в вузе</p> <p>Проводится регулярное повышение квалификации профессорско-преподавательского состава по вопросам подготовки и реализации обучения с применением электронных дистанционных образовательных технологий</p> <p>Подписаны и реализуются соглашения о сотрудничестве с иными образовательными организациями с целью развития непрерывного образования и обмена опытом</p>
	V2. Создание структуры, к компетенции которой отнесено содействие в проектировании и реализации онлайн-обучения (служба поддержки)	V2.1. Организация работы структуры по управлению учебным процессом через электронный ресурс, функции которой, например, заключаются в составлении расписания занятий, электронного мониторинга успеваемости, коммуникации с участниками учебного процесса и др.	Блок V2 реализуется в среднем в течение 2 месяцев, зависит от структуры образовательной организации и скорости реализации управленческих решений	
	V3. Повышение квалификации сотрудников	<p>V3.1. Организация обучения сотрудников технологиям проектирования онлайн-курсов: проведение методических семинаров, тренингов по использованию электронных систем</p> <p>V3.2. Аттестация сотрудников на предмет владения современными технологиями онлайн-обучения</p>	Блоки V3 и V4 имеют пролонгированное действие	
	V4. Сотрудничество	V4.1. Организация сетевого взаимодействия образовательных учреждений разных уровней образования, направленности		
Блок С. Экспертиза качества онлайн-курса	C1. Комплексная экспертиза онлайн-курса	<p>C1.1. Правовой этап экспертизы: осуществляется на основании действующих нормативных актов, образовательного стандарта, установление авторского права</p> <p>C1.2. Технический этап экспертизы: тестовая проверка курса, когда проверяются технические решения, заложенные в курс, работоспособность LMS-системы и сервисов [16, с. 25]</p> <p>C1.3. Дидактический этап экспертизы: включает оценку содержания курса и его методологии в части соответствия курса ФГОС ВО, рабочей программе дисциплины, оценивается достоверность представленных сведений о курсе, научный уровень учебных материалов, в том числе их актуальность, новизна, практическое применение</p>	Блок C1 реализуется в среднем не более одной календарной недели	Осуществляется экспертиза качества онлайн-курсов в целях повышения конкурентоспособности вуза, поддержания качества на высоком уровне

Представленный алгоритм разработки онлайн-курсов может быть применен к онлайн-курсам, которые сегодня реализуют общеобразовательные организации, высшие учебные заведения, к примеру, для создания курсов учебных дисциплин, модулей, для дополнительного образования (в статье речь не идет о массовых открытых образовательных курсах), может использоваться специалистами, которые разрабатывают онлайн-курсы, поскольку наглядно демонстрирует процесс планирования, анализ возможных недостатков в учебных планах образовательной организации, что позволяет избежать, а не решать возможные проблемы в будущем. Являясь своеобразным путеводителем, разработанный алгоритм позволяет корректировать направления деятельности для повышения эффективности и конкурентоспособности в целом образовательной организации, являющейся структурным компонентом системы непрерывного образования.

Особенностью образовательной деятельности в ведомственных вузах силовых структур является высокая вероятность пропусков курсантами лекционных и практических занятий в связи с необходимостью несения внутренней службы, по причине достаточно длительных командировок, проведения выездных тренировочных занятий и др., что актуализирует использование электронных технологий обучения (в том числе в виде онлайн-курсов) в процессе обучения и подготовки к зачетным мероприятиям.

Существенной особенностью дистанционных форм обучения для ведомственных вузов является наличие у обучающегося права самостоятельно выбирать удобные для него время и темп освоения программы, при этом курсант может пройти обучение в том числе без отрыва от выполнения должностных обязанностей.

Второй особенностью, формирующей специфику выбора методики непрерывного образования и использования онлайн-курсов, выступает существенно большая вероятность изучения курсантами вопросов, относящихся к государственной и иным видам тайн. Использование онлайн-сервисов, особенно связанных с серверами внероссийской юрисдикции, в данном случае не допускается. Следовательно, использование подобных технологий возможно лишь для изучения общеобразовательных предметов со строгим контролем информации, в них содержащейся.

Третья особенность заключается в тщательной предварительной проработке материала курса. Если на аудиторных занятиях преподаватель может использовать аккумулированный материал (цитаты из монографий, научных статей, данные статистики и др.), непосредственно на занятии обсуждать вопросы, то при онлайн-курсе изучение неясной обучающемуся информации может сопровождаться только работой с онлайн-библиотеками, следовательно, необходимо выделять онлайн-базы знаний, которые

будут доступны для слушателя курса, и ссылки на рекомендованную литературу.

Еще одной особенностью данного вида курсов является возможность применения разных видов контроля. Учитывая, что курсанты ведомственных вузов, как уже указывалось, помимо учебы могут быть задействованы в других видах дополнительных обязанностей, использование удаленных форм контроля (тесты, сдача отчетов, заполнение форм, удаленная сдача экзаменов с помощью системы прокторинга) является важной и необходимой частью онлайн-курсов.

По области методического назначения средства информационных и коммуникационных технологий ряд авторов [17] разделяет онлайн-курсы на следующие подвиды, каждый из которых имеет самостоятельную направленность и результат обучения: 1) обучающие (лекционные и практические занятия); 2) тренажеры (тесты, модели, задания); 3) информационно-поисковые и справочные (справочные правовые системы, агрегаторы информации, базы данных и знаний); 4) демонстрационные (визуализаторы изучаемого объекта или процесса); 5) имитационные (средства, имитирующие реальную ситуацию для отработки навыков); 6) лабораторные (дистанционный эксперимент); 7) моделирующие (моделирование, то есть самостоятельное создание процесса как результата изучения темы); 8) расчетные (средство автоматизации расчетов и различных операций); 9) учебно-игровые (создание учебных ситуаций, позволяющих реализовать деятельность обучающихся в игровой форме).

Совокупность как минимум четырех элементов из предложенных в зависимости от планируемых задач обучения и групп обучающихся создаст, на наш взгляд, законченный результат образовательной деятельности.

Заключение

Онлайн-курсы обладают в действительности значительным потенциалом как эффективное средство для организации процесса непрерывного образования. Алгоритм создания онлайн-курсов, описанный в статье, обусловлен их спецификой.

Для реализации непрерывного образования необходимо создавать крупные платформы для самообразования и взаимного обучения всех категорий граждан, в том числе иностранных, развивать систему подтверждения квалификаций, полученных через систему непрерывного образования, посредством прохождения онлайн-курсов. На уровне государства необходимо проводить просветительскую работу, меняющую привычки людей. Так, привычка учиться на протяжении всей жизни, формируемая в детском возрасте, переходит в навык непрерывного образования, который тесным образом связан с повышением качества жизни человека.

Предложения и перспективы дальнейшего исследования обсуждаемой темы мы видим в разработке технологий, повышающих эффективность онлайн-

курсов, требований к компетенциям преподавателей, которые реализуют онлайн-курсы в системе непрерывного образования. На государственном уровне необходимо разрабатывать стандарты по оценке качества профессиональных компетенций работников и программ непрерывного образования. В то же время следует учитывать специфику образовательного учреждения, в частности особенности режима образовательного учреждения и виды информации. Особое внимание стоит уделить удаленной образовательной деятельности в структуре ведомственных вузов, учитывая их специфику образования – совмещение обучения с командировками и несением служебных обязанностей, недопустимостью передачи по каналам связи информации ограниченного доступа, сложностью работы с дополнительными источниками информации для самообразования. Контроль за содержанием онлайн-курсов и их распространением по открытым каналам связи

в ведомственных вузах должен осуществлять специально уполномоченный сотрудник. Если программа образования предусматривает изучение служебной, государственной или профессиональной информации, использование онлайн-курса должно соответствовать закону, содержание предусматривать изучение этих вопросов аудиторно. В то же время если программа обучения может прерываться командировками, режимными мероприятиями, использование онлайн-технологий является тем средством, которое создаст возможность обучения или повторения материала в удобное для обучающегося время.

Данные предложения будут способствовать дальнейшему совершенствованию отечественной системы непрерывного образования, повышению уровня цифровой грамотности, общих и специальных знаний, доступности и ресурсосберегаемости образовательной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ерохина Е. Как создать качественный онлайн-курс: 6 условий. URL: <https://skillbox.ru/media/education/kak-sozdat-kachestvennyu-onlayn-kurs-6-usloviu> (дата обращения: 16.03.2022).
2. Кузьминов Я. И., Карной М. Онлайн-обучение: как оно меняет структуру образования и экономику университета // Вопросы образования. 2015. № 3. С. 8–43.
3. Чорная А. Д. Непрерывное образование как основоположное условие развития современного общества // Проблемы и перспективы развития образования : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Пермь, янв. 2013 г.). Пермь, 2013. С. 36–38.
4. Латышина Д. И. История педагогики (История образования и педагогической мысли) : учеб. пособие. М., 2000. 532 с.
5. Чурекова Т. М. Теоретико-методологические основы непрерывного образования личности в инновационных образовательных учреждениях : дис. ... д-ра пед. наук. Кемерово, 2002. 397 с.
6. Кудлаев М. С. Процесс цифровизации образования в России // Молодой ученый. 2018. № 31 (217). С. 3–7.
7. Материалы Министерства образования и науки России и Национального фонда подготовки кадров по итогам Национального проекта «Образование». URL: <https://edu.gov.ru/national-project/results/> (дата обращения: 28.03.2022).
8. Леонидова Г. В., Устинова К. А. Непрерывное образование как условие формирования человеческого капитала // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 6 (24). С. 124–137.
9. Колесникова И. А. Непрерывное образование как феномен XXI века: новые ракурсы исследования // Непрерывное образование: XXI век. 2013. Вып. 1. С. 2–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepreryvnoe-obrazovanie-kak-fenomen-xxi-veka-povye-rakursy-issledovaniya> (дата обращения: 15.03.2022).
10. Кузьмина И. А., Устинов В. А. Принципы и методы создания курсов дистанционного обучения // Университетское управление. 2000. № 1 (12). С. 50–54.
11. Романова Н. Л. Онлайн-курсы как инновационная форма дистанционного обучения // Педагогика высшей школы. 2018. № 2 (12). С. 5–8.
12. Пережовская А. Н. Непрерывное образование: цели, задачи, содержание, функции, перспективы развития // Проблемы и перспективы развития образования : материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Пермь, апр. 2015 г.). Пермь, 2015. С. 38–41.
13. Стефова М., Сычев В. Как определить качество онлайн-курса и создать собственную систему оценки образовательного продукта на основе данных. URL: <https://netology.ru/blog/11-2021-kachestvo-online-kursov> (дата обращения: 02.12.2022).
14. Таранец О. Н. Дистанционное обучение: история и этапы развития // Наука и образование: поиск перспектив модернизации : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (г. Белгород, 12 июля 2021 г.). Белгород, 2021. С. 48–51.
15. Краснова Г. А., Полушкина А. О. Состояние и перспективы дистанционного обучения в период пандемии COVID-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2021. Т. 18, № 1. С. 36–44.
16. Меркель А. В., Радыгин В. Ю., Куприянов Д. Ю., Лукьянова Н. В. LMS-система как механизм повышения качества обучения студентов очного отделения: симбиоз конкурентного подхода и технологий социальных сетей на базе свободного программного обеспечения // Молодой ученый. 2016. № 24 (128). С. 24–31.

17. Ковтуненко Л. В. Электронное обучение как инновационная форма образовательной деятельности в организациях ФСИН России: проблемы и тенденции развития // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 2 (38). С. 103–106.

REFERENCES

1. Erokhina E. *Kak sozdat' kachestvennyi onlain-kurs: 6 uslovii* [How to create a high-quality online course: 6 conditions]. Available at: <https://skillbox.ru/media/education/kak-sozdat-kachestvennyy-onlayn-kurs-6-usloviy> (accessed March 16, 2022).
2. Kuz'minov Ya.I., Karnoi M. Online training: how it changes the structure of education and the economy of the university. *Voprosy obrazovaniya=Educational Studies*, 2015, no. 3, pp. 8–43. (In Russ.).
3. Chornaya A.D. Lifelong learning as a fundamental condition for the development of modern society. In: *Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya: materialy 3 Mezhdunar. nauch. konf.* (g. Perm', yanvar' 2013 g.) [Problems and prospects of education development: materials of the 3d International scientific conference (Perm, January 2013)]. Perm, 2013. Pp. 36–38. (In Russ.).
4. Latyshina D.I. *Istoriya pedagogiki (Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoi mysli): uchebnoe posobie* [History of pedagogy (History of education and pedagogical thought): textbook]. Moscow, 2000. 532 p.
5. Churekova T.M. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy nepreryvnogo obrazovaniya lichnosti v innovatsionnykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh: dis. d-ra ped. nauk* [Theoretical and methodological foundations of lifelong learning of the individual in innovative educational institutions: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Kemerovo, 2002, 397 p.
6. Kudlaev M.S. Education digitalization process in Russia. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2018, no. 31 (217), pp. 3–7. (In Russ.). (Accessed March 23, 2022).
7. *Materialy Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossii i Natsional'nogo fonda podgotovki kadrov po itogam Natsional'nogo proekta "Obrazovanie"* [Materials of the Ministry of Education and Science of Russia and the National Foundation for Personnel Training based on the results of the National Project "Education"]. Available at: <https://edu.gov.ru/national-project/results/> (accessed March 28, 2022).
8. Leonidova G.V., Ustinova K.A. Lifelong learning as a condition for human capital formation. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2012, no. 6 (24). Pp. 124–137. (In Russ.).
9. Kolesnikova I.A. Lifelong learning as a phenomenon of the 21st century: new perspectives of research. *Nepreryvnoe obrazovanie: 21 vek: nauchnyi elektronnyi zhurnal = Lifelong Education: The 21st CENTURY: scientific e-journal*, 2013, no 1, pp. 2–18. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepreryvnoe-obrazovanie-kak-fenomen-xxi-veka-novye-rakursy-issledovaniya> (In Russ.). (Accessed March 15, 2022).
10. Kuz'mina I.A., Ustinov V. A. Principles and methods of creating distance learning courses. *Universitetskoe upravlenie = University Administration*, 2000, no. 1 (12), pp. 50–54. (In Russ.).
11. Romanova N.L. Online courses as an innovative form of distance learning. *Pedagogika vysshei shkoly = Pedagogy of Higher Education*, 2018, no. 2 (12), pp. 5–8. (In Russ.).
12. Perezhovskaya A.N. Lifelong learning: goals, objectives, content, functions, development prospects. In: *Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya: materialy 6 Mezhdunar. nauch. konf.* (g. Perm', aprel' 2015 g.) [Problems and prospects of education development: materials of the 6th International scientific conference (Perm, April 2015)]. Perm, 2015. Pp. 38–41. (In Russ.).
13. Stefova M., Sychev V. *Kak opredelit' kachestvo onlain-kursa i sozdat' sobstvennyuyu sistemu otsenki obrazovatel'nogo produkta na osnove dannykh* [How to determine the quality of an online course and create your own system for evaluating an educational product based on data]. Available at: <https://netology.ru/blog/11-2021-kachestvo-online-kursov> (In Russ.). (Accessed December 2, 2022).
14. Taranets O.N. Distance learning: history and stages of development. In: *Nauka i obrazovanie: poisk perspektiv modernizatsii: sb. nauch. tr. po materialam Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. (Belgorod, 12 iyulya 2021 g.)* [Science and education: search for prospects for modernization: proceedings of the International scientific and practical conference (Belgorod, July 12, 2021)]. Belgorod, 2021. Pp. 48–51. (In Russ.).
15. Krasnova G.A., Polushkina A.O. State and prospects of distance learning during the COVID-19 pandemic. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Informatizatsiya obrazovaniya=RUDN Journal of Informatization in Education*, 2021, vol. 18, no. 1, pp. 36–44. (In Russ.).
16. Merkel' A.V., Radygin V.Yu., Kupriyanov D.Yu. et al. LMS-system as a mechanism for improving the quality of teaching full-time students: a symbiosis of a competitive approach and social network technologies based on free software. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2016, no. 24 (128), pp. 24–31. (In Russ.).
17. Koptunenko L.V. E-learning as an innovative form of educational activity in the organizations of FPS of Russia: problems and development trends. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2017, no. 2 (38), pp. 103–106. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МАРИЯ ЛЬВОВНА КОВАЛЕВА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и правовой информатики Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, ml.kov@bk.ru

ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ШИБАЕВ – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин и правовой информатики Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, 013600@inbox.ru

MARIYA L. KOVALEVA – Candidate of Sciences (Pedagogy), associate professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines and Legal Informatics of the North-Western Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, ml.kov@bk.ru

DMITRII V. SHIBAEV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines and Legal Informatics of the North-Western Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, 013600@inbox.ru

Статья поступила 14.10.2022

Структура мезо- и микроциклов подготовительного периода в программе технической подготовки стрелков

ВИТАЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОГОДИН

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, vital-pogodin2008@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5538-2056>

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия
elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Реферат

Введение: статья посвящена вопросам спортивной подготовки стрелков, которые специализируются в пулевой стрельбе. Рассмотрены средства и методы спортивной подготовки, определена нагрузка и объем тренировочных воздействий на спортсмена. *Цель* заключается в подтверждении эффективности применения программы технической подготовки стрелков в пулевой стрельбе за счет совершенствования периодизации тренировочного процесса. *Методы:* теоретический анализ источников; методы синтеза и обобщения; метод математической статистики – непараметрический критерий Мана – Уитни. *Результаты:* в годичном цикле спортивной подготовки стрелков традиционно содержатся три макроцикла: подготовительный, соревновательный и восстановительный периоды. Основной объем тренировочных воздействий происходит в подготовительный период. Распределение мезоциклов и микроциклов в течение подготовительного периода позволяет регулировать объем и интенсивность используемых средств и методов технической подготовки. Соотношение параметров тренировочной работы спортсменов-стрелков определяет структуру программы технической подготовки. По окончании педагогического эксперимента испытуемые экспериментальной группы продемонстрировали математически достоверный рост результатов стрельбы на контрольной тренировке по сравнению с контрольной группой. *Выводы:* при планировании спортивной тренировки необходимо определить место мезоциклов в подготовительном периоде и место микроциклов внутри мезоциклов, благодаря этому определяются эффективный выбор средств и методов воздействия на спортсмена, величина нагрузки и ее интенсивность.

Ключевые слова: пулевая стрельба; техническая подготовка; подготовительный период; периодизация; спортивные циклы.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

Для цитирования: Погодин В. А., Зауторова Э. В. Структура мезо- и микроциклов подготовительного периода в программе технической подготовки стрелков // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 222–228. doi: 10.46741/26869764.2023.62.2.012.

Original article

Structure of Meso- and Microcycles of the Preparatory Period in the Shooter Technical Training Program

VITALII A. POGODIN

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, vital-pogodin2008@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5538-2056>

EL'VIRA V. ZAUTOROVA

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia
elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the issues of sports training of shooters specializing in bullet shooting. The paper presents the means and methods of sports training and determines the load and amount of training effects on the athlete. *Purpose:* to confirm effectiveness of the bullet shooting training program for shooters by improving periodization of the training process. *Methods:* theoretical analysis of literary sources; methods of synthesis and generalization; the method of mathematical statistics is the nonparametric Man-Whitney criterion. *Results:* the annual cycle of shooting sports training traditionally contains three macrocycles, namely the preparatory, competitive and recovery periods. The main volume of training effects occurs during the preparatory period. Distribution of mesocycles and microcycles during the preparatory period helps regulate the volume and intensity of the means and methods of technical training. The ratio of the parameters of the training work of shooters determines the structure of the technical training program. At the end of the pedagogical experiment, the subjects of the experimental group demonstrated a mathematically reliable increase in the results of shooting at the control training compared with the control group. *Conclusion:* when planning sports training, it is necessary to determine the place of mesocycles in the preparatory period and the place of microcycles inside mesocycles, thus ensuring the effective choice of means and methods of influencing the athlete, amount of the load and its intensity.

Key words: bullet shooting; technical training; preparatory period; periodization; sports cycles.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences).

For citation: Pogodin V.A., Zautorova E.V. Structure of meso- and microcycles of the preparatory period in the shooter technical training program. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 222–228. doi: 10.46741/26869764.2023.62.2.012.

Введение

Рассматривая тренировочный процесс в целом, его можно представить в виде структурных единиц, в рамках которых и осуществляются воздействия на спортсменов [1–4]. Обращаясь к трудам В. К. Бальсевича, можно сформулировать основное правило спортивной тренировки: объем и интенсивность тренировочных нагрузок обязаны соответствовать текущим показателям подготовленности спортсменов и учитывать их возраст [5].

Разделение тренировочного процесса на циклы относится к разделу «периодизация» спортивной тренировки [2]. В целом планирование необходимо для подготовки спортсмена-стрелка к официальным соревнованиям и выступлениям на них в момент достижения им наивысших показателей спортивной формы [6]. При планировании тренировочного процесса тренер опирается на календарный план – документ, который позволяет заблаговременно запланировать соревнования, на которых будет выступать спортсмен. Он утверждается в конце текущего года на год следующий.

Необходимость периодизации спортивной тренировки определяется тремя фазами развития спортивной формы (становление, сохранение и временная утрата) [7; 8].

В процессе спортивной тренировки выделяются три периода:

– соревновательный период – сопровождается пиковыми значениями спортивной формы и направлен на достижение максимального спортивного результата на официальных соревнованиях;

– переходный период – имеет начало по окончании выступления на соревнованиях и сопровождается временной утратой спортивной формы;

– подготовительный период – в течение его происходит основное воздействие на организм спортсмена и становление спортивной формы (рис. 1).

Перечисленные периоды идут друг за другом, имеют конкретные педагогические задачи, которые решаются по мере приближения спортивных соревнований [1].

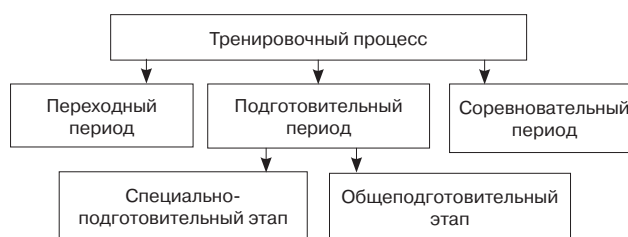

Рис. 1. Периоды и этапы тренировочного процесса

Соревновательный период спортивной тренировки соответствует началу выступления на официальных соревнованиях. Как правило, это один основной старт и 2–3 второстепенных соревнования. Он характеризуется готовностью стрелков к достижению пика спортивной формы и высокому спортивному результату. Особенностью распределения объема и интенсивности нагрузки является ее волнообразность. Динамика представляет собой короткие подъемы до максимума (последние тренировки до соревнований и сами соревнования) и временные спады (после

официальных соревнований), сменяющиеся снова постепенным подъемом (если после основного старта запланированы второстепенные соревнования). Объем нагрузки, оставаясь на одном и том же уровне, не изменяется [2].

Основная задача периода – это достижение высокого результата в выступлении на основных соревнованиях. Продолжительность данного периода в пулевой стрельбе составляет до месяца, хотя его длительность во многом зависит от календаря соревнований [9].

Переходный период является неотъемлемой частью подготовки в любом виде спорта, в том числе и в пулевой стрельбе. Он является связующим звеном между окончанием соревновательного периода (выступления на официальных соревнованиях) и началом подготовительного периода (набор спортивной формы к следующим соревнованиям). В этом периоде спортсмены используют средства активного отдыха, общей физической подготовки и реабилитационные мероприятия. Наиболее приемлемые средства воздействия: езда на велосипеде, рыбная ловля, ходьба на лыжах, плавание, туристические походы, неконтактные спортивные и подвижные игры, массаж, бальнеотерапия и др. Выбор средств зависит либо от желания спортсменов, либо от объективного состояния их здоровья (сопутствующих заболеваний и полученных травм) [2; 10].

Первоочередная задача, которая стоит перед тренером, – это максимально возможное восстановление энергетических сил организма и работоспособности спортсменов после соревновательных нагрузок. Оптимальная продолжительность этапа в пулевой стрельбе составляет 1–1,5 месяца [9; 11].

С целью повышения показателей наиболее интересен именно подготовительный период. В современной научно-методической литературе присутствует достаточно исследований, подтверждающих этот факт [12–16]. Подготовительный период в пулевой стрельбе имеет продолжительность до трех месяцев и состоит из двух этапов: общеподготовительного и специально-подготовительного [9].

На общеподготовительном этапе задачи процесса технической подготовки ограничены изучением новых техник двигательных действий в избранной спортивной дисциплине и совершенствованием ранее изученных движений. Объем и интенсивность нагрузки увеличиваются равномерно и достигают пика к его окончанию. Положительный эффект от тренировок достигается посредством использования разнообразных средств спорта. Спортсмены могут участвовать во второстепенных соревнованиях, отрабатывая новые технические приемы и исправляя ошибки [14; 17].

В течение специально-подготовительного этапа изменяются задачи технической подготовки. Средства специальной технической подготовки уже занимают более 70 % общего времени тренировки. Негативным аспектом здесь является снижение разнообразия доступных средств, но задача тренера – составить тренировку интересно и разнообразно в рамках двигательных действий соревновательного упражнения [18].

Нагрузка на спортсмена возрастает преимущественно за счет увеличения ее интенсивности. Перед началом соревновательного периода, который знаменуется официальными соревнованиями, интенсивность нагрузки превышает ее объем и достигает пиковых значений. На максимальном уровне интенсивности рекомендуется проводить не более трех тренировок перед официальными соревнованиями [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что именно подготовительный период является основополагающим в процессе спортивной подготовки спортсмена. На протяжении этого периода на спортсмена оказываются разнообразные воздействия, развиваются его двигательные качества, совершенствуется техническое мастерство.

Продолжительность воздействий внутри каждого периода подготовки спортсменов определяет длительность структуры тренировки. Л. П. Матвеев выделяет малые циклы, или микроциклы, средние циклы, или мезоциклы, и большие циклы (макроциклы) [3].

Микроструктура тренировочного процесса – это отдельные тренировочные занятия или ряд занятий в течение короткого промежутка времени (до недели), на которых решаются одинаковые задачи и достигается общая цель тренировки при использовании одних и тех же средств тренировки. В зависимости от объема и интенсивности предоставляемой спортсменам нагрузки они бывают ударные, подводящие, восстановительные, соревновательные, объемные и некоторые другие [7].

Мезоциклы имеют большую продолжительность (от 4 до 8 недель) и их содержание состоит из микроциклов. Их логическая последовательность во многом определяет процесс подготовки спортсмена. Относительно их направленного воздействия на спортсменов, используемых средств и величины нагрузки они бывают втягивающими, базовыми, соревновательными, интенсивными, восстановительными, подводящими, контрольными, предсоревновательными и т. д.

Расстановка мезоциклов в макроцикле зависит, в первую очередь, от вида спорта и от того, является ли вид спорта сезонным или круглогодичным. Обратившись к календарю официальных соревнований по пулевой стрельбе [19] за последние пять лет, можно увидеть, что большое количество крупных престижных стартов по пневматическому оружию проводится в осенне-зимний период, в то время как соревнования по малокалиберному оружию – в весенне-летний период с захватом осени. В это время проводится значительное количество чемпионатов и кубков России, которые благодаря комфортным погодным условиям проходят на открытых стрельбищах [20].

Климатические особенности регионов России и отсутствие открытых стрельбищ предрасполагают к проведению тренировок в закрытом тире в течение всего года. Этот факт сводит на нет искусственно созданную сезонность пулевой стрельбы [13].

Макроструктура тренировочного процесса подразумевает более длительные периоды времени воздействия на организм спортсмена. Наиболее продолжительным считается годичный цикл подготовки

(некоторые авторы выделяют и олимпийские циклы). В структуре большого цикла содержатся мезоциклы в логической последовательности относительно решаемых задач и календаря соревнований.

При составлении программы подготовки спортсменов следует учитывать ряд методических положений:

1) в течение процесса подготовки спортсменов следует время от времени повторять его структурные составляющие;

2) изменять содержание циклов по мере приближения к контрольным соревнованиям;

3) опираться на закономерности развития спортивной формы;

4) выбирать содержание микроциклов, объем и интенсивность нагрузки в соответствии с периодом спортивной подготовки.

В зависимости от задач технической подготовки и расположения по отношению к дате официальных соревнований мезоциклы подразделяются:

1) на втягивающий, несущий в себе задачи по подведению стрелков к увеличенной нагрузке специальной технической подготовки. Данный цикл начинается с микроцикла малой нагрузки, а заканчивается микроциклом с более высоким объемом и увеличившейся интенсивностью нагрузки, что и способствует развитию спортивной формы стрелка;

2) базовый, характеризующийся преимущественным использованием средств, направленных на активное выполнение специальных технических действий и развитие двигательных качеств, необходимых стрелку, росту всесторонней подготовленности спортсмена;

3) контрольно-подготовительный, обеспечивающий объединение достигнутых показателей технической подготовленности спортсменов;

4) предсоревновательный, нацеленный на выявление и исправление недостатков техники, ошибок выполнения двигательных действий стрелком. В нем есть возможность использовать специальные и контрастные микроциклы [9].

Грамотное сочетание мезоциклов в программе технической подготовки позволит значительно повысить результативность выполнения соревновательного упражнения по пулевой стрельбе.

Содержание мезоциклов изменяется равномерно по мере приближения к официальным соревнованиям. Каждый цикл состоит из ряда малых циклов. Продолжительность микроцикла варьируется от одного тренировочного занятия до семи. Наиболее распространенная структура планирования тренировочного процесса имеет длительность микроциклов от трех до семи дней.

В периодизации спортивной тренировки выделяются следующие виды микроциклов:

1) втягивающий, характеризующийся малым объемом и низкой интенсивностью предлагаемой нагрузки. Упражнения должны быть знакомы спортсменам и не иметь сложности в техническом исполнении. Задача данного цикла – это подготовка функционального состояния организма спортсмена к большей нагрузке в последующих циклах. Этим микроциклом, как правило, начинается мезоцикл;

2) базовый ударный или контрастный микроцикл, особенностью которого являются наибольшие суммарные по объему и интенсивности нагрузки. Кроме того, спортсменам предлагаются к выполнению сложные технические действия, в том числе в неблагоприятных условиях и с использованием отвлекающих факторов. В этом микроцикле организм спортсмена приобретает адаптивность к нагрузке [14];

3) восстановительный или разгрузочный микроцикл, который в тренировочном процессе чаще всего завершает серию ударных или соревновательных микроциклов. Постепенно снижение нагрузки и использование средств активного отдыха способствуют созданию благоприятных условий для восстановительных процессов в организме стрелка [18];

4) подводный или специализированный микроцикл, используемый при необходимости создать условия, приближенные к предстоящим соревнованиям, и нацеленный на подведение стрелков к выступлению. Применяются средства выполнения контрольного стрелкового упражнения или средства, направленные на решение вопросов восстановления психологического состояния спортсменов;

5) соревновательный микроцикл, который, как правило, формируется, основываясь на программе официальных соревнований по пулевой стрельбе. Однако кроме соревновательных дисциплин стрельбы, в которых выступает спортсмен, он может содержать и восстановительные средства.

В научно-методической литературе можно встретить и такие микроциклы, как базовый общеподготовительный, базовый специальный, контрольно-подготовительный, модельный и др. [1; 3; 4].

Последняя тренировка в недельном микроцикле необязательно должна проводиться с применением стрелковых упражнений с оружием. С целью повышения эмоциональности занятия В. А. Кинль рекомендует использовать спортивные и подвижные игры, упражнения из других видов спорта [9].

При составлении структуры подготовки спортсменов исследователи опираются на продолжительность календарной недели, так как это наиболее эффективно сочетается с организацией трудовой и образовательной деятельности учреждения, в котором проводятся тренировки. Содержание микроцикла, в свою очередь, опирается на следующие факторы: уровень развития физической и технической подготовленности стрелков, пол и возраст спортсменов, характер поставленных задач.

Таким образом, единой и универсальной структуры как мезоцикла, так и микроцикла не существует. Различное их сочетание может привести к росту результатов спортсменов. Творческий подход к выбору упражнений, изменения режима нагрузок и отдыха, опора на показатели физической и технической подготовленности обеспечат рост тренированности стрелков на каждом этапе подготовки.

Организация исследования

В ходе педагогического эксперимента была внедрена в образовательный процесс ДЮСШ г. Вологды программа технической подготовки с сопряженным развитием координационных способностей юных стрелков в мезо- и микроциклах подготовительного

периода. В качестве участников эксперимента были выбраны спортсмены учебно-тренировочных групп, возраст которых составил 14–17 лет и которые имели спортивный разряд не ниже второго на упражнении ВП-40. В исследовании принимали участие только юноши. Количество участников составило 24 чел. Спортсмены были разделены на две группы – контрольную и экспериментальную, по 12 чел. в каждой.

На этапах подготовительного периода применялись все виды мезоциклов. Каждый мезоцикл формировался в среднем из 2–5 микроциклов.

В общеподготовительный этап подготовительного периода было включено три мезоцикла: втягивающий, базовый и контрольно-подготовительный (рис. 2).

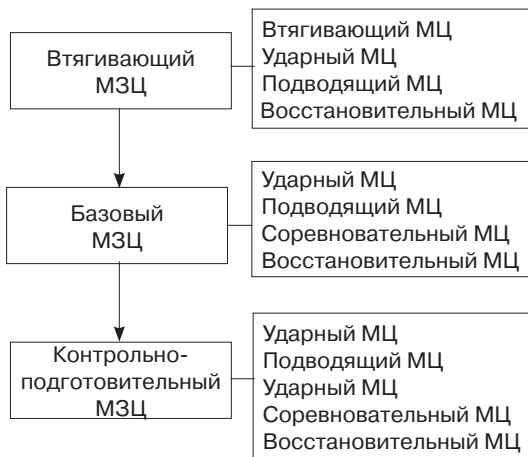

Рис. 2. Схема построения тренировочного процесса на общеподготовительном этапе подготовительного периода

Чередование мезоциклов на специально-подготовительном этапе подготовительного периода было следующим: базовый, предсоревновательный и два контрольно-подготовительных (рис. 3).

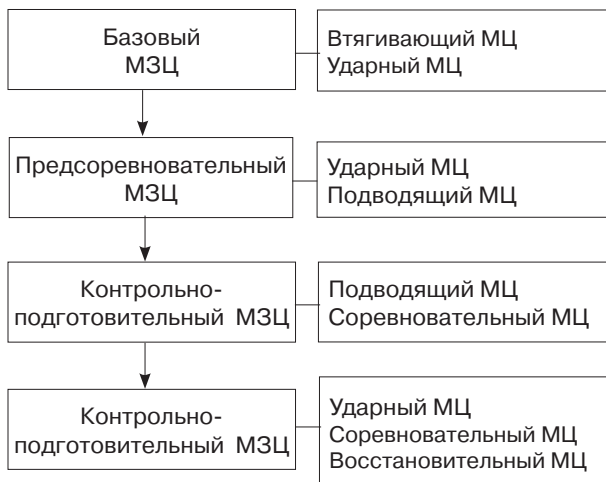

Рис. 3. Схема построения тренировочного процесса на специально-подготовительном этапе подготовительного периода

Результаты

Эффективность внедренной программы проверялась проведением контрольного упражнения ВП-40м. Контрольное упражнение проводилось до на-

чала эксперимента и по его окончании с фиксацией результата стрельбы в обоих случаях. Числовые значения результатов стрельбы наглядно представлены на рис. 4 и 5.

В работе с показателями контрольной группы после использования непараметрического критерия Мана – Уитни было получено: U эмпирическое (65), U критическое (42, при $p \leq 0,05$), следовательно, различия статистически достоверны.

Анализ индивидуальных показателей результативности стрелков позволяет увидеть улучшение стрельбы по окончании эксперимента только у пяти спортсменов.

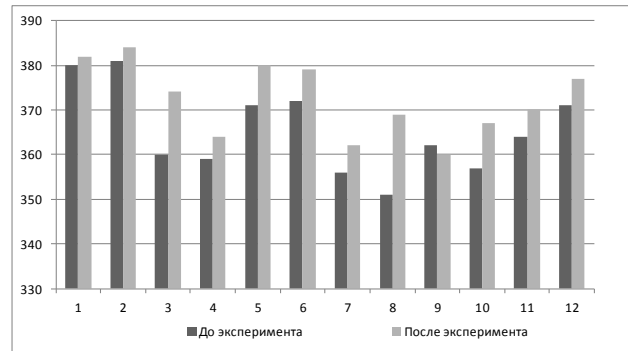

Рис. 4. Результаты контрольной тренировки в контрольной группе

В работе с показателями экспериментальной группы после использования непараметрического критерия Мана – Уитни было выявлено: U эмпирическое (42), U критическое (42, при $p \leq 0,05$), следовательно, различия статистически достоверны.

Анализ индивидуальных показателей результативности стрелков в экспериментальной группе позволяет увидеть улучшение стрельбы по окончании эксперимента у 11 спортсменов.

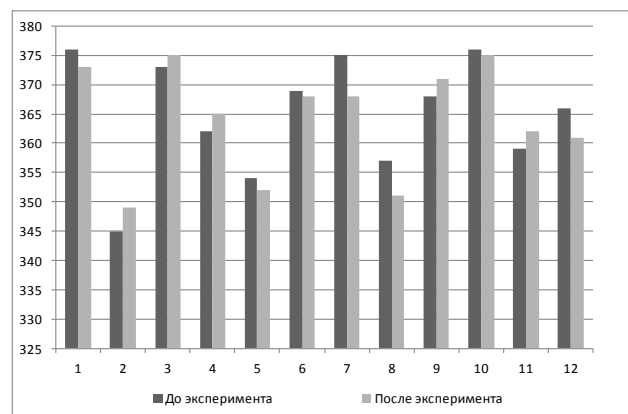

Рис. 5. Результаты контрольной тренировки в экспериментальной группе

В целом при сравнении средних результатов контрольной и экспериментальной групп между собой после эксперимента было получено U эмпирическое (39,5), U критическое (42, при $p \leq 0,05$). Таким образом, получен статистически достоверный результат к концу эксперимента.

Таким образом, в ходе исследования был получен рост результатов стрельбы в экспериментальной группе, в процесс тренировки была внедрена программа технической подготовки с сопряженным развитием координационных способностей юных стрелков в мезо- и микроциклах подготовительного периода. Достоверность роста результатов подтверждается методом математической статистики при сравнении контрольной и экспериментальной групп до и после эксперимента.

Заключение

В исследовании было описано планирование тренировочного процесса. Конкретизированы периоды, из которых состоит спортивная тренировка. Выявлено, что в подготовительный период стрелков подвержен разнообразным воздействиям, направленным на

развитие двигательных качеств и совершенствование технического мастерства производства выстрела. Описаны мезоструктура и микроструктура подготовительного периода в пулевой стрельбе.

В результате эксперимента проверено, что разработанная программа технической подготовки с сопряженным развитием координационных способностей юных стрелков в мезо- и микроциклах подготовительного периода эффективно воздействует на процесс спортивной тренировки, повышая результат в стрельбе. Программа представляет собой строго организованную структуру мезо- и микроциклов в подготовительном периоде, содержание которых опирается на средства и методы технической подготовки с учетом чередования нагрузки и отдыха.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Курамшин Ю. Ф. Теория и методика физической культуры. М., 2004. 464 с.
2. Матвеев Л. П. Проблема периодизации спортивной тренировки. М., 1964. 248 с.
3. Матвеев Л. П. К теории построения спортивной тренировки // Теория и практика физической культуры. 1991. № 12. С. 11–20.
4. Холодов Ж. К., Кузнецов В. С. Теория и методика физического воспитания и спорта. М., 2016. 496 с.
5. Бальсевич В. К. Перспективы развития общей теории и технологий спортивной подготовки и физического воспитания: методологический аспект // Теория и практика физической культуры. 1999. № 4. С. 21–26.
6. Cleckner R. M. Long Range Shooting Handbook. Scotts Valley, 2016. 330 p.
7. Платонов В. Н. Теория периодизации спортивной тренировки в течении года: история вопроса, состояние, дискуссии, пути модернизации // Теория и практика физической культуры. 2009. № 9. С. 18–34.
8. Ihalainen S., Kuitunen S., Mononen K. Determinants of elite-level air rifle shooting performance // Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports. 2016. No 26. Pp. 266–274.
9. Кинль В. А. Пулевая стрельба. М., 1989. 207 с.
10. Tremayne P., Barry R. J. Elite pistol shooters : Physiological patterning of best vs. worst shots // International Journal of Psychophysiology. 2001. No 41. Pp. 19–29.
11. Аросьев Д. А. Исследование некоторых форм построения предсоревновательного этапа тренировки : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1969. 27 с.
12. Шилин Ю. Н., Насонова А. А. Спортивная пулевая стрельба. М., 2012. 316 с.
13. Коновалов В. Л., Кишкин А. И., Катканова И. Н. Структура и содержание тренировочного процесса, направленного на повышение силовой выносливости у стрелков в подготовительном периоде // Kant. 2021. № 1 (38). С. 263–269.
14. Сабирова И. А., Зозулин С. А. Изометрические упражнения на предсоревновательном этапе подготовки стрелков-пистолетчиков // Проблемы теории и методики физической культуры и спорта, валеологии и безопасности жизнедеятельности : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2010. С. 135–138.
15. Сушко А. А. Методика физической подготовки квалифицированных стрелков из арбалета средствами классической аэробики в подготовительном периоде : дис. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2014. 183 с.
16. Шиян В. В., Каражанов Б. К., Сариев К. С. Планирование предсоревновательной подготовки квалифицированных дзюдоистов. Алма-Ата, 1992. 62 с.
17. Guillot A., Collet C., Molinaro C. Expertise and peripheral autonomic activity during the preparation phase in shooting events // Perceptual Motor Skills. 2004. No 98. Pp. 371–381.
18. Корх А. Я. Спортивная стрельба. М., 1987. 255 с.
19. Календарь соревнований по пулевой стрельбе. URL: <http://shooting-russia.ru/static/?bullet> (дата обращения: 09.11.2022).
20. Золотарев И. Б. Пулевая стрельба : учеб.-метод. пособие. М., 2011. 313 с.

REFERENCES

1. Kuramshin Yu.F. *Teoriya i metodika fizicheskoi kul'tury* [Theory and Practice of Physical Education]. Moscow, 2004. 464 p.
2. Matveev L.P. *Problema periodizatsii sportivnoi trenirovki* [The problem of periodization of sports training]. Moscow, 1964. 248 p.
3. Matveev L.P. On the theory of building sports training. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and Practice of Physical Education*, 1991, no. 12, pp. 11–20. (In Russ.).
4. Kholodov Zh.K., Kuznetsov V.S. *Teoriya i metodika fizicheskogo vospitaniya i sporta* [Theory and methodology of physical education and sports]. Moscow, 2016. 496 p.
5. Bal'sevich V.K. Prospects for the development of the general theory and technologies of sports training and physical education: methodological aspect. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and Practice of Physical Education*, 1999, no. 4, pp. 21–26. (In Russ.).

6. Cleckner R.M. Long Range Shooting Handbook. *Scotts Valley*, 2016. 330 p.
7. Platonov V.N. The theory of periodization of sports training during the year: the history of the issue, the state, discussions, ways of modernization. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and Practice of Physical Education*, 2009, no. 9, pp. 18–34. (In Russ.).
8. Ihalainen S., Kuitunen S., Mononen K. Determinants of elite-level air rifle shooting performance. *Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports*, 2016, no. 26, pp. 266–274.
9. Kinl' V.A. *Pulevaya strel'ba* [Pistol shooting]. Moscow, 1989. 207 p.
10. Tremayne P., Barry R.J. Elite pistol shooters: physiological patterning of best vs. worst shots. *International Journal of Psychophysiology*, 2001, no. 41, pp. 19–29.
11. Aros'ev D.A. *Issledovanie nekotorykh form postroeniya pedsorevnovatel'nogo etapa trenirovki: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Research of some forms of construction of the pre-competitive stage of training: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 1969. 27 p.
12. Shilin Yu.N., Nasonova A.A. *Sportivnaya pulevaya strel'ba* [Sports bullet shooting]. Moscow, 2012. 316 p.
13. Konovalov V.L., Kishkin A.I., Katkanova I.N. The structure and content of the training process aimed at increasing the strength endurance of shooters in the preparatory period. *Kant*, 2021, no. 1 (38), pp. 263–269. (In Russ.).
14. Sabirova I.A., Zozulin S.A. Isometric exercises at the pre-competitive stage of training pistol shooters. In: *Problemy teorii i metodiki fizicheskoi kul'tury i sporta, valeologii i bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti: materialy 2 mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Problems of theory and methodology of physical culture and sports, valeology and life safety: proceedings of the 2nd International research and practice conference]. Voronezh, 2010. Pp. 135–138. (In Russ.).
15. Sushko A.A. *Metodika fizicheskoi podgotovki kvalifitsirovannykh strelkov iz arbaleta sredstvami klassicheskoi aerobiki v podgotovitel'nom periode: dis. ... kand. ped. nauk* [Methods of physical training of qualified crossbow shooters by means of classical aerobics in the preparatory period: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Ulan-Ude, 2014. 183 p.
16. Shiyan V.V., Karazhanov B.K., Sariev K.S. *Planirovanie pedsorevnovatel'noi podgotovki kvalifitsirovannykh dzyudoistov* [Planning of pre-competition training of qualified judoists]. Alma-Ata, 1992, 62 p.
17. Guillot A., Collet C., Molinaro C. Expertise and peripheral autonomic activity during the preparation phase in shooting events. *Perceptual Motor Skills*, 2004, no. 98, pp. 371–381.
18. Korkh A.Ya. *Sportivnaya strel'ba* [Sports shooting]. Moscow, 1987. 255 p.
19. *Kalendar' sorevnovanii po pulevoi strel'be* [Calendar of bullet shooting competitions]. Available at: <http://shooting-russia.ru/static/?bullet> (In Russ.) (Accessed November 9, 2022).
20. Zolotarev I.B. *Pulevaya strel'ba: ucheb.-metod. posob.* [Pistol shooting: educational and methodical manual]. Moscow, 2011. 313 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВИТАЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОГОДИН – преподаватель кафедры боевой и тактико-специальной подготовки инженерно-экономического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, vital-pogodin2008@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5538-2056>

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, ведущий научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

VITALII A. POGODIN – Lecturer at the Department of Combat and Tactical-Special Training of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, vital-pogodin2008@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5538-2056>

EL'VIRA V. ZAUTOROVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Leading Researcher at the Research Center-2 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department for Legal Psychology and Pedagogy of the Psychology Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Статья поступила 20.01.2023

РАЗМЕЩЕНИЕ И ИНДЕКСИРОВАНИЕ В БАЗАХ ДАННЫХ

eLIBRARY.RU: да (договор 407-10/2019)

Префикс doi: да (10.46741/2686-9764)

РИНЦ: да

Ядро РИНЦ: нет

Перечень ВАК: да

CrossRef: да

East View Information Services: да

Система ГАРАНТ: да

RSCI: нет

Web of Science: нет

Scopus: нет

EBSCO: да

WorldCat: да

CyberLeninka: да

DOAJ: да

<https://jurnauka-vipe.ru>